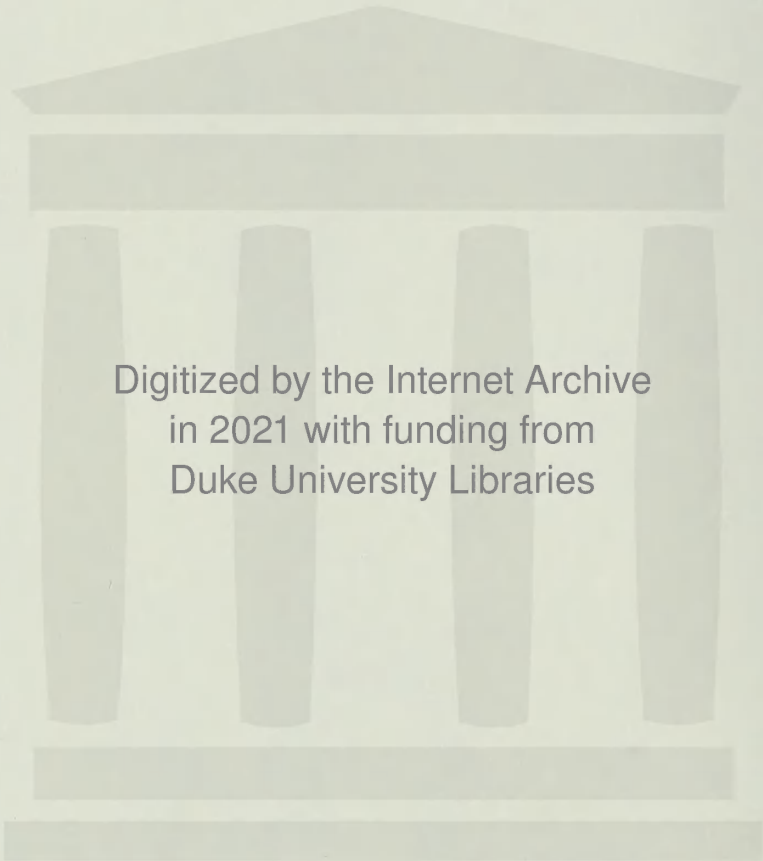
РУССКАЯ БИБЛ

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY


Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/pomieshchichiaro01ruso

ТОВАРИЩА
РОБІТ

ПОМѢЩИЧЬЯ РОССІЯ

ПО ЗАПИСКАМЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Составилъ
Н. Н. РУСОВЪ.

Съ картинами, исполненными фото-тинто-гравюрой.

ИЗДАНІЕ
Московскаго книгоиздательства
Т-ва «ОБРАЗОВАНІЕ».
1911.

Всѣ рисунки исполнены Графическимъ Институтомъ Т-ва «Образованіе» по способу, только ему принадлежащему и впервые въ Россіи имъ введенному:

ФОТО-ТИНТО-ГРАВЮРОЙ.

Тип. Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.

914.7
R956P

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Со дня крестьянской реформы прошло пятьдесятъ лѣтъ. За эти полвѣка общее теченіе русской жизни продолжало все дальше уходить отъ эпохи крѣпостного права, можетъ быть, медленно, съ неизбѣжными задержками, но зато послѣдовательно и неуклонно. Россія помѣщичья, душевладѣльческая, сословная, та Россія, которая, по выраженію Алексѣя Хомякова, была «клеймлена игомъ рабства», 19 февраля 1861 года канула въ безвозвратное прошлое. Ея послѣдніе слѣды исчезаютъ на нашихъ глазахъ. Можно этому печаловаться или радоваться, но, какъ говорится, фактъ—налицо: историческая необходимость раскрѣпощенія Россіи для ея поступательнаго движенія впередъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Крѣпостная Россія исчезла навсегда, и нѣтъ ничего, что могло бы ее воскресить—въ дѣйствительности. Иное дѣло—наука и литература. Въ настоящее время то или другое изображеніе дореформенной Россіи, особенно ближайшей эпохи, Николая, Александра, Екатерины,—очередная задача научнаго и художественнаго познанія. Искусство, не менѣе, чѣмъ присяжная исторія, обратило вниманіе на это недавнее прошлое. Въ Петербургѣ цѣлая школа живописи посвящаетъ свою любовь и свое творчество, главнымъ образомъ, николаевскимъ временамъ.

Въ русской поэтической литературѣ мы имѣемъ нѣсколько высоко-художественныхъ созданій, сохраняющихъ для насъ, какъ живыми, давно прошедшія времена и жизнь.

Но все это—субъективное творчество, не подлинная жизнь, а преображающее ее искусство, художественный взглядъ назадъ, ретроспективное воспроизведеніе прошлаго. Нашей задачей является изображеніе той же угасшей эпохи, со стороны ея быта и нравовъ, ея внутреннихъ взаимоотношеній, но уже по другимъ, болѣе достовѣрнымъ источникамъ. Таковыми служатъ многочисленные мемуары, записки и дневники, оставленные современниками. Мы ихъ внимательно пересмотрѣли бо-

499893

лѣе сотни, остановивъ свой выборъ на характеризующихъ царствованія Екатерины, Александра и Николая. Мы ограничили себя опредѣленными хронологическими рамками,—концомъ XVIII и началомъ XIX в.в.,—на томъ основаніи, что это столѣтіе, по справедливости, считается тѣмъ періодомъ, когда крѣпостничество, во всѣхъ своихъ результатахъ, достигало наивысшаго развитія и, съ точки зрѣнія бытовой, было самымъ яркимъ.

Интересующее насъ столѣтіе мы разрѣзали вдоль и поперекъ. Во-первыхъ, раздѣлили на Екатерининскую и Александровско-Николаевскую эпохи. Всякому извѣстно, что съ началомъ XIX вѣка,—«дней александровыхъ прекрасное начало»!—многое въ русской жизни пошло на особый ладъ, многое измѣнилось, особенно съ внѣшней стороны, и потому пограничная линія между двумя періодами крѣпостной Россіи проводится легко, прямо и рѣзко. Далѣе, каждую эпоху внутри мы разслоили, такъ сказать, на двѣ почвы: на высшее дворянство, баръ и вельможъ, и на среднее, провинціальное, глухое «шляхетство», какъ оно еще именовалось въ XVIII вѣкѣ. При чемъ первое, знатное дворянство, мы подраздѣлили еще на петербургское и московское,—разница для внимательнаго читателя всякихъ записокъ весьма замѣтная.

Въ вышеочерченныхъ условіяхъ мы постарались воспроизвести бытъ и нравы крѣпостной Россіи возможно полнѣе, начавъ съ изображенія обыденной жизни и обстановки самой императрицы Екатерины, которая, по праву, считала себя «первой русской помѣщицей».

Въ заключеніе должно сказать, что, въ виду авторства всѣхъ записокъ почти исключительно дворянскаго, помѣщичьяго, они естественно носятъ нѣсколько мягкій тонъ по отношенію къ многоразличнымъ эксцессамъ крѣпостничества. Но даже одинъ изъ самыхъ гуманныхъ и просвѣщенныхъ изъ нихъ, Д. Н. Свербеевъ, принужденъ былъ признаться: «это доказываетъ одну святую истину, что и лучшіе помѣщики не могли не злоупотреблять крѣпостнымъ правомъ» («Записки», т. II, стр. 29). Если такъ, то что же говорить о «не лучшихъ»?

Москва. **Н. Н. Русовъ.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Эпоха императ. Екатерины II.

Глава I. Императрица Екатерина въ домашнемъ быту.

Воспоминанія Н. П. Брусилова. «И. В.» 1893 г. 4, стр. 46—58.

Глава II. Высшее петербургское общество.

Кн. М. М. Щербатовъ. О поврежденіи нравовъ. М., стр. 65—72.

Сочиненія кн. И. М. Долгорукаго. Изд. Смирдина. СПБ. 1849 г., т. II, стр. 512—34.

Записки гр. Сегюра. СПБ. 1865 г., стр. 31—37.

Глава III. Московское барство.

Записки А. М. Тургенева. «Р. Ст.» 1885 г. Ноябрь. Вся XII гл.

Глава IV. Провинціальное дворянство.

Записки Г. Р. Державина. М. 1860 г., стр. 5—12 и стр. 27—29.

Записки Винскаго. «Р. Арх.» 1877 г. 9 стр.

499893

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Эпоха имп. Александра I и имп. Никола .

Глава I. Высшее петербургское общество.

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго. «Р. Ст.» 1874 г. XI, стр. 465—77.

Воспоминанія гр. В. А. Соллогуба. СПБ. 1887 г. Глава I—II.

Глава II. Московское барство.

Записки С. П. Жихарева. Изд. «Р. Арх.» М. 1890, стр. 17, 27—8, 40—43, 192—3.

Воспоминанія Погожева. «И. В.» 1893 г. 6, стр. 719—31.

Глава III. Провинціальное дворянство.

Невѣровъ. Глава изъ исторіи крѣп. права въ Россіи. «Р. Ст.» 1883 г. XL, стр. 429—48.

Воспоминанія гр. В. А. Соллогуба. СПБ. 1887, стр. 78—100.

Записки Д. Н. Свербеева. М. 1899. Т. II. Стр. 26—72.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Эпоха имп. Екатерины II.

Глава I. Императрица Екатерина въ домашнемъ быту [1]).

I.

Я помню себя съ трехъ лѣтъ. Воспитывался я у бабушки, которая, какъ всѣ бабушки вообще, любила меня безъ памяти и баловала напропалую. Я былъ упрямъ и до крайности застѣнчивъ. Много стоило трудовъ втолкать меня въ гостиную, если кто-нибудь былъ тамъ посторонній, а особливо дамы: я боялся ихъ, какъ огня. Эти милыя качества и до сѣдины меня не оставили. Въ то время только вводилось прививаніе натуральной оспы. Въ уѣздахъ были плохіе медики; нашъ уѣздный эскулапъ не умѣлъ прививать оспы; меня повезли въ Москву. Медикъ, который долженъ былъ дѣлать эту операцію, по большимъ своимъ занятіямъ, не могъ пріѣхать въ квартиру; меня повезли къ нему. Довезти было не трудно, но вынуть изъ кареты труднѣе: я поднялъ ужасный крикъ; дѣлать было нечего, медикъ рѣшился привить мнѣ оспу въ каретѣ; и такимъ образомъ совершилась эта операція среди бѣла дня на улицѣ бѣлокаменной Москвы: происшествіе довольно необыкновенное. Можно бы изъ этого вывести заключеніе, что вся жизнь моя будетъ сцѣпленіемъ странныхъ приключеній, однако же все обстоитъ благополучно. Привезя упрямца домой, вздумали одѣть меня туркомъ. Я носилъ чалму, желтые сапоги, деревянный ятаганъ. Не знаю, не это ли было причиною впослѣдствіи необыкновеннаго моего влеченія

[1]) Воспоминанія Н. П. Брусилова. «И. В.» 1893.

къ нѣжному полу. Я во всѣхъ влюблялся. Стоило мнѣ только увидѣть стройную талію, коротенькій башмачекъ, чтобы потерять сердце недѣли на двѣ до другой встрѣчи.

По шестому году посадили меня за букварь и часовникъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ смѣшно такое образованіе, но такое начало не совсѣмъ худо. Оно съ юныхъ ногтей знакомитъ съ роднымъ языкомъ и научаетъ страху Божію. Тогда еще не учили по-русски на французскій манеръ, не было ни а, ни бе, а были просто азъ, буки, вѣди и проч. Признаюсь, я и теперь не могу равнодушно слышать, какъ русскія дѣти складываютъ бе, а—ба; мнѣ кажется понятнѣе: буки, азъ—ба. Славянская азбука есть вмѣстѣ и молитва и законъ. Что значатъ для русскаго всѣ бе, а, ве: совершенно никакого понятія съ этимъ не сопрягается, кромѣ пустаго звона словъ, между тѣмъ, какъ читая славянскую азбуку, я научаюсь многому: азъ вѣдый глаголъ, добро есть живете земля ниже и; како люди мыслѣте; нашъ онъ покой; рцы слово твердо. Вотъ съ первымъ понятіемъ ребенка, съ первымъ началомъ, прежде еще складовъ, говоритъ ему Господь, что онъ вѣдаетъ помыслы людей, знаетъ, какъ живутъ они на землѣ, на коей суть; вмѣстѣ съ тѣмъ люди признаютъ, что одинъ Богъ успокоиваетъ ихъ, и обязуются хранить данное слово. Г.г. филологи, не хвалитесь мудростію вашею!.. Однако же я удалился отъ своего предмета; извините, старики болтливы.

Восьми лѣтъ повезли меня въ Петербургъ и чрезъ посредство благодѣтельнаго родственника В. [1]) приняли меня въ Пажескій корпусъ. Это тогда было довольно важно, ибо весь комплектъ состоялъ только изъ 60 пажей, большею частью дѣтей знатныхъ особъ. Для принятія въ число ихъ сына секундъ-маіора, и очень небогатаго, надобна была сильная протекція. Она и была у меня. В., о которомъ я упомянулъ, былъ при императрицѣ Елисаветѣ капитаномъ гвардіи и пользовался особенною милостью наслѣдника. По кончинѣ Петра III, В. переведенъ былъ въ армію капитаномъ и скоро оставилъ службу съ чиномъ секундъ-маіора. Онъ жилъ всегда въ Москвѣ и, сколько по прежней извѣстности своей при дворѣ, столько и по характеру честному, твердому, прямому, настоящему русскому, пользовался общимъ уваженіемъ. Съ отцемъ тогдашняго временщика [2]) онъ былъ въ дружеской

---

[1]) Вѣроятно, Петръ Петровичъ Воейковъ, секундъ-маіоръ Преображенскаго полка, одинъ изъ немногихъ приверженцевъ Петра III. О немъ см. «Осьмнадцатый Вѣкъ», кн. III, стр. 353—354.

[2]) П. А. Зубовъ.

связи, но былъ столь высокъ духомъ, что связь эту употреблялъ только на услуги ближнимъ; для себя не хотѣлъ ничего. Стороной предложено ему было, что онъ можетъ быть сравненъ со сверстниками, которые давно уже были генералы; онъ отклонилъ это предложеніе. «Безъ заслугъ не хочу наградъ»,—отвѣчалъ онъ,—«и В. никогда Чупятовымъ не будетъ»[1]). Ну, милостивые государи, подумайте-ка, многіе ли изъ насъ могутъ дать такой отвѣтъ?

Наконецъ, я въ корпусѣ. Матушка плакала, оставила меня подъ присмотромъ дядьки и поручила попеченію дальняго родственника ***, честнаго, добраго, почтеннаго ветерана, бывшаго казначеемъ военнаго ордена. Онъ, К., Ж. и Д. благодѣтельствовали мнѣ, но болѣе всѣхъ баловалъ меня В. и Н. О. Д. Они, по излишней добротѣ своей, первые ласками своими и отличіями отъ другихъ дѣтей поселили во мнѣ какую-то самонадѣянность, которую я причисляю къ моимъ прочимъ достоинствамъ, то-есть упрямству, капризамъ и застѣнчивости. Послѣдняя втеченіе моей жизни надѣлала мнѣ много хлопотъ. И смѣшно, и жалко, какъ вспомнишь былое, и еще смѣшнѣе, что и теперь, на седьмомъ десяткѣ, я точно тотъ же застѣнчивый кадетъ, какимъ былъ восьми лѣтъ. Когда я занималъ впослѣдствіи довольно важныя должности, многіе поступки мои приписывали гордости, но это не что иное было, какъ застѣнчивость. Я иногда не кланялся, не отвѣчалъ, точно по застѣнчивости.

Безъ всякаго самолюбія могу сказать, что у меня доставало столько ума, чтобы не быть гордымъ; да и чѣмъ гордиться?

Въ корпусѣ, который тогда совсѣмъ не такъ былъ устроенъ, какъ нынѣ учебныя заведенія, не было общихъ дортуаровъ, а пажи размѣщались по разнымъ; жило вмѣстѣ по три, по четыре и даже по одному, смотря по величинѣ. У всякаго былъ свой дядька; это еще болѣе умножало безпорядокъ. Въ той каморкѣ, въ третьемъ этажѣ, гдѣ жилъ я, помѣщались С., Ч., Л. и И. Ѳ.

---

[1]) Чупятовъ, Василій Анисимовичъ (ум. 1792 г. О немъ: *Л. Н. Майковъ*. Очерки изъ исторіи русской литературы. Спб., 1889, стр. 356—368), извѣстный мѣщанинъ въ 1790-хъ годахъ, называлъ себя женихомъ марокканской принцессы, носилъ ея портретъ, ходилъ въ шитомъ золотомъ кафтанѣ, въ звѣздахъ и лентахъ всѣхъ цвѣтовъ.

Всякъ думаетъ, что онъ, Чупятовъ,
Въ мароккскихъ лентахъ и звѣздахъ.

(*Державинъ*, 1-е ак. изд., т. I, 627.)

II. [1]). Лишь только шевалъ де-Вильпёвъ, бывшій нашимъ гувернеромъ, помѣстилъ меня въ эту каморку, дядька, чтобы утѣшить меня на новосельѣ, купилъ мнѣ кедровыхъ орѣховъ. Я забылъ горе; но лишь только развернулъ бумагу, какой-то шалунъ ударилъ по бумагѣ, орѣхи разсыпались по полу, шалуны начали ихъ хватать, топтать ногами; я заревѣлъ во все горло; злодѣи тотчасъ положили ревъ мой на музыку, назвали пьесу «Плачъ Бруслова» и принялись разыгрывать въ двѣ скрипки. Наконецъ, легкія мои должны были уступить соединеннымъ силамъ скрипокъ.

Этотъ урокъ не послужилъ мнѣ въ пользу: я все остался такимъ же капризнымъ и плаксою. Много терпѣлъ я насмѣшекъ; это меня озлило; я далъ волю языку; на бѣду, искому было унять меня, и это послужило къ конечному моему несчастію. Злыми насмѣшками я всѣхъ отъ себя отталкивалъ и потому во всю жизнь не имѣлъ друга. «Обрѣтый друга обрѣте сокровище»,— говоритъ Спрахъ,—«и есть другъ общникъ трапезамъ и не пребудетъ въ день скорби твоея».

Съ самаго малолѣтства вселилась въ меня страсть къ авторству. Въ корпусѣ началъ я издавать рукописную газету, въ которой осмѣивалъ, какъ умѣлъ, своихъ товарищей. Благоразумный Клостерманъ, инспекторъ классовъ, запретилъ мнѣ эту шалость. «S'il continue,—сказалъ онъ,—il deviendra un autre ***».

Порядокъ въ корпусѣ былъ тогда совсѣмъ иной. Я сказалъ уже, что дортуаровъ не было; постелей и платья казенныхъ также не было. Всякій одѣвался, какъ хотѣлъ, формы никакой не было. Чай у всякаго былъ свой, только столъ для пажей былъ общій. Камеръ-пажи къ столу не ходили; имъ носили кушанье въ комнаты. На столъ отпускалось на каждаго пажа по рублю въ день; правда, что всегда было шесть блюдъ, но я думаю, что m-r Masiose находилъ тутъ порядочный счетецъ. Къ столу насъ призывали по колокольчику; мы не въ порядкѣ шли, а бѣжали, какъ шалуны; кто первый прибѣгалъ, тотъ садился, гдѣ хотѣлъ. Шумъ, крикъ и шалости всякаго рода, я думаю, и на улицѣ давали знать, что мы обѣдали; но когда приходили къ столу гувернеры, тогда столъ продолжался смирно. Въ половинѣ восьмаго часа утра звонокъ сзывалъ насъ въ классы. Ихъ было четыре: въ первомъ учили русской грамотѣ и начальнымъ правп-

---

[1]) Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь Варшавскій, гр. Эриванскій (р. 1782 г., † 1857 г.). Поступилъ въ корпусъ 20 февраля 1794 г., выпущенъ 5 октября 1800 г.

ламъ ариѳметики; во второмъ—греческому, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, грамматикѣ, древней и новой исторіи, географіи и ариѳметикѣ и алгебрѣ; въ третьемъ продолжались тѣ же предметы и, сверхъ того, преподавали геометрію, минералогію, учили фехтованію; въ четвертомъ классѣ—высшія науки и фортификацію. Танцовальный и рисовальный классы были общіе. Верховой ѣздѣ обучали въ придворномъ манежѣ.

Миръ вамъ, почившіе наставники! Дѣло прошлое, но, sauf l'honneur, справедливость требуетъ сказать, что учили очень небрежно. Учили по-гречески и по-латыни, но едва ли кто изъ насъ умѣлъ читать по-латыни и едва ли кто зналъ греческую азбуку отъ альфы до омеги. Нѣмецкій и французскій языки также были въ небреженіи, и если кто изъ насъ зналъ что-нибудь, то только тѣ, которые брали приватныхъ учителей. Инспекторъ классовъ, почтенный Клостерманъ [1]), былъ человѣкъ очень образованный, даже ученый; но по старости лѣтъ мало занимался нашими успѣхами; а гувернеръ шевалье де-Вильнёвъ, лишившійся руки при штурмѣ Очакова, былъ храбрый офицеръ, исполненный чести во всей силѣ слова, но рѣдко принималъ на себя трудъ заглядывать въ классы. Мы славились шалостями; были даже такіе пажи, которые вовсе не ходили въ классы; другіе брали особыхъ учителей, не полагаясь много на познанія своихъ. M-r Lelievre мастеръ былъ чинить перья, и весь классъ проходилъ въ томъ, что онъ очинивалъ цѣлые пучки. Учитель греческаго языка не подвинулъ меня дальше дельты. M-r Pingo, танцовальный учитель, толстый итальянецъ, училъ насъ, сидя въ креслахъ, и, имѣя страсть къ хиромантіи, больше занимался нашими руками, нежели ногами. Онъ предсказывалъ намъ будущее, смѣшилъ насъ и самъ смѣялся, а прочіе дѣлали свои salto mortale по столамъ и скамьямъ. Это назывался танцовальный классъ. Предсказанія m-r Pingo бывали, однакожъ, иногда удачны. Однажды, посмотрѣвъ на ладонь И. Ѳ. П., онъ сказалъ: «Ты будешь великій генералъ!» Самый скучный классъ былъ минералогическій; но, по счастію, учитель нашъ получилъ страсть къ французскому языку. Насъ было двое въ третьемъ классѣ, которые лучше другихъ умѣли говорить по-французски: И. Ѳ. П. и я. Мы тотчасъ приняли мѣры: когда приходилъ учитель давать уроки минералогіи, одинъ изъ насъ приносилъ фран-

---

[1]) Иванъ Германовичъ Клостерманъ (родился 1730 года, умеръ 1810 года).

цузскіе разговоры; тогда учитель садился на лавку, а ученики учились въ чехарду-ѣзду; такимъ образомъ преблагополучно проходили наши два минералогическіе часа. Учителя рисованія пажи не любили. Это былъ старикъ въ рыжемъ парикѣ, очень строгій и взыскательный. Классъ его бывалъ по средамъ послѣ обѣда; тогда всѣ скамьи сдвигались къ окнамъ, чтобы свѣтлѣе было рисовать; а столикъ учителя съ разложенными рисунками оставался среди комнаты. Что же сдѣлали шалуны: къ столику учителя привязали двѣ веревочки и протянули въ разные концы комнаты. Лишь только учитель усѣлся и разложилъ свои рисунки, вдругъ дернули за одну веревочку: столъ полетѣлъ въ сторону. Эта шалость кончилась тѣмъ, что бѣднаго старика вытолкали, а парикъ его и рисунки изорвали въ клочки. Составъ пажей былъ довольно странный. Тѣхъ, которые были познатнѣе, производили въ камеръ-пажи: и это былъ важный шагъ, ибо изъ камеръ-пажей выпускали въ гвардію поручиками, что тогда равнялось маіорскому чину. Производство въ камеръ-пажи имѣло характеръ рыцарскій. Пажъ преклонялъ колѣна, государыня дотрогивалась рукою до его щеки, вручала ему шпагу. Пажи, которые пробыли въ корпусѣ болѣе 9 лѣтъ, выпускались въ армію капитанами, наравнѣ съ сержантами гвардіи; а тѣ, которые служили менѣе десяти и болѣе шести лѣтъ, выпускались въ армію поручиками. Пажамъ производилось жалованья 37 рублей 50 копеекъ въ треть, да на мундиръ ежегодно по сту рублей. У кого былъ хорошій дядька, то деньги прибиралъ къ себѣ; а шалуны тратили ихъ на пряники, сбитень и прочія лакомства. Я помню забавный анекдотъ. Одинъ пажъ, получивъ третное жалованье, все тотчасъ проматывалъ на яблоки, сбитень, пряники и проч. Дядька журилъ его, но, не видя толку, рѣшился пожаловаться его дядѣ. Строгій дядюшка не умѣлъ лучше распорядиться, какъ велѣлъ шалуну по истеченіи трети представлять ему отчетъ, куда дѣвалъ онъ 37 рублей 50 копеекъ. Приходитъ треть, наступаетъ время отчета. Ну, что написать въ графахъ расходной книжки? Онъ выдумалъ расходъ законный. Дядьку звали Ѳокой. Шалунъ пишетъ въ расходъ: 1-го числа Ѳокѣ на баню 10 копеекъ, 2-го числа Ѳокѣ на баню 10 копеекъ, и такимъ образомъ Ѳока всѣ четыре мѣсяца ежедневно ходилъ въ баню. Кажется, что и шалунъ-контролеръ имѣлъ свою баню. Обыкновенный мундиръ у пажей былъ свѣтло-зеленаго сукна, подбитый краснымъ стамедомъ. Отъ воротника до подола, по обѣимъ сторонамъ, и сзади, на фалдахъ, были золотыя петлицы съ дутыми желтыми пуговицами; камзолъ красный съ золотыми петлицами; нижнее платье крас-

ное съ золотыми шлифами, башмаки съ красными каблуками, шляпа треугольная, голова въ пудрѣ, съ буклями, и кошелекъ. У камеръ-пажей былъ такой же мундиръ, но камзолъ шитый золотомъ, по манеру маіорскаго галуна, и шпага. Парадный мундиръ былъ богатый: свѣтло-зеленаго бархата, шитый по всѣмъ швамъ золотомъ, камзолъ красный бархатный, шитый золотомъ, нижнее платье зеленое бархатное, шляпа шитая золотомъ. Мундиръ богатый, и въ тогдашнее время, когда рубль серебра былъ въ рубль мѣди, мундиръ стоилъ до 700 рублей. Мундиръ этотъ былъ казенный и хранился въ придворной кладовой. Въ торжественные дни выдавали его пажамъ, а потомъ опять относили въ кладовую. Такъ какъ мундиры эти шиты были уже давно, то весьма не многіе приходились въ пору, и очень часто на маленькаго пажа надѣвали мундиръ, шитый на большой ростъ; мундиръ едва не волочился по полу; рукава надобно было засучить, застегнуть мундира не было возможности: онъ сидѣлъ кулемъ. Несмотря на богатство наряда, мы были въ немъ не очень ловки. Сами мы это чувствовали, и какъ счастливъ изъ насъ былъ тотъ, кому хотя нѣсколько мундиръ приходился въ пору! Со всѣмъ тѣмъ богатый нарядъ не мало внушалъ уваженія. Я помню, однажды, въ какой-то праздникъ мы, дежурные, нарядились въ свои золотые кафтаны и предъ отправленіемъ во дворецъ явились къ гувернеру. У него тогда былъ какой-то маркизъ chevalier de S. Louis. Де-Вильнёвъ хотѣлъ везти его во дворецъ къ выходу; но, сдѣлавшись нездоровъ, поручилъ намъ довезти маркиза. Увидя придворную карету, въ которой насъ возили, m-r le marquis началъ отвѣшивать намъ пренизкіе поклоны. Мы на этотъ разъ сохранили важность и даже не улыбнулись. Насилу усадили маркиза на переднюю лавочку; но когда подъѣхали къ крыльцу, маркизъ, какъ учтивый кавалеръ, хотѣлъ выдти изъ кареты первый; но какъ обернуться спиною къ такимъ золотымъ господамъ? Маркизъ началъ вылѣзать изъ кареты задомъ. Тутъ мы ужъ не выдержали, захохотали во все горло и бросились опрометью на верхъ, оставя m-r le marquis у подъѣзда. Не знаю, попалъ ли онъ во дворецъ.

II.

Въ обыкновенные дни наряжались на дежурство восемь пажей: четыре на половину государыни и четыре на половину наслѣдника; но, такъ какъ наслѣдникъ жилъ въ Гатчинѣ и только

по праздникамъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, то всѣ восемь пажей были на половинѣ императрицы. Должность наша состояла въ слѣдующемъ: у дверей кавалерской комнаты стояло по два пажа, два у входа въ тронную и два у входа въ брилліантовую комнату. Когда великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи и великія княжны Александра, Елена, Марія и Екатерина Павловны приходили поутру къ императрицѣ, что бывало ежедневно, мы открывали двери. У обѣденнаго стола государынѣ служили два камеръ-пажа, а пажи служили за тѣми особами, которыя находились за столомъ императрицы. Обѣдъ былъ въ два часа въ брилліантовой комнатѣ. Не знаю, какъ прежде, но съ 1793 года за столомъ государыни были ежедневно князь Зубовъ, А. С. Протасова, П. Б. Пассекъ и гофмаршалъ князь Ѳ. С. Барятинскій. Часто приглашались графиня Скавронская, графъ Зубовъ, графъ и графиня Браницкіе, графъ Ангальтъ, княгиня Дашкова, графъ Эстергази, М. Л. Кутузовъ, князь Юсуповъ, С. Л. Львовъ, графъ Строгановъ, Кушелевъ, и другіе. Графъ Браницкій носилъ тогда еще польское платье. Въ дни совѣта приглашались къ столу: графъ Остерманъ, графъ Безбородко, Стрекаловъ, графъ Самойловъ, графъ Завадовскій. Столъ былъ круглый; тогда кушанья всѣ становились на столъ, блюда всѣ были покрыты крышками. Приглашенные всѣ собирались въ брилліантовую комнату и ожидали выхода государыни. Предъ выходомъ камердинеръ З. К. Зотовъ, отворивъ дверь, кричалъ: «крышки!» Сейчасъ крышки съ блюдъ снимались, и входила государыня; за нею иногда калмычекъ и одна или двѣ англійскія собачки. По правую руку государыни всегда сидѣла А. С. Протасова, возлѣ нея князь Зубовъ; князь Барятинскій противъ государыни, Пассекъ возлѣ него. На столъ ставились четыре золотыя чаши, а иногда предъ государынею ставили горшокъ русскихъ щей, обернутый салфеткою и покрытый золотой крышкой, и она сама разливала. Государыня кушала на золотомъ приборѣ, прочіе на серебрѣ.

Государыня кушала очень тихо, обмакивала кусочки хлѣба въ соусѣ и кормила собачекъ. Разговоръ за столомъ былъ непринужденный, веселый, по большей части по-русски. Говорили, шутили, смѣялись безъ всякаго принужденія. Я помню, однажды зашла рѣчь о русскихъ пѣсняхъ. *** сказалъ о какой-то совсѣмъ мало извѣстной. Его заставили спѣть нѣсколько куплетовъ, и старикъ хриплымъ голосомъ затянулъ. Мы повыскакали за ширмы; нельзя было утерпѣть, чтобы не хохотать, а смѣяться было нельзя, даже по той маленькой причинѣ, что мы и розги

были въ его командѣ. За столомъ не было никакихъ разговоровъ политическихъ или даже о дѣлахъ. Однажды зашла рѣчь о Каліостро. Государыня изволила разсказывать, что этотъ фокусникъ взялъ у одного изъ придворныхъ перстень и бросилъ его за окно.—«Помилуй, что ты дѣлаешь?»—«Не безпокойтесь,—отвѣчалъ Каліостро, указывая на ѣздоваго, который на хромой лошади ковылялъ по площади,—прикажите остановить этого ѣздоваго, перстень у него на рукѣ». Остановили ѣздоваго, и точно перстень былъ у него на пальцѣ. Иногда государыня разсказывала о своемъ вояжѣ. Въ Бѣлоруссіи,—говорила она,—назначенъ былъ обѣдъ въ домѣ одного помѣщика. Съ большой дороги къ дому вела длинная аллея. Вся эта аллея была усыпана свѣжими розами. Кто-то изъ свиты государыни хотѣлъ обратить на это ея вниманіе. «Ну, что жъ,—отвѣчала императрица съ ея небесною улыбкой:—эта почесть скорѣе для моихъ лошадей». Изъ обыкновенныхъ обѣдовъ я помню одинъ весьма замѣчательный.

По взятіи Варшавы, славный Суворовъ прибылъ ко двору. Ему отведенъ былъ Таврическій дворецъ. Здѣсь, по обычаю своему, завѣсивъ всѣ зеркала и лежа на соломѣ, принималъ онъ корпусъ гвардейскихъ офицеровъ.

Онъ приглашенъ былъ къ столу императрицы. Въ тотъ же день приглашена была дочь его, графиня Зубова, съ мужемъ. Всѣ собрались въ брилліантовой комнатѣ, гдѣ накрытъ былъ столъ, и ожидали государыню. Суворовъ вбѣжалъ въ комнату, подскочилъ, такъ сказать, къ дочери [1]), перекрестилъ ее, потомъ перекрестилъ ей животъ (она была въ тягости).

Готчасъ вошла государыня и посадила героя возлѣ себя по лѣвую руку. Суворовъ былъ въ парадномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, шитомъ по всѣмъ швамъ золотомъ, на немъ были брилліантовые знаки св. Андрея, брилліантовый эполетъ и большой брилліантовый бантъ на шляпѣ. Весь столъ разсказывалъ онъ о штурмѣ. Лестно отзывался онъ о своемъ дежурномъ генералѣ Исленьевѣ, который также былъ приглашенъ къ столу. Исленьевъ былъ прекрасный мужчина въ бѣломъ кавалерійскомъ мундирѣ, съ Георгіемъ на шеѣ и Владиміромъ чрезъ плечо: другой ленты у него не было. Настоящій Эфестіонъ новаго Александра!

Я упомянулъ уже, что государыня кушала тихо. Чтобы не задерживать стола, кушанья подавались своимъ чередомъ, и госу-

---

[1]) Наталья Александровна (род. 1775 г. † 1844 г.), была замужемъ за гр. Николаемъ Александровичемъ Зубовымъ (род. 1763 г. † 1805 г.).

дарынѣ метръ д'отели подавали на двухъ, а иногда на четырехъ тарелкахъ тѣ блюда, которыя уже были обнесены. Она выбирала какое-нибудь одно.

Суворовъ, разсказывая о штурмѣ, также отсталъ отъ прочихъ тремя или четырьмя блюдами. Государыня взглянула на Барятинскаго, и тотчасъ два метръ д'отеля подносили Суворову съ каждой стороны по двѣ тарелки. Онъ, будто не зная, что съ ними дѣлать, сложилъ все на свою тарелку, перемѣшалъ и началъ кушать.

Никто даже не улыбнулся. По окончаніи стола государыня изволила отойти во внутреннія апартаменты. Суворовъ, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова, началъ щипать калмыченка, прыгать около него, тормошить. Тотъ бросился бѣжать, Суворовъ за нимъ, изъ комнаты въ комнату, наконецъ, въ бѣлую залу. Не догнавъ калмыченка, швырнулъ въ него своею шляпою съ брилліантовымъ бантомъ, сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Какое чудное смѣшеніе высокаго ума, честолюбія и гордости!

Въ воскресные дни бывали малые выходы въ церковь. Государыня безъ всякой церемоніи изволила шествовать чрезъ столовую комнату и въ церкви стояла иногда въ фонарикѣ, а иногда въ столовой, у открытыхъ дверей въ фонарикъ церковный, облокотясь на спинку стула. Въ большіе праздники бывали большіе выходы. Государыня изволила итти въ предшествіи придворнаго штата чрезъ тронную въ церковь. Въ такихъ случаяхъ она имѣла на себѣ ордена св. Андрея, Георгія и Владиміра, а иногда и малую брилліантовую корону. По сторонамъ ея шли дежурный генералъ-адъютантъ [1]) и вахмистръ кавалергардовъ [2]), за нею вся царская фамилія. По возвращеніи тѣмъ же порядкомъ изъ церкви, государыня останавливались въ кавалерской комнатѣ— здѣсь подходили къ рукѣ; въ два часа былъ выходъ въ столовую комнату, гдѣ къ столу приглашалось человѣкъ до 40 и болѣе. Въ высокоторжественные дни и кавалерскіе праздники столы бывали въ Георгіевской залѣ, тогда государыня кушала на тронѣ, въ малой коронѣ, ей прислуживали первые чины двора. Иногда государыня имѣла на себѣ платье гвардейскаго полка, то-есть дамское платье свѣтлозеленаго сукна, обложенное золотымъ га-

---

[1]) Въ послѣднее время ихъ было два: князь Зубовъ и Пассекъ. Они дежурили понедѣльно. Дежурный имѣлъ трость чернаго дерева съ золотыми кистями и съ костянымъ набалдашникомъ, на которомъ изображенъ былъ двуглавый орелъ. Флигель-адъютантовъ было двое: графъ Буксгевденъ (Θед. Θед., р. 1750 г., ум. 1811 г.) и С. Л. Львовъ.

[2]) Вахмистръ кавалергардовъ имѣлъ чинъ бригадира, капралъ—чинъ подполковника. Вахмистромъ былъ Зайцевъ, капраломъ Храповъ.

луномъ. Въ кавалерскіе дни св. Андрея кавалеры имѣли красные чулки, башмаки съ бантами, мантію зеленаго бархата съ глазетовымъ воротникомъ, вверхъ его Андреевская цѣпь и круглая шляпа съ загнутымъ полемъ напереди и съ страусовыми перьями. Шляпъ не снимали даже за столомъ; только во время провозглашенія здоровья кавалеры, вставая, снимали шляпы. Александровскіе кавалеры имѣли мантіи малиновыя. Въ Георгіевской залѣ, когда государыня кушала на тронѣ, столъ накрывался покоемъ, а въ срединѣ, противъ трона, особый столъ для духовенства. Хоры музыки и знаменитая тогда Маджіорлетта оглашали залу пиршествъ. Богатство одеждъ придавало особенное великолѣпіе двору. Камергеры и камеръ-юнкеры и всѣ придворные чины были во французскихъ кафтанахъ, обшитыхъ золотомъ. Одежда кавалергардовъ особенно была блистательна. Ихъ было шестьдесятъ человѣкъ; всѣ рослые люди.

Всѣ они имѣли капитанскіе и поручичьи чины, капралъ ихъ—чинъ подполковника, вахмистръ—бригадира, князь Зубовъ былъ поручикомъ, а государыня капитаномъ. Въ будни кавалергарды имѣли на груди и спинѣ серебряные сюперверсты, палаши, ружья и лядунки серебряныя, шляпы съ галуномъ и чернымъ плюмажемъ. Парадная форма была: сюперверсты, палаши, ружья, все кованаго серебра; на рукахъ, на ногахъ, на сапогахъ серебрыныя накладки, шлемы серебряные съ черными перьями. Это были совершенно серебряныя латы, и надобно было выбирать молодцовъ, которые бы могли снести такую тяжесть. Разъ въ недѣлю бывали театры въ Эрмитажѣ и вечера въ брилліантовой комнатѣ. Играли въ карты. У государыни были особенныя карты, она играла въ бостонъ. Князь Зубовъ и старикъ Ч. [1]) составляли всегдашнюю ея партію, четвертый перемѣнялся. Старикъ Ч. за бостономъ горячился и даже до того забывался, что иногда кричалъ; это забавляло государыню. На святкахъ въ тронной бывали куртаги. Пѣли святочныя пѣсни, хоронили золото, играли въ фанты, въ веревочку. Государыня мастерица была ловить въ веревочку. Когда бывало среди круга подойдетъ къ кому-нибудь и станетъ разговаривать, тотъ возьметъ свои мѣры, сниметъ руки съ веревочки, и вдругъ она ударитъ, человѣка чрезъ три, того, который и не воображалъ быть пойманъ. Куртаги оканчивались всегда танцами. Въ Царскомъ Селѣ государыня жила, какъ помѣщица. Вся стража состояла изъ нѣ-

[1]) Евграфъ Александровичъ Чертковъ († 1799 г.), дѣйств. камергеръ, одинъ изъ сторонниковъ Екатерины II при вступленіи ея на престолъ.

сколькихъ десятковъ рядовыхъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, подъ командою гвардіи офицера, такъ что въ дворцовомъ караулѣ стоялъ унтеръ-офицеръ. О сержантахъ гвардіи, этой особенной кастѣ людей, которыхъ давно уже нѣтъ, можно бы было многое сказать; но они такъ вѣрно въ своихъ семи жилетахъ изображены въ «Лебедянской ярмонкѣ» [1]), что объ этомъ и говорить не хочется. Въ хорошіе вечера государыня гуляла со всѣмъ дворомъ въ саду и, возвратясь съ прогулки, садилась на скамейкѣ противъ монумента Румянцева. Здѣсь начиналась игра à la guerre, или, какъ называли, въ *знамена*. Кавалеры и фрейлины раздѣлялись на двѣ партіи: одна становилась у дворца, другая къ сторонѣ концертной залы. У каждой было свое знамя; кто отбивалъ знамя, тотъ одерживалъ побѣду. Арбитромъ былъ князь Барятинской; онъ садился на ступеньки монумента. Attention, messieurs!—кричалъ онъ, и игра начиналась, бѣгали, ловили другъ друга, употребляли всѣ хитрости, чтобы отбить знамя. Въ этой игрѣ князь Зубовъ и камергеръ М. П. [2]) отличались. Быстрѣе ихъ никто не бѣгалъ. Осенью императрица жила въ Таврическомъ дворцѣ. Туда всѣ пріѣзжали во фракахъ, часто танцовали и даже въ саду. Бывали и русскія пляски; великія княжны Александра и Елена Павловны участвовали въ сихъ пляскахъ, кавалеромъ ихъ былъ графъ Ч., который плохо говорилъ по-русски, но плясалъ по-русски въ совершенствѣ. Пажи въ то время славились шалостями. Это велось въ корпусѣ еще отъ временъ Елисаветинскихъ. Всегда въ корпусѣ былъ одинъ какъ бы атаманъ шалуновъ; имена этихъ атамановъ съ почтеніемъ переходили изъ рода въ родъ шалуновъ. Въ мое время атаманомъ былъ Н.,—шалунъ, какого, я думаю, не бывало. Шалости пажей временъ прошедшихъ сохранились въ устномъ преданіи. Такимъ образомъ разсказывали, что при Елисаветѣ какой-то старичокъ генералъ пріѣхалъ во дворецъ и ждалъ выхода императрицы. Шалуны тотчасъ замѣтили провинціала, обступили его, прицѣпили крючекъ къ его парику, конецъ шнурка привязали къ стулу и старались удержать его на одномъ мѣстѣ. Входитъ государыня, старикъ поклонился, парикъ слетѣлъ съ головы. При Екатеринѣ эти шалости пажей продолжались. Любимая забава наша была таскать патроны у караульныхъ кавалергардовъ и сержантовъ. Лишь только задремлетъ кто изъ нихъ (что иногда случалось), тотчасъ патронъ вытащенъ изъ сумы и

[1]) «Обращенный мизантропъ, или Лебедянская ярмонка», комедія въ 5 д. *Ал. Дан. Коніева*, Спб. 1794 г.

[2]) Ник. Мих. Мусинъ-Пушкинъ († 13 мая 1812 г.).

летѣлъ въ каминъ. Эти хлопушки насъ забавляли, хотя за это и больно наказывали. Послѣ этой шалости лучшая была катанье по бѣлой залѣ. Къ шляпѣ, несмотря на то, что она была шита золотомъ (о простыхъ уже и говорить нечего), привязывали три платка; на шляпу садился шалунъ, а другіе, взявшись за концы платковъ, катали тройкой по всей залѣ; зато и шляпы были всѣ въ клочкахъ: одинъ такой променадъ по залѣ и новую шляпу дѣлалъ въ дырахъ. Маленькихъ придворныхъ пѣвчихъ мы очень боялись—это были наши придворные враги. Длинными своими рукавами они ловко щелкали насъ по шелковымъ чулкамъ. Наконецъ, одна шалость была не простительная и надѣлала много шуму въ городѣ. Пріѣхалъ въ Петербургъ графъ д'Артуа. При дворѣ былъ балъ. Не знаю, какой злой духъ вложилъ въ голову шалунамъ писать на спинахъ кресты на зеленыхъ пѣхотныхъ, синихъ кавалерійскихъ и красныхъ артиллерійскихъ мундирахъ мѣломъ, а на бѣлыхъ морскихъ мундирахъ углемъ. Шалуны перекрестили почти всѣхъ, но этого имъ было мало: надобно было поставить крестъ архіепископу, бывшему въ свитѣ принца. Онъ сидѣлъ у карточнаго стола государыни. Самый отчаянный изъ шалуновъ Н. подошелъ къ столу и во всю длину мантіи архіепископа поставилъ крестъ. Шалость, или правильнѣе сказать, преступленіе было слишкомъ велико; однако жъ дѣло кончилось исправительнымъ наказаніемъ.

III.

Я началъ дежурить съ 1793 года. Помню бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича [1]), великолѣпный фейерверкъ, бывшій на Невѣ, и быковъ на дворцовой площади. Это были послѣдніе быки. Противъ фонарика на половинѣ императрицы строился высокій помостъ со ступенями. Всѣ ступени были укладены жареными гусями, утками, курами, окороками и проч., наверху помоста стоялъ быкъ съ позолоченными рогами; голова быка была утверждена на желѣзномъ болтѣ, такъ что стоило труда ее отнять. Все это сверху до низу закрывалось зеленою тафтяною занавѣсою. Другой такой же быкъ, съ посеребренными рогами, ставился противъ подъѣзда наслѣдника. Кругомъ были фонтаны съ краснымъ и бѣлымъ виномъ. Все это окружено было цѣпью часовыхъ, полицейскихъ и веревками, такъ

[1]) Бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича съ принцессою Кобургской, Анной Ѳеодоровной, происходило 12-го февраля 1796 г.

что площадь была пуста, а народъ въ ожиданіи сигнала толпился за веревками и въ прилегающихъ къ площади улицахъ. Государыня являлась въ фонарикѣ: это было знакомъ къ началу. Народъ съ крикомъ бросался на добычу, тафта въ нѣсколько секундъ изорвана была въ клочки, молодцы, по большей части, мясники, собирались артелями и бросались на быковъ, одни взлѣзали на быка и начинали работать около головы, за которую выдавалось съ золотыми рогами сто рублей, съ серебряными пятьдесятъ; между тѣмъ остальная шайка отбивала народъ, бросая въ него окороками, гусями, индѣйками. Наконецъ, если шайка была сильна и успѣла отбить другихъ, она въ торжествѣ несла голову на дворцовый подъѣздъ; случалось, что во время этого тріумфальнаго шествія другая шайка нападала—тутъ начинался настоящій кулачный бой, иногда отбивали голову, и награду получалъ не тотъ, кто отдѣлилъ ее отъ туловища. Зрѣлище, конечно, дикое; но изъ дворца смотрѣть было забавно.

Другая картина была еще забавнѣе. Пьяницы, не помышляя о быкахъ и наградахъ, прямо бросались къ винным фонтанамъ, иной прямо попадалъ въ бассейнъ, и оттуда, черпая шапкою, обливалъ народъ. Одинъ взлѣзъ и сѣлъ на трубку фонтана, разумѣется, онъ пересталъ дѣйствовать, огорченные пьяницы начали швырять въ него шапками, палками, чѣмъ попало, наконецъ, сбили врага—онъ рухнулся въ бассейнъ, и фонтанъ опять заигралъ. Не помню, въ 1793 или въ 1794 году явился при дворѣ персидскій принцъ. У его свѣтлости была прекрасная черная борода и ногти выкрашены красною краскою. Былъ и посолъ персидскій; этотъ ѣздилъ на сѣромъ жеребцѣ, у котораго нижняя часть хвоста выкрашена была красною краскою, какъ будто въ крови. Приличное украшеніе варвара! Вслѣдъ за этими господами явился и слонъ. Когда государыня подошла къ окну, онъ сталъ на колѣна и положилъ хоботъ на голову. Послѣ этого подали ему цѣлый лотокъ саекъ и большой кулекъ яблокъ; онъ все это благополучно скушалъ. Около этого времени случилось въ Зимнемъ дворцѣ забавное воровство. Въ тронной было пять серебряныхъ люстръ. Однажды является къ гоффурьеру подмастерье придворнаго серебряныхъ дѣлъ мастера и говоритъ ему, что заказано сдѣлать шестую люстру такого же фасона, и мастеръ прислалъ его съ тѣмъ, чтобы онъ принесъ для образца одинъ подсвѣчникъ. Гоффурьеръ, который лично зналъ этого подмастерья, нимало не усомнился, велѣлъ гайдукамъ подать лѣстницу, и подмастерье полѣзъ отвинчивать подсвѣчникъ. Гоффурьеръ еще берегъ его: «смотри, не упади, голубчикъ»,—

говорилъ онъ.—«Не безпокойтесь, Алексѣй Петровичъ,—отвѣчалъ плутъ,—дѣло знакомое!» Отвинтилъ подсвѣчникъ и былъ таковъ. Люстра эта такъ и оставалась безъ одного подсвѣчника... Дѣло въ томъ, что этотъ подмастерье отошелъ отъ мастера, а гоффурьеръ этого не зналъ. Въ 1796 году прибылъ въ Петербургъ молодой шведскій король съ дядею своимъ герцогомъ Зюдерманландскимъ [1]). Герцогъ былъ маленькій сѣдой старичекъ, въ черномъ платьѣ и съ черною короткою мантіею на плечахъ, на шпагѣ нитяной темлякъ. Король высокій, стройный мужчина. довольно пріятной наружности. Въ прогулкахъ по набережной, гдѣ онъ жилъ, въ домѣ шведскаго посланника, носилъ онъ длинный синій сюртукъ съ высокимъ и узкимъ лифомъ, что казалось очень страннымъ, потому что тогда въ Петербургѣ носили лифа очень широкіе и очень низкіе. По случаю пріѣзда короля вельможи давали пиры, одинъ богаче другаго. Въ день бала, даннаго генералъ-прокуроромъ графомъ Самойловымъ въ домѣ его, гдѣ нынѣ губернскія присутственныя мѣста, въ ту минуту, какъ государыня выходила изъ кареты, явился извѣстный метеоръ, освѣтившій и перепугавшій весь городъ и имѣвшій даже вліяніе на умъ великой Екатерины. Она почла это дурнымъ предзнаменованіемъ. Лѣтомъ 1796 года въ золотой залѣ Царскосельскаго дворца праздновали рожденіе великаго князя Николая Павловича [2]), нынѣ благополучно царствующаго государя. Я былъ тогда дежурнымъ и съ чувствомъ пріятной гордости вспоминаю этотъ радостный день, радостный для Россіи, радостный для всего человѣчества.

Кромѣ метеора, были и другія предзнаменованія. Какъ бы кто ни думалъ, но жизнь великихъ и сильныхъ земли имѣетъ связь съ силами небесными. Простой человѣкъ родится и обращается въ персть, отъ которой взятъ; рожденіе и кончина великихъ, потрясающихъ вселенную, предвозвѣщается намъ свыше, какъ доказательство, что они исполнители воли Господней, что они суть отблескъ божества. Того лѣта въ Царскомъ Селѣ ночью сдѣлался безъ всякой причины такой сильный дымъ, что испугались, не горитъ ли гдѣ. Разбудили князя Зубова, онъ вышелъ; дымъ былъ сильный и болѣе подъ окнами почивальни государыни. Осмотрѣли весь дворецъ, нигдѣ не было огня; полагали, что горитъ лѣсъ въ окрестности, посылали во всѣ стороны, нигдѣ ничего не нашли. Въ началѣ ноября 1796 года государыня чув-

[1]) Король шведскій Густавъ IV Адольфъ и дядя его, Карлъ Зюдерманландскій, прибыли въ Петербургъ 14-го августа 1796 г.

[2]) Императоръ Николай родился 25-го іюня 1796 г.

ствовала себя не совсѣмъ здоровою. 4-го ноября за столомъ она говорила, что Рожерсонъ (лейбъ-медикъ) совѣтуетъ ей пустить кровь; «но я,—прибавила государыня,—хочу это сдѣлать послѣ праздниковъ». Я былъ дежурнымъ за столомъ и самъ это слышалъ. 6-го ноября, поутру, мы, дежурные, пріѣхали во дворецъ. Гоффурьеръ Шмаковъ сказалъ намъ: «ступайте, дѣти, домой, стола не будетъ». Мы не заставили себѣ повторить это два раза и поѣхали въ корпусъ. Въ тотъ день выпалъ первый снѣгъ. Послѣ обѣда пошелъ я съ товарищемъ гулять. Лишь только вышли мы на Дворцовую площадь, какъ увидѣли у фонарика нѣсколько каретъ. Мы были оба дежурные, кареты у подъѣзда убѣждали насъ, что при дворѣ столъ, а насъ нѣтъ. Мы подумали, что Шмаковъ обманулъ насъ (онъ любилъ иногда балагурить), побѣжали въ корпусъ, одѣлись и явились во дворецъ. Было часа три за полдень. Первое, что мнѣ представилось, при входѣ въ тронную, былъ скороходъ, который, облокотясь на экранъ у камина, горько плакалъ. Я думалъ, что онъ что-нибудь напроказилъ, и что Шмаковъ велѣлъ посадить его въ свѣчную,—обыкновенное наказаніе нижнихъ придворныхъ служителей. Я спросилъ скорохода, но не могъ добиться отъ него отвѣта. Тутъ у окна увидѣлъ я гайдука въ слезахъ. Вотъ и этотъ плачетъ! Что это такое? Вхожу я въ кавалерскую комнату и нахожу тутъ князя Барятинскаго, Н. П. Архарова [1]) и еще нѣкоторыхъ, даже члена придворной конторы Н., который никогда не приглашался къ обыкновенному столу императрицы. У всѣхъ блѣдныя лица, всѣ шепчутся и безпрестанно входятъ въ брилліантовую комнату.

Любопытство мое возростало; наконецъ, я узналъ печальную истину: съ государыней сдѣлался ударъ. Часъ отъ часу кавалерская комната наполнялась, къ вечеру съѣхалось много, сѣни были наполнены любопытными, ибо печальная вѣсть разнеслась уже по городу. Въ эту минуту можно было видѣть, сколько императрица была любима.

Глава II. Высшее петербургское общество.

I [2])

Мнѣ должно теперь помянуть о его нравахъ и роскоши. Безпрестанно въ замыслахъ и безпрестанно въ дѣлахъ, не могъ

---

[1]) Николай Петровичъ Архаровъ (р. 1742 г. † 1815 г.), сперва московскій губернаторъ, а затѣмъ с.-петербургскій генералъ-губернаторъ при Екатеринѣ II, извѣстный своей полицейской дѣятельностью.

[2]) Кн. М. М. Шербатовъ.—О поврежденіи нравовъ. М. стр. 62—72. Графъ Шуваловъ.

онъ имѣть открытаго дому и роскошъ свою великолѣпнымъ житьемъ показывать. Но былъ сластолюбивъ и роскошенъ въ приватномъ своемъ житьѣ. Домъ его убранъ колико возможно лучше по тогдашнему состоянію; столъ его маленькой наполненъ былъ всѣмъ тѣмъ, что есть драгоцѣннѣйшее и вкуснѣйшее; десертъ его былъ по тогдашнему наивеликолѣпнѣйшій; ибо тогда, какъ многіе изъ живших въкъ вкусу ананасовъ не знали, а объ аланѣ и не слыхивали, онъ ихъ въ обильствѣ имѣлъ, и первый изъ приватныхъ завелъ ананасовую большую оранжерею. Вины, употребляемыя имъ, не токмо были лучшія, но, недовольствуяся тѣми, которыя обыкновенно привозятся и употребляются, дѣлалъ дома вино ананасовое. Екипажъ его былъ блестящъ златомъ, и онъ первый цукъ аглинскихъ тогда весьма дорогихъ лошадей имѣлъ; платье его такъ же соотвѣтствовало пышности, злато, серебро, кружевы, шитье на немъ блистали, и онъ первый по Графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ имѣлъ бриліантовыя пуговицы, звѣзды, ордена и эполетъ, съ тою токмо разностію, что его бриліантовые уборы богатѣе были. Во удовольствіе своего любострастія всегда имѣлъ многихъ метрессъ, которымъ не жалѣя деньги сыпалъ, а дабы тѣло его могло согласоваться съ такою роскошью, принималъ ежедневно горячія лекарства, которыя и смерть его приключили. Однимъ словомъ, хотя онъ тогда имѣлъ болѣе 400 тысячи рублей доходу, но на его роскошъ, любострастіе и дары окружающимъ Императрицу не доставало, и онъ умеръ, имѣя болѣе миліону на себѣ казеннаго.

Примѣры таковые не могли не разлиться на весь народъ, и повсюду роскошъ и сластолюбіе умножилось. Домы стали великолѣпно убираться и стыдились неаглинскія мебели имѣть; столы учинились великолѣпны, и повары, которые сперва не за перваго человѣка въ домѣ считались, стали великія деньги въ жалованье получать. Такъ что Фуксъ, бывшій поваръ Императрицынъ и служившій ей въ Цесаревнахъ, хотя имѣлъ бригадирскій чинъ, но жалованья получалъ по 800 рублевъ въ годъ, а уже тогда и приватные стали давать рублевъ по 500, окромѣ содержанія.

Лимоны и померанцы не могли быть дороги въ Петербургѣ, куда они кораблями привозятся; но въ Москвѣ они были толь рѣдки, что развѣ для больнаго или для особливо великаго стола ихъ покупали, учинились и въ Москвѣ въ изобильствѣ. Вины дорогія и до того незнаемыя не токмо въ знатныхъ домахъ вошли во употребленіе; но даже и нискіе люди ихъ употреблять начали, и за щегольство считали ихъ разныхъ сортовъ на столъ подавать,

даже что многіе подъ тарелки въ званные столы клали записки разнымъ винамъ, дабы каждый могъ попросить какое кому угодно. Пиво аглинское, до того и совсѣмъ не бывшее въ употребленіи, но введенное во употребленіе Графинею Анною Карловной Воронцовой, которая его любила, стало не токмо въ знатныхъ столахъ ежедневно употребляться; но даже подлые люди, оставя употребленіе русскаго пива, онымъ стали опиваться. Свѣчи, которыя большею частью долго употреблялись сальныя, а гдѣ въ знатныхъ домахъ и то передъ господами, употребляли вощаныя, но и тѣ изъ желтова воску, стали вездѣ, да и во множествѣ, употребляться бѣлыя восковыя. Роскошъ въ одеждахъ всѣ предѣлы превзошелъ, парчевыя, бархатныя съ золотомъ и серебромъ и шелками, ибо уже галуны за подлое почитали, и тѣ въ толикомъ множествѣ, что часто гардеробъ составлялъ почти равной капиталъ съ прочимъ достаткомъ какого придворнаго или щеголя, а и умѣренныхъ людей онаго всегда великое число было.

Да можно ли было сему инако быть, когда самъ Государь прилагалъ все свое тщаніе къ украшенію своея особы, когда онъ за правило себѣ имѣлъ каждый день новое платье надѣвать, а иногда по два и по три на день, и стыжусь сказать число, но увѣряютъ, что нѣсколько десятковъ тысячъ разныхъ платьевъ послѣ нее осталось. Мундировъ тогда, кто имѣлъ токмо достатокъ, кромѣ должности своей не нашивали, и даже запрещено было въ оныхъ танцовать при дворѣ.

Экипажи были умереннаго [1]) съ прочимъ великолѣпія, уже русскаго дѣла карета въ презрѣніи была, и надлежало имѣть съ заплатою нѣсколькихъ тысячъ рублевъ французскую, и съ точеными стеклами, чтобъ шоры и лошади оной соотвѣтствовали и прочее. Однако при всемъ семъ еще очень мало было сервизовъ серебреныхъ, да и тѣ большая часть жалованныхъ Государемъ. Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, человѣкъ пышной и роскошной, помнится мнѣ, до конца жизни своей, на фаянсѣ ѣдалъ, довольствуясь имѣть чаши серебреныя, и я слыхалъ отъ Ивана Лукьяновича Талызина, что онъ первый изъ собственныхъ своихъ денегъ сдѣлалъ себѣ сервизъ серебреный.

При сластолюбивомъ и роскошномъ Государѣ неудивительно, что роскошь имѣлъ такіе успѣхи; но достойно удивленія, что при набожной Государынѣ, касательно до нравовъ, во многомъ божественному закону противуборствіи были учинены. Сіе есть, въ разсужденіи храненія святости брака, таинства по исповѣде-

[1]) Соразмѣрнаго.

нію нашея вѣры. Толь есть истинно, что единый порокъ и единый проступокъ влечетъ за собою другіе. Мы можемъ положить сіе время началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей; не знаю я обстоятельствъ перваго страннаго разводу; но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ таковъ. Иванъ Бутурлинъ, а чей сынъ не знаю, имѣлъ жену Анну Семеновну; съ ней слюбился Степанъ Ѳедоровичъ Ушаковъ, и она, отошедъ отъ мужа своего, вышла за своего любовника, и публично содѣявъ любодѣйственный и противный церкви сей бракъ, жили. Потомъ Анна Борисовна Графиня Апраксина, рожденная Княжна Голицына, бывшая же въ супружествѣ за Графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Апраксинымъ, отъ него отошла. Я не вхожу въ причины, чего ради она оставила своего мужа, которой подлинно былъ человѣкъ распутнаго житія; но знаю, что разводъ сей не церковнымъ, но гражданскимъ порядкомъ былъ суженъ. Мужъ ее, якобы за намѣреніе учинить ей какую обиду въ Нимецкомъ позорищѣ, былъ посаженъ подъ стражу, и долго́ содержался, и наконецъ велѣно ей было дать ее указную часть изъ мужня имѣнія при живомъ мужѣ; а именоваться ей по прежнему Княжною Голицыной. Итако отложа имя мужа своего, приведши его до посажденія подъ стражу, наслѣдница части его имѣнія учинилась потому токмо праву, что отецъ ея Князь Борисъ Васильевичъ имѣлъ нѣкоторой случай у двора, а потомъ по разводѣ своемъ она сдѣлалась другомъ Княгини Елены Степановны Куракиной, любовницы Графа Шувалова.

Примѣръ такихъ разводовъ вскорѣ многими другими женами былъ послѣдуемъ, и я токмо двухъ въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны именовалъ, а нынѣ ихъ можно сотняии щитать.

Еще Петръ Великій, видя, что законъ нашъ запрещаетъ Князь Никитъ Ивановичу Репнину вступить въчетвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метрессу, и дѣтей его, подъ именемъ Репнинскихъ благородными призналъ. Такоже Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, бывъ плѣненъ шведами, имѣлъ любовницу, сказываютъ благородную женщину, въ Стокгольмѣ, которую онъ увѣрилъ, что онъ вдовъ, и отъ нее имѣлъ сына, котораго именовали Бецкимъ, и сей еще при Петрѣ Великомъ почтенъ былъ благороднымъ, и уже былъ въ офицерскихъ чинахъ. Такому примѣру послѣдуя, при царствованіи Императрицы Елизаветы, выб... Князя Василья Владимировича Долгорукова, Рукинъ на равнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, не скрывая холопку свою, отнявшую у

мужа жену, въ метрессахъ содержалъ, и дѣти его дворянство получили. А сему подражая, толико сихъ выблядковъ дворянъ умножилось, что повсюдова толпами ихъ видно. Лицины, Рапцовы, и прочіе, которые или дворянство получаютъ, либо послучаю, или за деньги до знатныхъ чиновъ доходятъ, что кажется хотятъ истребить честь законнаго рожденія и не закрытно содержа метрессъ, являются знатные люди насмѣхаться и святостью закона, и моральнымъ правиламъ, и благопристойности. И тако можно сказать, что и сіи злы, толь обыкновенныя въ нынѣшнее время, отрыгнули корень свой въ сіе царствованіе.

Такое было расположеніе нравовъ при концѣ сея Императрицы, и она, скончавшись, оставила престолъ свой племяннику своему, сыну старшей своей сестры Анны Петровны, бывшей за Герцогомъ Голштинскимъ, Петру Оеодоровичу, государю, одаренному добрымъ сердцемъ, естли можетъ оно быть въ человѣкѣ, неимѣющемъ ни разума, ни нравовъ; ибо впрочемъ онъ не токмо имѣлъ разумъ весьма слабый, но яко и помѣшанный, погруженный во всѣ пороки, въ сластолюбіе, роскошь, пьянство и любострастіе. Сей взошедшій на Всероссійскій престолъ, къ поврежденнымъ нравамъ, бывъ самъ съ излихвой поврежденъ, равно по природному своему расположенію, такъ что и во все время царствованія Императрицы Елизаветы, старались наиболѣе его нравы испортить, не могъ исправленія имъ сдѣлать.

Сей Государь имѣлъ при себѣ главнаго своего любимца— Льва Александровича Нарышкина, человѣка довольно умнаго, но такого ума, который ни къ какому дѣлу стремленія не имѣетъ, трусливъ, жаденъ къ честямъ и корысти, удобенъ ко всякому роскошу, шутливъ, и словомъ по обращеніямъ своимъ и по охотѣ шутить болѣе удобенъ быть придворнымъ шутомъ нежели вельможею. Сей былъ помощникъ всѣхъ его страстей.

Взошедши сей Государь на Всероссійскій престолъ, безъ основательнаго разуму и безъ знанія во всякихъ дѣлахъ восхотѣлъ поднять вольнымъ обхожденіемъ воинскій чинъ. Всѣ офицеры его Галстинскіе, которыхъ онъ малый корпусъ имѣлъ, и офицеры гвардіи часто имѣли честь быть при его столѣ, куда всегда и дамы приглашались. Какіе сіи были столы?

Тутъ вздорные разговоры съ неумѣреннымъ питьемъ были смѣшаны; тутъ послѣ стола поставленный пуншъ и положенныя трубки, продолженія пьянства и дымъ отъ куренія табаку представляли болѣе какой-то трактиръ, нежели домъ Государскій; коротко одѣтый и громко кричащій офицеръ выигрывалъ надъ

прямо знающимъ свою должность. Похвала Прусскому Королю, тогда токмо представшему быть нашимъ непріятелемъ, и униженіе храбрости россійскихъ войскъ, составляли достоинство пріобрѣсти любленіе Государево; и графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, при бывшей пробѣ Россійской и Прусской, взятой въ плѣнъ артиллеріи, за то, что старался доказать и доказалъ, что Россійская артиллерія лучше услужена, не получилъ за сіе Андреевской ленты, которыя тогда щедро были раздаваемы.

Имѣлъ Петръ любовницу, дурную и глупую Графиню Елизавету Романовну Воронцову; но ею взошедъ на престолъ, онъ доволенъ не былъ; а вскорѣ всѣ хорошія женщины подъ вожделеніе его были подвергнуты; увѣряютъ, что Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, тогда бывшій Генералъ-Прокуроръ и имъ пожалованный купно и въ Генералъ-Кригсъ-Комисары, подвелъ падчерицу свою Чеглокову, бывшую послѣ въ супружествѣ за Александръ Николаичемъ Загряскимъ, и уже помянутая мною выше княгиня Елена Степановна Куракина была привожена къ нему Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, и я самъ отъ него слышалъ, что безстыдство ея было таково, что когда, по ночеваніи ночи, онъ ее отвозилъ домой по утру рано, и хотѣлъ для сохраненія чести ея, а болѣе, чтобы не учинялось извѣстно сіе Графинѣ Елизаветѣ Романовнѣ, закрывши гардины ѣхать, она напротивъ того, открывая гардины, хотѣла всѣмъ показать, что она съ Петромъ ночь провела.

Примѣчательна для Россіи сія ночь, какъ разсказывалъ мнѣ Дмитрій Васильевичъ Волковъ, тогда бывшій его секретаремъ. Петръ Третій, дабы сокрыть отъ Графини Елизаветы Романовны, что онъ въ сію ночь будетъ веселиться съ новопривозною, сказалъ при ней Волкову, что онъ имѣетъ съ нимъ сію ночь препроводить въ исполненіи извѣстнаго имъ важнаго дѣла въ разсужденіи благоустройства Государства. Ночь пришла, государь пошелъ веселиться съ Княгинею Куракиною, сказавъ Волкову, чтобы онъ къ завтрему какое знатное указаніе написалъ, и былъ запертъ въ пустую комнату съ датскою собакою. Волковъ, не зная ни причины, ни намѣренія Государскаго, не зналъ, о чемъ начать писать, а писать надобно. Но какъ онъ былъ человѣкъ догадливый, то вспомнилъ нерѣдкія вытверженія Государю, отъ Графа Романа Ларіоновича Воронцова о вольности дворянства; сѣдши написалъ манифестъ о семъ.—По утру его изъ заключенія выпустили, и манифестъ былъ Государемъ апробованъ и обнародованъ

Нетокмо Петръ III угождая своему любострастію, тако благородныхъ женщинъ для удовольствія себѣ употреблялъ, но и весь дворъ въ такое пришелъ состояніе, что каждый почти имѣлъ незакрытую свою любовницу; а жены, не скрываясь ни отъ мужа, ни родственниковъ, любовниковъ себѣ искали. Исчислю-ли я къ стыду тѣхъ женъ, которыя не стыдились впадать въ такія любострастія? съ презрѣніемъ стыда и благопристойности, иже сочиняютъ единую изъ главнѣйшихъ добродѣтелей женъ. Нѣтъ да сокроются отъ потомства имена ихъ и роды ихъ, да не обезчещутся напамятованіемъ преступленій ихъ матерей и бабокъ; и тако довольствуясь описать, какой былъ развратъ, подробно о любострастіяхъ ихъ, ни о именахъ ихъ не помяну; ибо въ самомъ дѣлѣ съ угрызеніемъ сердца моего принуждаю себя и тутъ, гдѣ необходимо должно поминать, именуя таковыхъ по причинѣ сочиненія сего, опредѣленнаго сокрыться въ моей фамиліи.

И тако развратъ въ женскихъ нравахъ, угожденіе Государю, всякаго роду роскошъ и пьянство, составляло отличительныя и умоначертанія двора, а оттуда они уже нѣкоторые разлилися и на другія состоянія людей, въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, а другія разливаться начали, когда супруга сего Петра Третьяго, рожденная принцесса Ангальтъ-Цербская Екатерина Алексѣевна, взошла съ низверженіемъ его, на россійскій престолъ. Не рожденная отъ крови нашихъ государей, жена, свергнувшая своего мужа возмущеніемъ и вооруженною рукою, въ награду за столь добродѣтельное дѣло корону и скиптръ россійской получила, купно и съ именованіемъ благочестивыя государыни, яко въ церквахъ о нашихъ государяхъ моленіе производится.

II [1]).

1776.

По соединеніи всего нашего дома опять въ кучку, жили мы лѣтомъ, какъ обыкновенно, въ Волынскомъ, и тамъ батюшка имѣлъ несчастіе вышибить себѣ руку. Вотъ какъ это случилось. Онъ жаловалъ кататься по вечерамъ въ линѣйкахъ. Проѣзжая чрезъ лощину, онъ забоялся и думалъ, что лучше будетъ пройти пѣшкомъ: не останавливая лошадей, спрыгнулъ съ линѣйки, споткнулся, упалъ и кость плечная

[1]) Сочиненія кн. И. М. Долгорукаго. СПБ. 1849. Изд. Смирдина, т. II, стр. 512—34. Орфографія подлинника.

вонъ въ ту же минуту. Насилу его привезли домой; нестерпимая боль его тирански мучила. Матушка была внѣ себя и болѣзнь ея новую получила силу. Всѣ мы были въ тревогѣ чрезвычайной; но терять время въ отднѣхъ суетахъ около больного безполезно; послали за Алексѣевскимъ костоправомъ: мужикъ простой изъ-подъ Москвы славился тогда своимъ искусствомъ. Какъ странно, что въ такомъ обширномъ столичномъ городѣ одинъ только крестьянинъ способенъ былъ помогать страждущимъ въ подобныхъ случаяхъ!— да и тотъ дѣлалъ свое дѣло почти самоучкой, безъ малѣйшей легкости, что онъ доказалъ и надъ моимъ отцемъ. Но дѣлать было нечего: другой помощи искать негдѣ. Измучивши отца моего, вправилъ онъ ему руку. Послѣ сей, можно сказать, не операціи, а пытки, отецъ мой сутки двои былъ очень опасенъ. Медикъ угрожалъ ему антоновымъ огнемъ; но, благодареніе Богу! крѣпкая старинная натура все перенесла, и батюшка, пострадавши съ полгода, наконецъ, выздоровѣлъ; никогда однако же не могъ онъ уже поврежденною рукою дѣйствовать такъ свободно, какъ прежде, и при каждой перемѣнѣ погоды она у него до сихъ поръ страждетъ. Это обстоятельство принудило его взять снова отставку и простудило въ немъ на нѣкоторое время желаніе поворотить службою то, что онъ прежней отставкой потерялъ. Замѣтимъ, сколько отецъ мой имѣлъ на пути ко счастію преградъ! сколько сопротивленій встрѣчалъ онъ своимъ предпріятіямъ! неудача за неудачей, убытокъ за убыткомъ; но, твердый въ религіи, онъ не унывалъ, бодрствовалъ и только отъ Бога чаялъ всѣхъ своихъ подпоръ и уврачеваній. Учитесь, дѣти, такимъ правиламъ: они тверже суетныхъ покровителей міра, краше злата и топазія!

Здѣсь упомяну я о вступленіи въ нашъ домъ иностранца Совере, которому обязанъ я много своимъ воспитаніемъ и образованіемъ въ наукахъ, Онъ родомъ былъ французъ и принадлежалъ къ сословію іезуитовъ, служилъ нѣкогда въ Испаніи и носилъ тамошній мундиръ; человѣкъ былъ умный, свѣдущій и крайне осторожный; сердце имѣлъ доброе и благородное. О! я никогда не постыжусь сказать, что изъ всѣхъ моихъ стороннихъ наставниковъ, никому я не долженъ такою благодарностью, какъ ему. Онъ жилъ въ нашемъ домѣ до самаго вступленія моего въ свѣтъ и кончилъ образованіе моей юности. Батюшка принялъ его тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Петербурга, не доволенъ будучи предмѣстникомъ его, который отошелъ отъ насъ, сообщивши мнѣ нѣкоторыя первоначальныя свѣдѣнія и пригото-

вивши только къ тому, чтобы я могъ начать съ пользою основательное ученіе.

1777.

Г. Совере, войдя въ виды моего отца, налегъ со мною на латынь и довелъ меня до того, что я могъ уже заниматься Гораціемъ, Виргиліемъ и прочими писателями. Корнелій Непотъ былъ такъ мнѣ знакомъ, какъ русская книга.

Батюшкѣ хотѣлось теперь проложить мнѣ дипломатическую дорогу, и на сей конецъ онъ располагалъ отправить меня въ чужіе края на нѣсколько лѣтъ въ хорошій университетъ: но совѣты Ивана Ивановича Шувалова поколебали его въ этомъ намѣреніи болѣе, нежели самая разстройка имѣнія. Шуваловъ былъ изъ числа ближайшихъ бояръ, оберъ-камергеръ и университета Московскаго главный попечитель;—имъ учреждено было сіе училище въ царствованіе *Елизаветы*, при которой родъ Шуваловыхъ отличною украшался довѣренностью престола. Шуваловъ долго жилъ въ Парижѣ и наглядѣлся на образъ воспитанія молодыхъ Россіянъ, пріѣзжавшихъ туда учиться. Лѣта его и опытность давали ему право о предметѣ семъ разсуждать рѣшительно. Онъ, наклоненъ будучи къ пользамъ своего отечества, любя истинное просвѣщеніе и питая почти пристрастное чувство къ россійскому университету, убѣдилъ отца моего записать меня въ оный. Батюшка съ довѣренностью внималъ его совѣтамъ, и скоро согласился съ нимъ. Итакъ проектъ моего путешествія остался безъ исполненія. Я записанъ въ университетъ Московскій и принятъ по предварительномъ экзаменѣ въ латинскомъ и французскомъ языкахъ.

Около четырехъ лѣтъ обучаясь дома, я могъ уже слушать профессорскія лекціи. Съ одобренія двухъ профессоровъ, Чеботарева и Аничкова, назначено мнѣ ходить въ слѣдующіе классы, а именно: къ профессору Барсову слушать поэзію, къ Аничкову логику и метафизику, къ Рейхелю всеобщую исторію, къ Чеботареву Россійскую высшую словесность, къ Росту—физику; а у протоіерея Петра Алексѣевича слушалъ я Законъ Божій. Университетъ имѣлъ при себѣ въ одномъ и томъ же составѣ гимназію, гдѣ обучались ученики низшаго разряда разнымъ пріуготовительнымъ предметамъ. Изъ нея поступали въ вышесказанные классы къ профессорамъ тѣ только ученики, кои заслуживали повышенія въ студенты; и хотя я не былъ еще студентомъ, но удачный мой опытъ на экзаменѣ отворилъ мнѣ входъ на профессорскія лекціи; я началъ ихъ слушать еже-

дневно отъ 8 часовъ до 12 утра и отъ двухъ до 6 по полудни. Между студентами одинъ только я былъ ученикъ. Г. Совере позволено было являться вмѣстѣ со мной на лекціи; слѣдовательно присмотръ за мной былъ повсюду неослабный. Изъ такого ко мнѣ снисхожденія университетскихъ властей извлекалъ я ту существенную пользу, что по вечерамъ, возвращаясь домой, могъ слышать отъ Совере вновь объясненіе всѣхъ профессорскихъ лекцій того дня, и поелику онѣ преподавались на латинскомъ языкѣ, то мнѣ и нужно было тѣмъ прилежнѣе повторять ихъ дома подъ руководствомъ своего учителя. Слушая профессора при многихъ, не такъ удобно можешь все понять и удержать въ разумѣніи. Такимъ образомъ началъ я учиться съ сентября мѣсяца. Директоръ университета г. *Приклонскій* оказывалъ мнѣ полное покровительство; кураторъ, престарѣлый и добрый *Мелиссино* являлъ мнѣ часто знаки своего благоволенія; гг. профессоры принимали во мнѣ участіе непритворное; студенты, сотоварищи мои, были ко мнѣ ласковы: оставалось самому не быть лѣниву и пользоваться временемъ. О, сколь много обязанъ я былъ стараніямъ моихъ родителей и попеченію моего Совере. Не дерзну приписать успѣхъ моего экзамена и всѣ счастливыя его послѣдствія моимъ отличнымъ талантамъ и трудамъ; сохрани меня Богъ отъ такой гордой мысли. Во всемъ способствовали мнѣ: покровительство Шувалова, вниманіе родителей моихъ къ учителямъ, ихъ услуги и ходатайства неотступныя!

Въ то же время и батюшка опять вступилъ въ службу. Праздная жизнь ему не нравилась. Дѣятельный разумъ его искалъ трудовъ, полезныхъ для общества. Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій извѣстенъ былъ у двора и въ дѣлѣ своемъ искусенъ, полюбилъ моего отца, сдѣлался его благодѣтелемъ; по его ходатайству, батюшка опредѣленъ былъ Императрицею *Екатериной* прокуроромъ въ коллегію, на которую было возложено хозяйственное управленіе имѣній, собранныхъ въ одну массу, подъ названіемъ экономическихъ волостей. При семъ назначеніи пожалованъ ему чинъ коллежскаго совѣтника.

1778.

Школьная жизнь доставила мнѣ разныя пріятности и развернула суетныя возбужденія самолюбія. По случаю рожденія Великаго Князя *Александра Павловича*, 12-го декабря протекшаго года, Московскій университетъ праздновалъ торжественнымъ академическимъ актомъ въ январѣ мѣсяцѣ сіе вожделѣнное событіе. Съѣздъ былъ огромный. Вся столица была пригла-

шена слушать стихи и рѣчи, кои на разныхъ языкахъ были произнесены профессорами и студентами. И я удостоенъ былъ чести на сей разъ причислиться къ ихъ сословію. Г. Чеботаревъ сочинилъ краткую на русскомъ языкѣ рѣчь, согласную съ моимъ возрастомъ, которую я проговорилъ наизусть съ каѳедры. Надобно замѣтить, что ученики, произносившіе разные стишки, на каѳедру не становились: это преимущество принадлежало только студентамъ. Пусть вообразятъ, сколь важно было для меня имъ воспользоваться! Сколько же я и трусилъ, приготовляясь къ такой новой почести!—Въ юныхъ лѣтахъ нашихъ и малость дѣлается важнымъ происшествіемъ. Со мною вмѣстѣ робѣли за меня и всѣ домашніе.—Наконецъ, наступилъ знаменитый день! Пришелъ срокъ, и я взмостился на каѳедру, съ которой чуть видна была моя головенка,—принялъ видъ важный и заговорилъ. Голосъ мой сначала задребезжалъ; меня всего пронзяла дрожь болѣзни; но отступать было уже поздно; дѣло начато,—надлежало кончить,—и рѣчь свою я выговорилъ довольно удачно. Разумѣется, она была не велика. Рукоплесканія раздались во всей залѣ. Сколько въ ней было тогда отцовъ и матерей, и могли ли они равнодушно смотрѣть на ребенка, поставленнаго на такомъ мѣстѣ? Какъ услаждался во мнѣ червь самолюбія! Сердце билось, какъ маятникъ. Сошедши съ каѳедры, я бросился въ объятія моихъ родителей. Первые восторги моей радости принадлежали имъ безспорно. Слезы ихъ съ избыткомъ вознаграждали меня за всѣ мои безпокойства. Всѣ были мной, и я всѣми доволенъ; и тотъ меня подзоветъ, и другой, и третій; кто поцѣлуетъ, кто похвалитъ, кто скажетъ съ улыбкой благоволенія: «bravo, mon prince!»—а мое Я растетъ выше Ивана Великаго... О, сладкія обновы сердечныхъ радостей!—износитесь вы скоро,—минуты ваши летятъ какъ вихрь, ничто ихъ возвратить не можетъ...

Въ іюнѣ бываютъ ежегодные экзамены. Университетъ цѣлый мѣсяцъ ими занимается, а 30 числа они оканчиваются публичнымъ торжественнымъ актомъ, на которомъ даютъ вознагражденія учащимся. Испытанія въ низшихъ классахъ были для меня весьма счастливы: я получилъ награжденіе изъ русскаго класса г. Чеботарева,—оно состояло въ книгѣ съ надписью золотыми буквами: *за прилежаніе*. Книга эта донынѣ у меня хранится, какъ памятникъ юношескихъ моихъ успѣховъ. Мнѣ даны были нѣкоторыя сочиненія Ломоносова in quarto. Дорога не книга, но цѣль сего подарка. По экзаменамъ высшихъ классовъ я удостоенъ производства въ студенты; публично провозглашенъ имъ,

Паркъ гр. Паниныхъ въ „Марѳинѣ" Московской губ.

при многочисленномъ собраніи зрителей, въ аудиторіи и изъ рукъ г. директора Приклонскаго получилъ шпагу, какъ отличительный знакъ студента, получающаго, по установленіямъ университета, вмѣстѣ съ академическимъ симъ названіемъ, право на офицерскій чинъ при выпускѣ. Кто бы на моемъ мѣстѣ не обрадовался такому быстрому полету?

Говоря о полезныхъ моихъ трудахъ, не скрою и шалостей. Кто безъ нихъ выросъ на свѣтѣ? Правда, я мало имѣлъ для нихъ досуга; празднаго времени оставалось у меня немного, потому что, кромѣ университетскихъ лекцій, я многимъ предметамъ обучался еще и дома, какъ наприм. нѣмецкому языку. Впрочемъ, мнѣ всегда было жаль батюшкиныхъ издержекъ на этотъ предметъ: нарѣчіе германское мнѣ вовсе не давалось, учился года два, и слова не затвердилъ. Славный Maiecin училъ меня фехтовать, и я принялся за ремесло рубаки прекрасно. Missoly и Grangé выправляли мнѣ ноги,— и я плясалъ изрядно. Старый артиллерійскій сержантъ занималъ меня математическими упражненіями, но—грѣшный человѣкъ—дошелъ до дѣлежа, и въ пень сталъ у дробей!—въ манежѣ славный Деккеръ гонялъ меня на хордѣ нѣсколько мѣсяцевъ и, въ угожденіе батюшкѣ, далъ мнѣ стремена и шпоры.—Всю школу выѣздилъ, а верхомъ сидѣть не выучился: что сяду на лошадь, то и долой на полъ, ногами вверхъ. Ходилъ даже ко мнѣ и солдатъ изъ-подъ Новинскаго пріучать меня къ барабанному бою. Я всѣ военные бои вытвердилъ и тревогу задавалъ въ лукошко, ходя по нашему палисаднику, мастерски. Одному рисованію и музыкѣ я не научился, потому что не имѣлъ терпѣнія обводить карандашемъ глаза и носы, также и пальцами не умѣлъ перебирать струнъ. Принимался за то и за другое: тщетно!—чего не дала природа, того не развернешь. Всякое существо имѣетъ свои способности: ихъ однихъ и воздѣлать могутъ труды и воспитаніе.

Казалось бы, что при такихъ неусыпныхъ трудахъ и безпрестанныхъ урокахъ нѣкогда проказъ творить; но ребенокъ на все найдетъ время. Я успѣвалъ между классами во время звонка, сойдя на дворъ будто бы для нужды, столкнуться съ разнощикомъ и нахватать въ-долгъ ковришекъ. У меня завелись потаенные пріятели: *Прошка* кондитеръ и В... пряничникъ; и когда долги мои обнаруживались, батюшка ихъ оплачивалъ наличными деньгами, а меня сѣкали свѣжими прутьями. Но все это только шалости. Исповѣдую здѣсь откровенно проступки моей юности, кои нынѣ, приходя мнѣ на память, обращаютъ все мое негодованіе на самого себя, потому что они были порочны и—

слава Богу! вѣчная благодарность родителю моему и наставнику Совере! —безъ нихъ строгаго надзора я могъ бы сдѣлаться самымъ развратнымъ человѣкомъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ назидать ребенка. Первыя движенія нашего сердца, первые наши помыслы требуютъ бдѣнія за нами неотступнаго. Вотъ нѣсколько случаевъ, которые могутъ служить доказательствомъ сему замѣчанію.

Служба моего отца и мѣсто его въ Коллегіи Экономіи привлекали къ нему разныя лица и чины. Одинъ изъ знакомыхъ батюшки, ***, ѣздилъ къ намъ часто обѣдать и посидѣть. Изъ какихъ-то видовъ желая подслужиться батюшкѣ, онъ сталъ особенно ласкать насъ, дѣтей, въ надеждѣ уловить родителей моихъ слабостью чадолюбія. Меня выучилъ онъ играть въ карты и, не смѣя подвергнуться съ подарками, проигрывалъ мнѣ въ дураки и въ марьяжъ по 5 и по 10 рублей. Появились у меня деньжонки; я хвасталъ своимъ счастіемъ въ игрѣ и такъ мало видѣлъ въ ней худого, что даже однажды не потаилъ удачи моей надъ игрокомъ самому Совере. Тотъ смѣтилъ, въ чемъ дѣло, снесся съ отцемъ моимъ и совокупно стали дѣйствовать. Батюшка отказалъ своему знакомому отъ дома, а у меня Совере отобралъ все до копѣйки и строго наказалъ за мою шалость. На то время она была только ребячествомъ, но могла укорениться и сдѣлаться страстью подлой, низкой. Подобныя покушенія тушить должно съ первой искры. А съ какимъ злодѣемъ можно сравнить человѣка въ лѣтахъ и съ чиномъ, который подобными путями запутываетъ въ свои сѣти и самую невинность? Какая чума для дѣтей люди такого рода!

Долги, въ которые вводили меня пряники и дѣтскія лакомства, хотя не могли быть огромны (всякому это понятно), однако все превышали тотъ рубль, который мнѣ иногда подарятъ, бывало, батюшка и матушка, какъ ребенку, или за хорошій урокъ, или за смирную вечерницу. Задолжавши больше, я боялся сказать и вывертывался обманами. Никогда, никогда не прощу себѣ, что я не стыдился прибавлять счетъ билетовъ часовыхъ учителей и, дѣлавши это въ такое время, когда Совере на нѣсколько мѣсяцевъ отлучался, употреблялъ во зло довѣренность отца моего, который, платя черезъ меня учителямъ деньги, всегда выдавалъ мнѣ по числу билетовъ лишнее противъ того, что должно было; а я сими излишками оплачивалъ мои прихоти и всегда сводилъ прекрасно концы съ концами. Тѣмъ тягостнѣе для меня нынѣ воспоминаніе такой лжи и, скажу безъ прикрасъ, такого мошенничества, что никто о томъ не зналъ, никто меня не усчи-

тывалъ, и я за этотъ поступокъ остался не наказанъ. Чѣмъ полнѣе была ко мнѣ довѣренность моего отца, который лучше обо мнѣ думалъ, нежели сколько я стоилъ, тѣмъ чувствительнѣе я въ поступкѣ моемъ раскаявался, пришедши въ возрастъ. И для чего все это дѣлалось? Для какихъ-нибудь бисквитовъ или вяземской коврижки, которыя, бывало, тороплюсь тихонько въ углу гдѣ-нибудь съѣсть, чтобъ не видали!—И самое лакомство теряло свою сладость въ волненіяхъ боязни. О, сколько нужно трудовъ около ребенка!

Какъ камень свалилъ съ души, сказавъ здѣсь о тайныхъ моихъ грѣхопаденіяхъ въ юности! Взявъ намѣреніе писать сію книгу для своего потомства, я тѣмъ откровеннѣе говорю о себѣ, что хочу привлечь къ словамъ моимъ полную вѣру дѣтей моихъ, ежели оными благословитъ меня Богъ;—хочу, чтобы они видѣли меня со всѣми моими недостатками и пороками, и учились бы моими опытами исправлять подобныя слабости въ себѣ. Можетъ быть, и они не избѣгнутъ въ теченіе своей молодости тѣхъ или другихъ проступковъ: желаю только того, чтобъ они въ нихъ раскаявались такъ же чистосердечно, какъ и я, и чтобъ всегда на памяти было у нихъ, даже въ зрѣломъ возрастѣ, признаніе царя Давида, изрекшаго нѣкогда: «Господи, грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни!»

1779.

По какимъ-то маловажнымъ несогласіямъ добрый Совере оставилъ домъ нашъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять переѣхалъ къ намъ. Тѣмъ временемъ, дабы я не терялъ порядка въ занятіяхъ своихъ, ходили ко мнѣ давать уроки въ свободные часы отъ университетскихъ классовъ г. профессоръ Чеботаревъ, который уже нѣсколько лѣтъ обучалъ меня и сестеръ моихъ Русской словесности,—студентъ Курика, который проходилъ со мною латинскій языкъ и укрѣплялъ въ ономъ, и студентъ духовной академіи Михайло Гумилевскій, бывшій потомъ подъ именемъ Моисея Ѳеодосійскимъ епископомъ: онъ толковалъ мнѣ церковную исторію и катихизисъ. Такимъ образомъ я и безъ Совере былъ безпрестанно занятъ. Но, по привычкѣ къ нему, все мнѣ было его жаль, и я обратному его вступленію въ нашъ домъ очень обрадовался.

Въ этотъ годъ развернулась во мнѣ новая способность, ничтожная сама по себѣ, но которая, какъ увидятъ по времени, важное имѣла вліяніе на судьбу мою. Батюшкѣ угодно было, обновя построенный домъ свой, доставить намъ забавы, свойственныя

нашему возрасту, и для сего построенъ былъ въ залѣ небольшой театръ, на которомъ я, въ первый еще разъ, сталъ играть и трагедіи и комедіи. Природная склонность тотчасъ оказалась. Никто меня не училъ декламировать, но ужъ видно было изъ дѣтскихъ моихъ пріемовъ, что я достигну до нѣкотораго совершенства въ этомъ родѣ,—и признаюсь, что я безъ всякой натяжки самъ пристрастился къ актерскому дѣлу. Къ чему насъ влечетъ природа, то мы и будемъ. Если бъ я попался на руки къ славному тогда Дмитревскому: конечно, я бы вышелъ скорѣй совершенный актеръ, чѣмъ дипломатъ, философъ или что-нибудь другое.

Не стану разсуждать о томъ, есть ли добро или вредъ отъ театровъ въ обществѣ. Всѣ вещи въ мірѣ имѣютъ разные виды. Одобреніе или хула часто происходятъ не столько отъ сущности дѣйствія, сколько отъ того, съ какой точки зрѣнія человѣкъ на него смотритъ. Многіе писали противъ театровъ, многіе за нихъ. Задача не рѣшена; а между тѣмъ отъ самой глубокой древности находимъ въ человѣческихъ обществахъ театры и подобныя имъ зрѣлища. Но воротимся къ себѣ. Мы нѣсколько разъ поиграли зимою въ своей семьѣ, и отъ этого я лишнихъ тысячу стиховъ вытвердилъ наизусть и по-русски и по-французски, коихъ, думаю, до смерти не забуду. Все, что въ молодости попадетъ въ голову, врѣзывается въ памяти, какъ на мѣди, и едва ли стирается даже подъ старость.

Природа своимъ обыкновеннымъ порядкомъ стала образовать мою физику. Я вступилъ въ юношество, которое латинская грамота называетъ *adolescentia*, и, какъ просто говорится по-русски, *передъ усами*—занемогъ сильной горячкой. Она была продолжительна, даже опасна. Весь Великій постъ я не вставалъ съ постели. Лечили меня Скіянъ и домовый лекарь Фетеръ. Сей послѣдній много трудами своими вспомоществовалъ моему выздоровленію. Неоднократныя шпанскія мухи замучили меня. Спознался я съ латинской кухней и съ немощами человѣческими; строгая діета, по мѣрѣ облегченія моего, еще болѣе меня тиранила, чѣмъ всѣ химическія приправы господъ врачей. Тяжело было и мнѣ и родителямъ моимъ. Все около меня плакало. Смерть была, такъ сказать, у меня на носу; но что́ мы знаемъ, бѣдные человѣки, объ участи нашей? Все отъ насъ сокрыто въ будущемъ. Какъ часто природа, по манію Вседержителя тварей, затягиваетъ въ жизни нашей такіе узлы, отъ которыхъ, кажется, въ минуту вся нить ея перервется, когда, напротивъ, клубокъ дней нашихъ еще великъ и весьма еще далеко до послѣдней—глухой петли.—Благодареніе Богу; спасибо Фет-

теру!—Я выздоровѣлъ, сталъ опять на ноги, началъ расти и сдѣлался парнемъ. Услышалъ Отецъ Небесный молитвы родителей моихъ и, къ великому дню праздника Христова, я уже могъ съ сестрами свободно катать яица.

Потомъ опять за ученье, опять въ университетъ. Весь іюнь, по обыкновенію, прошелъ въ экзаменахъ. Къ торжественному акту заданъ былъ въ классѣ высшей словесности латинской и русской отъ г. профессора Барсова предметъ для диссертаціи *laus Ciceronis*. Всѣ студенты того класса, въ томъ числѣ и я, обязаны были представить на латинскомъ языкѣ похвальное слово сему великому римскому оратору. Въ университетѣ былъ такой законъ: когда ученики нижнихъ классовъ получали въ награду за прилежаніе книги, рисунки и прочія вещи, тогда студенты высшихъ наукъ награждались за превосходную диссертацію золотой, а за лучшія изъ прочихъ серебряною медалью. Первая готовилась только одна, а послѣднихъ чеканили три съ особенными на нихъ учеными изображеніями, приличными случаю. Принялся и я за диссертацію и написалъ ее всю самъ. Но надобно было ее отработать и дать ей печать посильной изящности. Въ этомъ обязанъ я былъ попеченію сотоварища моего въ классахъ и учителя въ домѣ, помянутаго Курики. Онъ со мною вмѣстѣ прочелъ ее всю и погрѣшности исправилъ, недостатки пополнилъ, слабыя мѣста усилилъ. Диссертація вышла добра, и я за нее получилъ серебряную медаль, которую долго хранилъ, но потомъ потерялъ, какъ-будто бы въ обличеніе, что не единственно самому себѣ былъ ею обязанъ.

При большомъ съѣздѣ въ публичной аудиторіи самъ г. кураторъ вручилъ мнѣ медаль; и потомъ я въ благодарность взмостился опять на каѳедру и произнесъ французскіе стихи подъ названіемъ: *le triomphe d'Apollon*, которые на сей случай нарочно сочинилъ для меня добрый мой Совере. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ тѣломъ расла и слава моя въ ученомъ вертоградѣ.

Осенью того же года удостоенъ я новой чести въ ученомъ свѣтѣ: принятъ въ *авскультанты* въ Вольное Россійское Собраніе при университетѣ, учрежденное съ цѣлію способствовать усовершенію отечественной словесности. Авскультантъ есть званіе академическое. По-русски можно объяснить его словомъ: протоколистъ; потому что должность моя была, засѣдая въ означенномъ собраніи за секретарскимъ столомъ, записывать голоса членовъ и пренія ихъ въ особый журналъ. Въ этомъ собраніи присутствовали первостатейные профессоры и другія ученыя московскія знаменитости. Оно составлялось по вечерамъ каждую

субботу. Въ мое время происходилъ славный и громкій споръ, о которомъ твердятъ многіе и донынѣ, чтобы литеру ъ, яко букву, неимѣющую своего отдѣльнаго звука, и тѣмъ самымъ ненужную въ письменахъ россійскихъ, исключить изъ азбуки, подобно тому, какъ перестали употреблять *кси*, *пси*, и проч. Преніе сіе произвело множество насмѣшекъ, а пользы никакой.

Зимою матушка опять занемогла горячкой,и новый докторъ г. *Пегелау*, принявъ ее на свои руки, очень ей помогъ. Болѣзнь ея, по стеченію разнородныхъ причинъ, была тяжела и продолжительна и, хотя она освободилась теперь отъ горячки, такъ же, какъ и отъ прежней, но большую часть жизни своей, томясь въ разныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, она стала, наконецъ, самою хворою женщиной.

1780.

По пословицѣ русской: чѣмъ глубже въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, живетъ и человѣкъ. Чѣмъ больше лѣтъ, тѣмъ больше опытовъ и случаевъ, къ нимъ ведущихъ.

Меня дома занималъ Совере переводомъ прекрасной книги г. Mercier: les songes philosophiques; но книга, ежели смѣю сказать, не соотвѣтствовала моему возрасту. Я не могъ понять ее совершенно; слѣдовательно,переводъ мой вышелъ болѣе наборъ словъ, нежели смысленное сочиненіе. Домашніе мои учители, подъ руководствомъ коихъ я трудился, сколько ни старались исправить мой переводъ, но желаніе сохранить въ немъ нѣкоторыя черты моей собственной работы сдѣлало то, что переводъ мой остался все не хорошъ, и только тогдашнія мои лѣта могли извинить его недостатки. Книга въ томъ же году напечатана. Переводчикъ ея именованъ *авскультантомъ*. Вотъ первый шагъ къ знакомству моему съ ученой публикой. Я посвятилъ свой трудъ Ивану Ивановичу Шувалову, какъ жертву благодарности за покровительство его и попеченіе о моемъ образованіи. Почтенный вельможа удостоилъ меня привѣтливымъ письмомъ, котораго приложу я здѣсь копію. Это письмо составляло для меня важный трофей: оно обратило на меня вниманіе моихъ сверстниковъ.

Домъ нашъ въ это время вовлеченъ былъ въ необыкновенную разсѣянность. Слѣдующее обстоятельство подало тому поводъ: Императоръ римскій Іосифъ II, подъ именемъ графа Фалькенштейна, путешествуя по Европѣ, былъ въ Петербургѣ и посѣтилъ Москву. Онъ изъявилъ особенное любопытство видѣть университетъ. Къ посѣщенію сему огромныя были сдѣланы приго-

товленія. Мы должны были въ присутствіи высокаго посѣтителя слушать наши лекціи и, такъ сказать, выдержать экстраординарный экзаменъ въ разныхъ предметахъ. Занимательнѣе всѣхъ прочихъ классовъ былъ для путешественника—физическій. Профессоръ Ростъ приготовилъ нѣсколько опытовъ, въ числѣ коихъ назначено было и мнѣ по части воздуха показать и изъяснить одинъ. Мой опытъ состоялъ въ томъ, чтобы силою воздуха наружнаго разбить въ мелкія части гладкую поверхность стекла на металлическомъ стаканѣ, когда изъ-подъ колокола вытянется воздушнымъ насосомъ весь внутренній воздухъ. Насосъ сей называется на ученомъ языкѣ *anthia pneumatica*. Даны мнѣ наружныя орудія. Зала была наполнена множествомъ зрителей. Мой взоръ устремлялся на одно лицо императора. Онъ со вниманіемъ смотрѣлъ на дѣйствіе, мною произведенное. Опытъ удался совершенно: стекло треснуло, и путешественникъ, подозвавъ меня къ себѣ, потребовалъ изъясненія причинъ, отъ чего сіе такъ случилось. Я удовлетворилъ его вопросу на латинскомъ языкѣ. Ему угодно было спросить, кто я таковъ, и потомъ онъ, съ благосклонною улыбкой, изволилъ меня отпустить. Въ прочихъ классахъ уже дѣло до меня не доходило. Мнимый графъ выѣхалъ изъ университета совершенно имъ довольный и, какъ мнѣ казалось, замѣтилъ мое лицо. Въ публичныхъ мѣстахъ, и куда начинали уже вывозить и меньшихъ моихъ сестеръ, императоръ любовался невинностью княжны Анны, ея танцами и часто съ нею говаривалъ, лаская ее, какъ ребенка. Подобные успѣхи въ большомъ свѣтѣ имѣла и другая сестра моя, княжна Прасковья, какъ въ Петербургѣ во время нашей поѣздки туда, такъ и въ Москвѣ на праздникахъ графа Шереметева, которые давались для прусскаго принца Генриха. Итакъ со стороны дѣтей своихъ родители мои были всегда судьбою довольны, а удовольствіе ихъ, отражаясь на насъ, дѣлало и насъ счастливыми и дома, и внѣ нашего семейства.

Отецъ мой видя, что мнѣ уже исполняется 18 лѣтъ, почувствовалъ необходимость записать меня въ службу. Всѣ молодые люди моего состоянія обыкновенно въ малолѣтствѣ записывались въ гвардію и дожидались офицерскихъ чиновъ по домамъ. Средство, общее съ ними, для меня уже было опущено. Тогда, какъ многіе въ мои годы дѣлались офицерами, непріятно было бы батюшкѣ заставить меня служить въ низшемъ чинѣ и нѣсколько лѣтъ ждать одинакихъ преимуществъ съ людьми, мнѣ по всѣмъ отношеніямъ равными. Остался одинъ способъ быть тотчасъ офицеромъ, хотя и не въ гвардіи;—и симъ способомъ

обязанъ я университету. При учрежденіи его во времена Императрицы Елисаветы, Шуваловъ, сильный того вѣка вельможа, установилъ съ высочайшей конфирмаціи, чтобы всякій студентъ, изучившій латинскій языкъ, выпускаемъ былъ, по окончаніи наукъ изъ университета, оберъ-офицеромъ, и на основаніи сего узаконенія, я выпущенъ 3 іюля въ прапорщики. Военная Коллегія выдала мнѣ патентъ и записала меня въ списокъ перваго Московскаго Пѣхотнаго полка. Итакъ я, вопреки общему обычаю того времени, вступилъ въ службу полевымъ офицеромъ и сталъ между своей братіей, дворянами, нѣчто необыкновенное; потому что, какъ выше сказано, всѣ почти безъ изъятія благородные люди и съ малымъ достаткомъ наполняли гвардейскіе полки. Во всякомъ изъ нихъ считалось по нѣсколько сотенъ унтеръ-офицеровъ, а въ Преображенскомъ даже за нѣсколько тысячъ. Изъ этой толпы юношей, богатые и отличенные породой поступали въ офицеры, а прочіе выходили въ армейскіе полки уже капитанами, или, по крайней мѣрѣ, поручиками. Мнѣ одному суждено было показаться въ свѣтъ прапорщикомъ армейскимъ. Третье число іюля сугубо сдѣлалось для меня замѣчательнымъ на всю мою жизнь. Въ этотъ день скончалась бабка моя схимонахиня Нектарія,—и въ тотъ же самый день, нѣсколькими годами позже, я вступилъ на службу царю и отечеству!

III [1])

Петербургъ представляетъ уму двойственное зрѣлище; здѣсь въ одно время встрѣчаешь просвѣщеніе и варварство, слѣды X и XVIII вѣковъ, Азію и Европу, Скиѳовъ и Европейцевъ, блестящее гордое дворянство и невѣжественную толпу. Съ одной стороны, модные наряды, богатыя одежды, роскошные пиры, великолѣпныя торжества, зрѣлища, подобныя тѣмъ, которыя увеселяютъ избранное общество Парижа и Лондона; съ другой, купцы въ азіатской одеждѣ, извозчики, слуги и мужики въ овчинныхъ тулупахъ, съ длинными бородами, съ мѣховыми шапками и рукавицами и иногда съ топорами, заткнутыми за ременными поясами. Эта одежда, шерстяная обувь и родъ грубаго котурна на ногахъ, напоминаютъ Скиѳовъ, Даковъ, Роксоланъ и Готовъ, нѣкогда грозныхъ для римскаго міра. Изображенія дикарей, на барельефахъ Траяновой колонны въ Римѣ, какъ

[1]) Записки гр. Сегюра. С.-ПБ. 1865. Стр. 31—73.

будто оживаютъ и движутся передъ вашими глазами. Кажется, слышишь тотъ же языкъ, тѣ же крики, которые раздавались въ Балканскихъ и Альпійскихъ горахъ, и передъ которыми обращались вспять полчища римскихъ и византійскихъ цезарей. Но когда эти люди на баркахъ или на возахъ поютъ свои мелодическія, хотя и однообразно грустныя пѣсни, то вспомнишь, что это уже не древніе независимые Скиѳы, а Москвитяне, потерявшіе свою гордость подъ гнетомъ Татаръ и русскихъ бояръ, которые однако не истребили ихъ прежнюю мощь и врожденную отвагу.

Ихъ сельскія жилища напоминаютъ простоту первобытныхъ нравовъ; они построены изъ сколоченныхъ вмѣстѣ бревенъ; маленькое отверстіе служитъ окномъ; въ узкой комнатѣ, со скамьями вдоль стѣнъ, стоитъ широкая печь. Въ углу висятъ образа, и имъ кланяются входящіе прежде, чѣмъ привѣтствуютъ хозяевъ. Каша и жареное мясо служатъ имъ обыкновенною пищею; они пьютъ квасъ и медъ; къ несчастью, они кромѣ этого употребляютъ водку, которую не проглотитъ горло Европейца. Богатые купцы въ городахъ любятъ угощать съ безмѣрною и грубою роскошью; они подаютъ на столъ огромнѣйшія блюда говядины, дичи, рыбы, яицъ, пироговъ, подносимыхъ безъ порядка, некстати и въ такомъ множествѣ, что самые отважные желудки приходятъ въ ужасъ. Такъ какъ у низшаго класса народа въ этомъ государствѣ нѣтъ всеоживляющаго и подстрекающаго двигателя—*самолюбія*, нѣтъ желанія возвыситься и обогатиться, чтобы умножить свои наслажденія, то ничего не можетъ быть однообразнѣе ихъ жизни, проще ихъ нравовъ, ограниченнѣе ихъ нуждъ и постояннѣе ихъ привычекъ. Нынѣшній день у нихъ всегда повтореніе вчерашняго; ничто не измѣняется; даже ихъ женщины, въ своей восточной одеждѣ, съ румянами на лицѣ (у нихъ даже слово *красный* означаетъ *красоту*), въ праздничные дни надѣваютъ покрывала съ галунами и повойники съ бисеромъ, доставшіеся имъ по наслѣдству отъ матушекъ и украшавшіе ихъ прабабушекъ. Русское простонародье, погруженное въ рабство, не знакомо съ нравственнымъ благосостояніемъ; но оно пользуется нѣкоторою степенью внѣшняго довольства, имѣя всегда обезпеченное жилище, пищу и топливо; оно удовлетворяетъ своимъ необходимымъ потребностямъ и не испытываетъ страданій нищеты, этой страшной язвы просвѣщенныхъ народовъ. Помѣщики въ Россіи имѣютъ почти неограниченную власть надъ своими крестьянами, но, надо признаться, почти всѣ они поль-

зуются ею съ чрезвычайною умѣренностью; при постепенномъ смягченіи правовъ, подчиненіе ихъ приближается къ тому положенію, въ которомъ были въ Европѣ крестьяне, прикрѣпленные къ землѣ (servitude de la glèbe). Каждый крестьянинъ платитъ умѣренный оброкъ за землю, которую обрабатываетъ, и распредѣленіе этого налога производится старостами, выбранными изъ ихъ среды.

Когда переходишь отъ этой невѣжественной части русскаго населенія, еще коснѣющей во тьмѣ среднихъ вѣковъ, къ сословію дворянъ, богатыхъ и образованныхъ, то вниманіе поражается совершенно инымъ зрѣлищемъ. Здѣсь я долженъ напомнить, что изображаю русское общество такъ, какъ оно было за сорокъ лѣтъ передъ этимъ. Съ тѣхъ поръ оно измѣнилось, улучшилось во всѣхъ отношеніяхъ. Русская молодежь, которую война и жажда познаній разсѣяли по всѣмъ европейскимъ городамъ и дворамъ, показала, до какой степени усовершенствовались искусства, науки и вкусъ въ государствѣ, которое въ первую пору царствованія Людовика XV считалось необразованнымъ и варварскимъ.

Когда я прибылъ въ Петербургъ, въ немъ подъ покровомъ европейскаго лоска еще видны были слѣды прежнихъ временъ. Среди небольшого, избраннаго числа образованныхъ и видѣвшихъ свѣтъ людей, ни въ чемъ не уступавшихъ придворнымъ лицамъ блистательнѣйшихъ европейскихъ дворовъ, было не мало такихъ, въ особенности стариковъ, которые по разговору, наружности, привычкамъ, невѣжеству и пустотѣ своей принадлежали скорѣе времени бояръ, чѣмъ царствованію Екатерины.

Но это различіе оказывалось только по тщательномъ наблюденіи; во внѣшности оно не было замѣтно. Съ полвѣка уже всѣ привыкли подражать иностранцамъ,—одѣваться, жить, меблироваться, ѣсть, встрѣчаться и кланяться, вести себя на балѣ и на обѣдѣ, какъ Французы, Англичане и Нѣмцы. Все, что касается до обращенія и приличій, было перенято превосходно. Женщины ушли далѣе мужчинъ на пути совершенствованія. Въ обществѣ можно было встрѣтить много нарядныхъ дамъ, дѣвицъ, замѣчательныхъ красотою, говорившихъ на четырехъ и пяти языкахъ, умѣвшихъ играть на разныхъ инструментахъ и знакомыхъ съ твореніями извѣстнѣйшихъ романистовъ Франціи, Италіи и Англіи. Между тѣмъ мужчины, исключая сотню придворныхъ, каковы,напримѣръ: Румянцевы, Разумовскіе, Строгоновы, Шуваловы, Воронцовы, Куракины,

Голицыны, Долгоруковы и прочіе, большею частью были необщительны и молчаливы, важны и холодно вѣжливы и, повидимому, мало знали о томъ, что происходило за предѣлами ихъ отечества. Впрочемъ, обычаи, введенные Екатериною, придали такую пріятность жизни петербургскаго общества, что измѣненія, произведенныя временемъ, могли только вести къ лучшему. Кромѣ праздничныхъ дней, обѣды, балы и вечера были немноголюдны, но общество въ нихъ было непестрое и хорошо выбранное; они не были похожи на пышные наши рауты, гдѣ царствуетъ скука и безпорядокъ. Одежда, занятая у французскихъ придворныхъ, была менѣе покойна, чѣмъ фраки, сапоги и круглыя шляпы, но она поддерживала приличіе, любезность и благородство въ обращеніи. Такъ какъ всѣ обѣдали рано, то время послѣ полудня было посвящено исполненію общественныхъ требованій, обычнымъ визитамъ и съѣздамъ въ гостиныхъ, гдѣ умъ и вкусъ образовывались пріятнымъ и разнообразнымъ разговоромъ. Это напоминало мнѣ то веселое время, которое я проводилъ въ парижскихъ гостиныхъ. Но слишкомъ частыя и неизбѣжныя празднества не только при дворѣ, но и въ обществѣ, показались мнѣ слишкомъ пышными и утомительными. Было введено обычаемъ праздновать дни рожденія и имянинъ всякаго знакомаго лица, и не явиться съ поздравленіемъ въ такой день — было бы невѣжливо. Въ эти дни никого не приглашали, но принимали всѣхъ, и всѣ знакомые съѣзжались. Можно себѣ представить, чего стоило русскимъ барамъ соблюденіе этого обычая; имъ безпрестанно приходилось устраивать пиры.

Другого рода роскошь, обременительная для дворянъ и грозящая имъ разореніемъ, если они не образумятся, это — многочисленная прислуга ихъ. Дворовые люди, взятые изъ крестьянъ, считаютъ господскую службу за честь и милость; они почитали бы себя наказанными и разжалованными, если бы ихъ возвратили въ деревню. Эти люди вступаютъ между собою въ браки и размножаются до такой степени, что нерѣдко встрѣчаешь помѣщика, у котораго 400 и до 500 человѣкъ дворовыхъ всѣхъ возрастовъ, обоихъ половъ, и всѣхъ ихъ онъ считаетъ долгомъ держать при себѣ, хоть и не можетъ занять ихъ всѣхъ работою. Не менѣе того удивилъ меня другой обычай, введенный тщеславіемъ: лица, чиномъ выше полковника, должны были ѣздить въ каретѣ въ четыре или шесть лошадей, смотря по чину, съ длиннобородымъ кучеромъ и двумя форрейторами. Когда я въ первый разъ выѣхалъ такимъ образомъ съ

визитомъ къ одной дамѣ, жившей въ сосѣднемъ домѣ, то мой форрейторъ уже былъ подъ ея воротами, а моя карета еще на моемъ дворѣ!

Зимою снимаютъ съ каретъ колеса и замѣняютъ ихъ полозьями. Зимній санный путь по гладкимъ, широкимъ улицамъ всегда прекрасенъ,—такъ ровенъ и твердъ, какъ будто убитъ мельчайшимъ пескомъ; ничто не можетъ сравниться съ быстротой, съ которою ѣдешь или, лучше сказать, катишься по улицамъ этого прекраснаго города.

Я уже говорилъ, съ какою умѣренностью русскіе помѣщики пользуются своею, по закону, неограниченною властью надъ своими крѣпостными. Во время моего долгаго пребыванія въ Россіи, многіе примѣры привязанности крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ доказали мнѣ, что я на счетъ этого не ошибся. Въ числѣ многихъ подобныхъ примѣровъ, на какіе я бы могъ указать, ограничусь однимъ. Оберъ-камергеръ графъ ***, надѣлавъ большихъ долговъ, вынужденъ былъ для ихъ уплаты продать имѣніе, находившееся въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ столицы. Однажды утромъ, проснувшись, онъ слышитъ ужасный шумъ у себя на дворѣ; шумѣла толпа собравшихся крестьянъ; онъ ихъ призываетъ и спрашиваетъ о причинѣ этой сходки. «До насъ дошли слухи,—говорятъ эти добрые люди,—что вашей милости приходится продавать нашу деревню, чтобы заплатить долги. Мы спокойны и довольны подъ вашею властью, вы насъ осчастливили, мы вамъ благодарны за то и не хотимъ остаться безъ васъ. Для этого мы сдѣлали складчину и поспѣшили поднести вамъ деньги, какія вамъ нужны; умоляемъ васъ принять ихъ». Графъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, принялъ даръ, съ удовольствіемъ сознавая, что его хорошее обращеніе съ крестьянами вознаградилось такимъ пріятнымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе эти люди достойны сожалѣнія, потому что ихъ участь зависитъ отъ измѣнчивой судьбы, которая, по своему произволу, подчиняетъ ихъ хорошему или дурному владѣльцу. Эта истина не нуждается въ доказательствахъ; несмотря на то, я не могу не вспомнить кстати анекдотъ, который показалъ мнѣ, до какой степени неограниченная власть помѣщика, предающагося своимъ страстямъ, можетъ оскорблять невинность, слабость и добродѣтель, которымъ нѣтъ никакой опоры въ законахъ. Случай этотъ покажетъ, какой опасности могутъ подвергаться даже иностранцы свободные, но неизвѣстные, по несчастнымъ обстоятельствамъ принужденные служить въ странѣ, гдѣ гос-

подствуетъ рабство. Они неожиданно могутъ стать на ряду съ самыми угнетенными рабами и не найдутъ защиты въ самомъ сильномъ покровителѣ. Марія-Фелисите Ле-Ришъ (Le-Riche), дѣвушка молодая, хорошенькая и съ сердцемъ, пріѣхала въ Россію вмѣстѣ съ отцомъ, котораго молодой русскій баринъ вызвалъ для управленія своей фабрикой. Предпріятіе это не удалось, и разоренный старикъ не въ состояніи былъ содержать себя и дочь. Марія была влюблена въ молодого работника, но вмѣстѣ съ тѣмъ она возбудила сильную страсть въ русскомъ офицерѣ, помѣщикѣ, у котораго служилъ ея отецъ. Этотъ господинъ, стремясь къ удовлетворенію своихъ желаній, легко склонилъ отца Маріи отказать бѣдному жениху и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ старику, что одна изъ его родственницъ желаетъ имѣть при себѣ молодую дѣвушку, и что это мѣсто было бы выгодно для его дочери. Несчастный отецъ принялъ съ благодарностью его предложеніе. Марія, разлученная съ своимъ женихомъ, отправилась въ Петербургъ, гдѣ была помѣщена подъ присмотръ хитрой старухи, въ маленькой квартирѣ; здѣсь она имѣла все необходимое, кромѣ свободы, покровительства, на которое она надѣялась, и возможности видѣться и переписываться съ своимъ женихомъ. Марія была въ порѣ надеждъ, терпѣла и положилась на будущее. Но скоро разразилось надъ ней горе. Ложный ея благодѣтель пріѣзжаетъ, сбрасываетъ съ себя личину притворства и является низкимъ соблазнителемъ. Она противится ему съ двойною силою любви и добродѣтели. Убѣжденный въ безполезности всѣхъ средствъ къ обольщенію до тѣхъ поръ, пока молодая дѣвушка сохранитъ малѣйшую надежду принадлежать хоть когда-нибудь любимому человѣку, похититель обманываетъ ее ложною вѣстью о смерти ея жениха. Она впадаетъ въ отчаяніе и меланхолію. Ея преслѣдователь пользуется ея безпомощнымъ положеніемъ, съ неистовствомъ довершаетъ свое преступленіе и потомъ безсовѣстно бросаетъ ее. Несчастная изнемогаетъ и теряетъ разсудокъ; добрые сосѣди сжалились надъ ней и помѣстили ее въ больницу. Два года спустя послѣ этого происшествія, я видѣлъ эту несчастную жертву преступленія и любви. Она была блѣдна, слаба; въ ея лицѣ замѣтны были слѣды прошлой красоты; она молчала, потому что не находила словъ, чтобы выразить свое страданіе. Съ недвижнымъ взоромъ, съ рукою на сердцѣ, она стояла въ томъ же самомъ оцѣпенѣніи и безмолвіи, какъ въ ту минуту, когда узнала о смерти своего милаго. Только тѣло ея жило; душа же ея какъ будто искала

того, который могъ бы составить счастье ея жизни. Эта грустная картина никогда не изгладится изъ моей памяти. Г-нъ Дагесо, мужъ моей сестры, находившійся въ то время въ Петербургѣ, былъ, подобно мнѣ, тронутъ видомъ этой молодой дѣвушки и набросалъ ея портретъ. Я сохранилъ этотъ рисунокъ, и онъ часто напоминаетъ мнѣ бѣдную Марію и ея судьбу.

Обычай наказывать за проступки безъ всякаго разбирательства и пересуда вводитъ въ ужасныя ошибки даже самыхъ кроткихъ помѣщиковъ. Вотъ примѣръ такого недоразумѣнія, кончившійся довольно забавно, благодаря дѣйствующимъ лицамъ, хотя начало было очень печально и даже жестоко. Разъ утромъ торопливо прибѣгаетъ ко мнѣ какой-то человѣкъ, смущенный, взволнованный страхомъ, страданіемъ и гнѣвомъ, съ растрепанными волосами, съ глазами красными и въ слезахъ; голосъ его дрожалъ, платье его было въ безпорядкѣ: это былъ Французъ. Я спросилъ его, отчего онъ такъ разстроенъ? «Графъ,—отвѣчалъ онъ,—прибѣгаю къ вашему покровительству, со мной поступили страшно несправедливо и жестоко; по приказанію одного вельможи, меня сейчасъ оскорбили безъ всякой причины: мнѣ дали сто ударовъ кнутомъ».

«Такое обращеніе,—сказалъ я,—даже въ случаѣ важнаго проступка непростительно; если же это случилось безъ всякаго повода, какъ вы говорите, то это даже непонятно и совершенно невѣроятно. Кто же это могъ сдѣлать?»

«Его Сіятельство, графъ Б.»

«Вы съ ума сошли, — возразилъ я, — невозможно, чтобы человѣкъ такой почтенный, образованный и всѣми уважаемый, какъ графъ Б., позволилъ себѣ такое обращеніе съ Французомъ. Вѣроятно, вы сами осмѣлились его оскорбить?»

«Нѣтъ,—возразилъ онъ,—я даже никогда не зналъ графа Б.; я поваръ. Узнавъ, что графъ желаетъ имѣть повара, я явился къ нему въ домъ, и меня повели на верхъ въ его комнаты. Только что доложили обо мнѣ, онъ приказалъ мнѣ дать сто ударовъ, что сейчасъ же и было исполнено. Вы не повѣрите, что это такъ случилось, однако это правда; если хотите я могу представить вамъ доказательство и показать мою спину».

«Слушайте же,—сказалъ я ему наконецъ,—если, вопреки всякому вѣроятію, вы сказали правду, я буду требовать удовлетворенія за это оскорбленіе. Я не потерплю, чтобы обращались такимъ образомъ съ моими соотечественниками, которыхъ я обязанъ защищать. Если то, что вы мнѣ сказали,— неправда, то я съумѣю наказать васъ за такую клевету. Снесите сами

письмо, которое я сейчасъ напишу графу; кто-нибудь изъ моихъ людей пойдетъ съ вами». Я дѣйствительно тотчасъ написалъ графу Б. о странной жалобѣ повара и, между прочимъ, замѣтилъ, что хоть я и не вѣрю всему этому, однако обязанъ оказать защиту моему Французу и прошу его объяснить мнѣ это странное дѣло. Очень могло быть, что кто-нибудь изъ его слугъ недостойно воспользовался его именемъ для такого насилія. Я его предупреждалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаю его отвѣта, чтобы принять нужныя мѣры для наказанія того, кто принесъ жалобу, въ случаѣ, если онъ солгалъ, и чтобы удовлетворить его, если онъ, противъ всякаго вѣроятія, говоритъ правду.

Прошли два часа; я не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ, я сталъ терять терпѣніе и хотѣлъ уже итти самъ за объясненіемъ, котораго требовалъ, какъ вдругъ опять явился поваръ, но въ совершенно другомъ настроеніи: онъ былъ спокоенъ, улыбался и смотрѣлъ весело.

«Ну, что же, принесли вы мнѣ отвѣтъ?»—спросилъ я его.

«Нѣтъ графъ, его превосходительство самъ доставитъ вамъ его вскорѣ; а мнѣ ужъ больше не на что жаловаться, я доволенъ, совершенно доволенъ, тутъ вышла ошибка, мнѣ остается только поблагодарить васъ за вашу милость».

«Какъ! развѣ уже слѣды вашихъ ста ударовъ исчезли?»

«Нѣтъ, они еще на моей спинѣ и очень замѣтны; но ихъ очень хорошо залѣчили и меня совершенно успокоили. Мнѣ все объяснили; вотъ какъ было дѣло: у графа Б. былъ крѣпостной поваръ, родомъ изъ его вотчины; нѣсколько дней тому назадъ, онъ бѣжалъ и, говорятъ, обокралъ его. Его сіятельство приказалъ отыскать его и, какъ только приведутъ, высѣчь. Въ это-то самое время я явился, чтобы проситься на его мѣсто. Когда меня ввели въ кабинетъ графа, онъ сидѣлъ за своимъ столомъ, спиной къ двери и былъ очень занятъ. Меня ввелъ лакей и сказалъ графу: «ваше сіятельство, вотъ поваръ». Графъ не оборачиваясь, тотчасъ отвѣтилъ: «свести его на дворъ и дать ему сто ударовъ!» Лакей тотчасъ запираетъ дверь, тащитъ меня на дворъ и, съ помощью своихъ товарищей, какъ я уже вамъ говорилъ, отсчитываетъ на спинѣ бѣднаго французскаго повара удары, назначенные бѣглому русскому. Его сіятельство сожалѣетъ обо мнѣ, самъ объяснилъ мнѣ эту ошибку и потомъ подарилъ мнѣ вотъ этотъ кошелекъ съ золотомъ».

Я отпустилъ этого бѣдняка, но не могъ не замѣтить, что онъ слишкомъ легко утѣшился послѣ побоевъ.

Всѣ эти выходки, выходки то жестокія, то странныя и рѣдко забавныя, происходятъ отъ недостатка твердыхъ учрежденій и гарантій. Въ странѣ безгласнаго послушанія и безправности владѣлецъ самый справедливый и разумный долженъ остерегаться послѣдствій необдуманнаго и поспѣшнаго приказанія.

Глава III. Московское барство.

I [1]).

Вмѣстѣ съ приказомъ, отданнымъ при паролѣ во Владимірѣ объ исключеніи 32 штабъ и оберъ-офицеровъ изъ службы, курьеръ привезъ высочайшій указъ правительствующему сенату о перемѣщеніи сенатора *Лопухина* присутствовать въ санктъ-петербургскихъ сената департаментахъ. Какъ сигнальная пушка въ крѣпостяхъ утромъ поднимаетъ на ноги сосланныхъ преступниковъ въ крѣпостныя работы, такъ всемилостивѣйшій высочайшій указъ сенату о перемѣщеніи Лопухина привелъ въ движеніе кареты и лица; всѣ скакали на Тверскую улицу, гдѣ жилъ Петръ Васильевичъ Лопухинъ, изъявить его превосходительству искреннѣйшее желаніе ему благополучнаго пути и вожделѣннаго здравія; поздравлять Лопухина съ перемѣщеніемъ нельзя, перемѣщеніе не есть ни повышеніе, ни производство: указано сидѣть въ томъ же сенатѣ, да на другомъ мѣстѣ. Кстати будетъ здѣсь сказано, не были съ визитомъ у Лопухина бояринъ генералъ-аншефъ Петръ Дмитріевичъ *Еропкинъ*; у супруги Лопухина, Екатерины Николаевны, не была супруга фельдмаршала, графиня Дарія Петровна *Салтыкова*, рожденная графиня Чернышева. Прочіе всѣ спѣшили на Тверскую, даже и оберъ-камергеръ, кн. Александръ Михайловичъ *Голицынъ*. Примѣръ аристократическаго тона и меланхоликъ *Остерманъ*, сенаторъ, который часто сидящему подлѣ него чесалъ за ухомъ вмѣсто своего уха, и стоикъ кн. Иванъ Ивановичъ генералъ-лейтенантъ *Прозоровскій* также пріѣзжалъ ударить челомъ будущему вскорѣ князю свѣтлѣйшему.

Къ супругѣ Лопухина возили со всѣхъ сторонъ чудотворныя иконы, Иверскую, Всѣхъ скорбящихъ, Утоленія печали Взысканія погибшихъ, да прости, Господи! всѣхъ и не сочтешь;

[1]) Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772—1863 гг. «Рус. Стр.» 1885. Ноябрь.

служили напутственные молебны, святили воду, окропляли Анну Петровну и заставляли ее ложиться на полъ и черезъ нее переносили святыя иконы, и вмѣстѣ съ этою благоговѣйною набожностію Екатерины Николаевны, она усерднѣйше служила богинѣ любви, по пословицѣ—у нея былъ мужъ наружи, да пять въ сундукѣ.... Постоянно при востребованіи всегда готовый къ услугамъ ея превосходительства былъ Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, подполковникъ Екатеринославскаго кирасирскаго полка.

Его высокоблагородіе за личную и усердную службу, получалъ pour ses menus plaisirs 100 руб. ассигн. въ мѣсяцъ; сенаторша нанимала ему экипажъ, карету съ 4 лошадей за 35 руб. ассигн. въ мѣсяцъ. Подумаешь, какъ было тогда все дешево: благословенныя были времена! Нынѣ маменьки берутъ для подготовленія дѣтей, не знаю къ чему, студентовъ, преимущественно происходящихъ изъ духовнаго званія, потому что у семинаристовъ латынь тверда, и они латынь глубоко вперяютъ. Да такой дока латинистъ не вѣсть что стоитъ маменькѣ, а тогда, о благословенныя времена, подполковникъ стоилъ, и со всѣми экстраординарными расходами, тысячи двѣ руб. ассигн., что это—misere! да вишь подполковникъ, отъ него ни кутьей, ни халтурой не воняетъ!

Духовенство пропѣло напутственныя молитвы, архіереи, архимандриты и духовный отецъ благословили, оставалось сѣсть въ карету и покатить во градъ св. Петра, но вдругъ возникло препятствіе: Екатерина Николаевна съ мѣста не хотѣла двинуться безъ Ф. П. Уварова! Ей толковали, ее вразумляли, что это невозможно, Уваровъ состоитъ на службѣ, уволить его въ отпускъ прежде никто не смѣетъ и въ такомъ случаѣ, если бы свѣтъ разрушался. Нѣтъ! баба кричала: «я хочу, мнѣ обѣщано, сказано, что все будетъ по моему, чего захочу». Прежде мачиха убѣждала падчерицу согласиться, теперь пошло навыворотъ, падчерица не убѣждала мачиху, а просто сказала ей: «я хочу, чтобы вы сей-же часъ ѣхали со мною, не поѣдете—я ѣду одна, но подумайте, что тогда будетъ съ вами, когда я одна пріѣду», и приказала оберъ-полицей-мейстеру, генералъ-маіору П. Н. Кавелину:

— «Павелъ Никитичъ, прикажите, чтобы подали мой экипажъ!»

Кавелинъ, съ поклономъ чуть не до пола, доложилъ будущей свѣтлѣйшей княгинѣ: «все готово, ваше превосходительство».

Екатерина Николаевна, увидѣвъ, что падчерица не шутитъ, бросилась въ ея объятія.

— «Нѣтъ,милая Анета, я съ тобой не разстанусь, ѣдемъ»,— и вся компанія, и господинъ полицеймейстеръ, и пацокинскій дуракъ Иванушка присѣли кто на что попало; потомъ минуты черезъ двѣ-три встали и молились святой иконѣ и поѣхали.

Маршрутъ путешествія Анны Петровны въ градъ св. Петра былъ такъ соображенъ, что прибытіе Павла Петровича послѣдовало черезъ день послѣ пріѣзда Лопухиной. На третій день прибытія, высочайшимъ приказомъ при паролѣ, Екатеринославскаго кирасирскаго полка подполковникъ *Уваровъ* произведенъ въ полковники и переведенъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ.

Екатерина Николаевна Лопухина прислала Ф. П. Уварову тысячу руб. ассиги. на подъемъ, и его высокоблагородіе, конечно, въ первый разъ въ жизни покатилъ въ Питеръ въ коляскѣ; до этого участь его была ѣздить на перекладной телѣгѣ или на козлахъ подлѣ кучера, когда онъ состоялъ откомандированнымъ изъ Владимірскаго драгунскаго полка на безсмѣнные ординарцы къ генералу графу Валеріану Зубову. Боже мой, подумаешь— какъ на свѣтѣ все превратно! Федоръ Петровичъ *Уваровъ*, ѣзжавшій подлѣ кучера на козлахъ экипажа, въ которомъ сидѣли генералъ его, графъ Валеріанъ *Зубовъ*, съ прелестною супругою своею Маріею Федоровною, которую онъ взялъ у мужа ея Протопотоцкаго, которая будетъ по смерти Зубова супругою неотесаннаго болвана Уварова! нѣтъ, сего не довольно, все имѣніе Потопотоцкаго послѣ его смерти, вопреки законовъ русскихъ, статутовъ литовскихъ и укладовъ польскихъ, отдано Маріи Федоровнѣ, бывшей Протопотоцкаго женѣ, а она духовнымъ завѣщаніемъ передала огромное достояніе Протопотоцкаго послѣднему своему супругу, болвану Уварову! Не напрасно истари чтождествуетъ (sic) поговорка, что если счастье и въ кобыльей головѣ угнѣздится, такъ и кобыльей головѣ станутъ всѣ поклоняться.

Федоръ Петровичъ подтвердилъ или олицетворилъ эту поговорку; онъ былъ совершенная невѣжда и весьма небогатаго разсудка человѣкъ—ему ввѣряли команду войскомъ; онъ не умѣлъ ѣздить на конѣ и всегда держался за ремень, прикрѣпленный къ передней лукѣ сѣдла—его считали знатокомъ кавалерійскаго дѣла; онъ вѣчно въ разговорахъ дичь поролъ—два императора, Павелъ и Александръ, дичь Уварова благосклонно слушали. Денисъ Давыдовъ остро и справедливо сказалъ про Уварова, что онъ «умничаетъ глупо, а дурачится умно!»

Чрезъ непродолжительное время по прибытіи сенатора и дочери ея, Анны Петровны—Петръ Васильевичъ *Лопухинъ* былъ возведенъ въ потомственное княжество россійской имперіи, съ титуломъ свѣтлости.

Пришелъ, какъ говорятъ, новый годъ; въ это время, бывало, государи жаловали служащихъ чинами, орденами, что и государь императоръ Павелъ соизволилъ сдѣлать. Федоръ Петровичъ *Уваровъ* не былъ въ числѣ пожалованныхъ орденами; онъ незадолго предъ новымъ годомъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты и симъ назначеніемъ обошелъ болѣе 200 полковниковъ старше его по службѣ; но избалованный болванъ слѣпымъ счастіемъ явился къ Екатеринѣ Николаевнѣ въ пылу неудовольствія и требовалъ, чтобы она убѣдила падчерицу ходатайствовать о пожалованіи ему ордена св. Анны 1-го класса, какъ были прочіе награждены. Екатерина Николаевна была бы готова выполнить желанія Уварова, да, къ несчастію ея, она въ это время была съ Анною Петровною въ размолвкѣ и хотѣла бы просить ее, да не смѣла; падчерица знала уже, что она можетъ сдѣлать, и мачиха боялась падчерицы, которую недавно за уши дирала. *Уваровъ*, выслушавъ отказъ Лопухиной, пришелъ въ бѣшенство, наговорилъ ей по драгунски привѣтствій, каковыхъ она отъ роду не слыхала, и уѣхалъ. Прошелъ день, прошелъ другой, прошелъ и третій, Уваровъ не ѣдетъ! Когда страсть овладѣваетъ женщиной въ исходѣ лѣтъ, опредѣленныхъ женщинѣ быть женщиной, т.-е. въ 40 и подъ 40 лѣтъ, тогда въ женщинахъ дѣлается ражь, и онѣ приходятъ въ бѣшенство, забываютъ всякое приличіе, стыдъ, оглашеніе и стремятся единственно къ наслажденію физическому!

Дочь заслуженнаго генералъ-аншефа князя *Мещерскаго*, генералъ-губернатора казанскаго, сожгла городъ Казань; княжна, къ несчастію ея, имѣла связь съ лакеемъ, крѣпостнымъ слугою ея родителя; несчастный случай обнаружилъ ея свиданіе съ лакеемъ и такъ явно обнаружилъ, что на другой день объ этомъ свѣдалъ бы весь городъ; она любовнику своему даетъ денегъ и приказываетъ улучившихъ ихъ свиданіе угостить хорошенько въ кабакѣ, чтобы молчали. Любовникъ лакей приказаніе княжны готовъ былъ исполнить,—какой лакей вина не любитъ,—взялъ деньги и, пригласивъ молодцовъ, отправился въ кабакъ; княжна, чтобы покрыть навсегда неизвѣстностію свой проступокъ, заперла снаружи дверь кабака и сама зажгла съ четырехъ сторонъ кабакъ; въ это время былъ сильный вѣтеръ, и городъ Казань представлялъ утромъ на другой день пространное пепелище.

Княгиня свѣтлѣйшая *Лопухина* возвышеніе, благородіе чувствовала княжны Мещерской; Екатерина Николаевна не хотѣла ни сжечь, ни убить Уварова; быть можетъ, и потому не хотѣла, что не имѣла средствъ; она рѣшилась изъ миценія или мучимая желаніемъ—отъ тоски отравить себя. Чтобы произвесть сіе блажное намѣреніе въ исполненіе, ея свѣтлость изволила поѣхать въ каретѣ кататься по городу и на возвратномъ пути къ себѣ въ домъ приказала остановиться у аптеки близъ Полицейскаго моста. На мѣстѣ, гдѣ нынѣ (1848 г.) видѣнъ огромный, но уродливый домъ купца Котомина, стоялъ небольшой домикъ, выкрашенный зеленой краскою, надъ дверями входа была пригвожена огромнаго размѣра вывѣска со львами, единорогами, неграми и надпись—*аптека*; тогда двуглаваго орла надъ аптеками не выставляли. Не помню имени аптекаря, но кудряваго аланже парика и огромнаго кошелька для волосъ, который въ насмѣшку называли челобитна, никогда не забуду. Г. аптекарь, разумѣется, былъ нѣмецъ, вальяжнаго сложенія, и славился познаніемъ въ приготовленіи лѣкарствъ; всѣ знатные вельможи и богатые люди брали лекарства у вальяжнаго аптекаря, и онъ въ бархатномъ черномъ кафтанѣ французскаго покроя, золотого глазета камзолѣ, въ черныхъ бархатныхъ съ золотыми шглифами (?) башмакахъ съ красными каблуками, съ огромными изъ стразовъ у башмаковъ пряжками и бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, представлялъ собою какое-то среднее созданіе между вельможи и ярмарочнаго гаера!

Княгиня приказала слугѣ вызвать аптекаря; вальяжный кухмистеръ латинской кухни выбѣжалъ и, держа въ рукахъ шелковую, трехъугольную, миніатюрную шляпку, шаркалъ ногами по снѣгу, кланялся и говорилъ: «вашъ свѣтлость, какой угодно лекарствъ, всяка готовъ».

Княгиня объявила ему, что ей надобно мышьяку. Вальяжный нѣмецъ вздрогнулъ, выпучилъ большіе сѣрые глаза и не зналъ, что отвѣчать ея свѣтлости. Мышьякъ—ядъ, а всѣ ядовитыя вещества строго воспрещено отпускать безъ рецепта докторскаго. Княгиня, замѣтивъ смущеніе вальяжнаго аптекаря, сказала ему: «у меня въ кабинетѣ завелись мыши». Аптекарь, кланяясь княгинѣ, отвѣчалъ: «исвольте, ваша свѣтлость, сейшасъ будетъ готовъ», и минутъ черезъ 10 подалъ княгинѣ въ золотой бумажкѣ завернутый мышьякъ, съ надписью: «для мышь ея свѣтлости».

Свѣтлѣйшая княгиня, возвратясь домой, изволила въ образной комнатѣ (у русскихъ боярынь возлѣ будуара, гдѣ онѣ насла-

ждаются сладострастіемъ, какъ землеродныя, всегда примкнута комнатка, уставленная образами, въ которой онѣ каются и возносятся горѣ духомъ) долго молиться Богу, потомъ изволила раздѣться, приказала горничной служанкѣ принести карафинъ воды, рюмку и сказала, чтобы ее не безпокоили, что она хочетъ заснуть. Горничная вышла, затворила дверь въ почивальню, а княгиня высыпала порошокъ въ рюмку, налила воды, и видно, что свѣтлѣйшей княгинѣ все еще хотѣлось жить, хотя она и рѣшилась умереть, какъ умирали въ древнія времена знаменитые въ Греціи философы; но княгиня спѣшила, порошокъ не размѣшала, вода была холодная; эти обстоятельства споспѣшествовали спасенію жизни княгини, когда дѣло дошло до врачебныхъ пособій.

Ядъ довольно сильно подѣйствовалъ, княгиня начала кричать, просить помощи; пришелъ князь, возвратившійся изъ правительствующаго сената, созвали табунъ медиковъ; князь довелъ до высочайшаго свѣдѣнія о приключившейся болѣзни ея свѣтлости. Присланъ лейбъ-медикъ (не упомню имени врача, находившагося при особѣ его величества); повелѣно лейбъ-медику спѣшить на помощь страдавшей княгинѣ; сказано врачу: «исцѣли княгиню, не исцѣлишь—велю тебя повѣсить!» Повелѣніе краткое, но неизрѣченно сильное. Врачу казалось, что веревка уже саднитъ ему шею. Врачи не могли постигнуть болѣзни, симптомы являли отравленіе, да кому могло придти на мысль, что ея свѣтлость изволила заблагоразсудить прекратить жизнь свою, пропустивъ въ утробу свою мышьякъ! Низкая, подлая идея умереть одинаковымъ образомъ съ погребной крысой! Но Екатерина Николаевна была во всѣхъ отношеніяхъ необразованная баба и всесовершенная невѣжда; она боялась Бога, боялась и сатаны! Ставила свѣчки предъ чудотворными иконами, клала земные поклоны и искала глазами въ церкви пригожихъ и плечистыхъ молодцовъ. Кричала, просила помощи, а не сознавалась въ томъ, что хлебнула мышьяку. Съ каждымъ вздохомъ княгини отъ жгучей боли, лейбъ-медикъ чувствовалъ лихорадочную дрожь во всемъ составѣ тѣла; дорога къ висѣлицѣ ежеминутно для него сокращалась,и онъ, какъ искусный врачъ, подобно искусному мореходцу во время бури, умѣющему опредѣлить минуту кораблекрушенія, разсчитывалъ—сколько осталось часовъ княгинѣ и ему; но вдругъ все взяло другой оборотъ: въ сонмѣ врачей, одинъ изъ медиковъ увидѣлъ въ углу комнаты на столикѣ стаканъ, въ которомъ было еще немного воды, а на днѣ сосуда бѣлый отсадъ. Счастливый медикъ взялъ

стаканъ, посмотрѣлъ его попристальнѣе, взялъ пальцемъ изъ стакана немного отсада и, посмаковавъ на языкѣ, закричалъ собратіи своей: «гг., вотъ отрава», показывая на стаканъ. Всѣ эскулапы начали смаковать языкомъ отсадъ въ стаканѣ и всѣ вкупѣ повторили: «отрава, отрава, мышьякъ!» Мгновенно обратились къ врачебнымъ средствамъ противоядія; чело лейбъ-медика освѣжилось, какъ листокъ травки отъ первой упадшей на него капли росы; листокъ отъ капли еще не напитанъ, но уже нѣсколько увлаженъ, предрасположенъ къ воспріятію жизнетворнаго вещества. Отуманенный разсудокъ лейбъ-медика обѣщаніемъ висѣлицы освѣжился надеждою исцѣлить страдавшую княгиню, и онъ, воспрянувъ отъ унынія, началъ распоряжаться методой врачеванія, а до открытія причины болѣзни лейбъ-медикъ сидѣлъ, какъ темная ночь, въ углу, не вмѣшиваясь въ поданіе помощи; онъ былъ a priori и a posteriori увѣренъ, что быть, какъ бычку, на веревочкѣ!

Княгинѣ скоро подали облегченіе въ недугѣ, и чрезъ три, четыре часа медики купно обрадовали дворъ и городъ, что ея свѣтлость находится внѣ опасности и въ непродолжительномъ времени здравіе свѣтлѣйшей княгини будетъ совершенно возстановлено. Но съ открытіемъ мышьяка въ стаканѣ возникла суматоха въ домѣ свѣтлѣйшаго князя.

Повелѣно отыскать виновнаго, если бы онъ и подъ землею спрятался. Не отыщутъ,—всѣмъ обѣщанъ кнутъ и доживать вѣкъ въ Сибири! Нынѣ (1848 г.) страна сія притягиваетъ къ себѣ золотоносными розсыпями, а тогда Сибирь отталкивала и ужасала всѣхъ холодомъ и дикостью дремучихъ непроходимыхъ лѣсовъ, въ которыхъ не ступила нога человѣка, если не отъ сотворенія міра, то уже вѣрно отъ времени стока водъ послѣ потопа. Полиція у насъ, православныхъ, всегда начинаетъ свои дѣйствія кулакомъ по рылу и палкой по спинѣ,—это есть вступленіе, первое привѣтствіе къ допросу, а засимъ слѣдуютъ плети разныхъ наименованій: кошки, съ загнутыми проволочными нахвостниками, придуманныя въ Бозѣ почившимъ герцогомъ курляндскимъ Бирономъ, плети генералъ-полиціймейстера *Татищева*, въ царствованіе Елисаветы, подлинники *Шварца* и *архаровки*; этими архаровками сѣкали на выпускъ; про нихъ говаривали, что архаровки только ерошатъ спину, а пэмяти не оставляютъ. Въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, начиная съ 6-го ноября 1796 года, архаровки висѣли спокойно на крючкѣ, ихъ въ дѣйствіе не употребляли. Полиція принялась за лакеевъ, кучеровъ, которые возили княгиню кататься, и скоро подробно узнали все,

что княгиня изволила творить въ это время: разговоръ съ аптекаремъ, золотая бумажка, въ которой былъ запечатанъ порошекъ мышьяка, все свидѣтельствовало о томъ, что княгиня злое снадобье получала отъ нѣмца, вальяжнаго аптекаря. Соколомъ полетѣлъ г. оберъ-полиціймейстеръ въ аптеку и едва переступилъ порогъ, бухнулъ вальяжнаго по скулѣ такъ ловко къ мѣсту, что огромный алонже парикъ аптекаря вышибенною ударомъ пудрою наполнилъ комнату, какъ вихрь наполняетъ пространство поднятымъ пескомъ съ земли.

Милліоны искръ сыпались еще предъ глазами нѣмца, какъ сильная длань шуйцы оберъ-полиціймейстера обласкала лѣвую скулу аптекаря такъ, что кудрявый парикъ вальяжнаго фармацевта принялъ элиптическое наклоненіе къ западу; послѣ третьяго одолженія, повтореннаго кулакомъ г. оберъ-полиціймейстера съ правой стороны, произнесъ оберъ-полиціймейстеръ вопросъ аптекарю:

— «Ты, ракалія, отравилъ свѣтлѣйшую княгиню Лопухину?»

Это предварительное дѣйствіе предъ допросомъ на полицейскомъ ученомъ языкѣ именуется *ошеломить съ перваго раза.* Вальяжный аптекарь, приведенный рукодѣліемъ г. оберъ-полиціймейстера въ изступленіе отъ одолженій, оказанныхъ скуламъ, кровь стремилась въ центръ черепа, отъ испуга организмъ тѣла его пришелъ въ безпорядокъ и выпуклое пузо фармацевта, обтянутое камзоломъ золотаго глазета, сильно колеблемое скорымъ дыханіемъ, представляло мерцаніе угасающаго пламени. Ошеломленный аптекарь вспомнилъ тотчасъ о мышьякѣ, отпущенномъ княгинѣ, отвѣчалъ оберъ-полиціймейстеру:

— «Косбодинъ оберъ-полиціймейстеръ, не пей меня то смерть, пей меня то полофинъ смерть, пуду сказалъ правда, какъ пыло».

— Ну, говори, ракалія!—произнесъ оберъ-полиціймейстеръ повелительнымъ голосомъ фармацевту.

Вальяжный разсказалъ допросчику все подробно о томъ,какъ княгиня подъѣхала къ его аптекѣ, приказала его вызвать и потребовала порошокъ мышьяку для отравы мышей, что онъ не смѣлъ не отпустить мышьяку столь высокой особѣ, какъ свѣтлѣйшая княгиня, страшась недовѣріемъ прогнѣвать ея свѣтлость. Тутъ спохватился г. оберъ-полиціймейстеръ и уразумѣлъ, что онъ ошеломилъ вальяжнаго фармацевта безъ наималѣйшаго къ тому повода.

Въ 1797 и послѣдующихъ трехъ годахъ мудрое узаконеніе мудрой законодательницы Сѣвера: «безъ суда никто да не нака-

жется», оставалось, по приказному выраженію, *за силою*, то-есть недѣйствительнымъ, равно какъ дарованная дворянству грамота, въ которой сказано: «отнынѣ да не накажется никогда на тѣлѣ дворянинъ русскій», также была оставлена за силою; NN изволилъ юнкера конной гвардіи, князя Мустафина, бить въ два фухтеля (палаша) и, если бы благородный полковникъ Артемій Ивановъ *Раевскій* не воспрепятствовалъ, прибѣжавъ на мѣсто наказанія, NN, по врожденному человѣколюбію, отправилъ бы Мустафина къ праотцамъ на лоно Авраамля! Мустафина сбили уже фухтелями съ ногъ...

Оберъ-полиціймейстеръ, чтобы не дать удалому своему подвигу огласки, приказалъ вальяжнаго нѣмца взять подъ стражу въ частный домъ, къ аптекѣ поставить караулъ съ приказаніемъ никого изъ гезелей (помощники) изъ аптеки не выпускать, изволилъ поскакать къ свѣтлѣйшему князю доложить объ открытіи, какимъ образомъ ядъ внесенъ въ домъ его свѣтлости, и что онъ приказалъ аптекаря взять подъ стражу въ частный домъ. Князь зналъ уже подробно о всемъ событіи до розыска г. дѣятельнаго оберъ-полиціймейстера, приказалъ ту же минуту фармацевта освободить. Княжна Анна Петровна была увѣдомлена о причинѣ, побудившей мачиху покуситься на себяубійство, и когда Павелъ Петровичъ, получивъ отъ лейбъ-медика рапортъ о совершенной безопасности жизни свѣтлѣйшей княгини, соизволилъ поспѣшить передать лично радостную вѣсть княжнѣ, Анна Петровна пересказала о причинѣ происшествія...

Федоръ Петровичъ *Уваровъ* получилъ орденъ св. Анны 1-го класса.

Судьбы неисповѣдимы! какое сцѣпленіе обстоятельствъ: чтобы на рамена Федора Петровича былъ возложенъ орденъ св. Анны, неужели было необходимо для сего событія біеніе по скуламъ и треволненіе утробы вальяжнаго фармацевта?

Глава III. Черты изъ быта провинціальнаго дворянства.

I [1]).

Тогда отпросился въ годовой отпускъ къ матери въ Казань, дабы показаться ей въ новомъ чинѣ. На дорогѣ случилось приключеніе, ничего впрочемъ не значущее, но однако

[1]) Записки Г. Р. Державина. М. 1860 г.

могущее въ крайнее ввергнуть его злополучіе. Прекрасная молодая благородная дѣвица, имѣвшая любовную связь съ бывшимъ его гимназіи директоромъ, господиномъ Веревкинымъ, который тогда возвращенъ былъ паки на прежнее свое мѣсто, бывъ за чѣмъ-то въ Москвѣ, отправлялась въ Казань, къ своему семейству, сговорилась съ нимъ и еще съ однимъ гвардіи же Преображенскаго полка капраломъ Аристовымъ вмѣстѣ для компаніи ѣхать. Въ дорогѣ, будучи непрестанно вмѣстѣ и обходясь по простоту, имѣлъ удачу живостью своею и разговорами ей понравиться такъ, что товарищъ сколь ни завидовалъ и изъ ревности сколь ни дѣлалъ на всякомъ шагу и во всякомъ удобномъ случаѣ возможныя препятствія, но не могъ воспретить соединенію ихъ пламени. Натурально, въ таковыхъ случаяхъ болѣе оказывается въ любовникахъ храбрости и рвенія угодить своей любезной. Въ селѣ Буньковѣ, что на Клязьмѣ, владѣніи господина Всеволожскаго, перевощики подали паромъ; извощики взвезли повозки и выпрягли лошадей; но первые не захотѣли перевозить безъ ряды; а какъ они запросили неумѣренную цѣну, которая почти и не подъ силу капральскому кошельку была, то и не хотѣлъ онъ имъ требуемаго количества денегъ дать, а они разбѣжались и скрылись въ кусты. Прошло добрыхъ полчаса, и никто изъ перевощиковъ не являлся. Натурально красавицѣ скучилось; она стала роптать и плакать. Кого же слезы любимаго предмета не тронутъ? Страстный капралъ, обнажа тесакъ, бросился въ кусты искать перевощиковъ, и нашедъ ихъ, то угрозами, то обѣщаніемъ заплатить все, что они потребуютъ, вызвалъ ихъ кое-какъ на паромъ. Но какъ пришли на оный, то и требовали напередъ денегъ въ превосходномъ числѣ, чѣмъ прежде просили. Тутъ молодой герой, будучи пылкаго нрава, не вытерпѣлъ обману, вышелъ изъ себя и, схватя палку, ударилъ нѣсколько разъ кормщика. Онъ схватилъ свой багоръ и закричалъ прочимъ своимъ товарищамъ: «Робята, не выдавай»; съ словомъ съ симъ всѣ перевощики, сколько ихъ ни было, кто съ веслами, кто съ шестами, напали на рыцарствующаго капрала, который, какъ ни отмахивался тесакомъ, но принужденъ былъ, бросившись въ повозку, схватить свое заряженное ружье, приложился и хотѣлъ выстрѣлить: но къ счастью, что ружье было новое, предъ выѣздомъ изъ Москвы купленное и неодержанное, курокъ крѣпокъ, то и не могъ скоро спуститься. Мужики, увидя его ярость и убоявшись смерти, въ мигъ разбѣжались. Тогда онъ, отвязавъ маленькій при берегѣ стоявшій челнокъ,

сѣлъ въ него и переправился чрезъ Клязьму въ помянутое село Буньково. Тамъ, ходя по улицѣ и по дворамъ, никого не находилъ; наконецъ вышелъ изъ приказной избы мужикъ довольно взрачный, осанистый, съ большою бородою и, подпираясь посохомъ, съ видомъ удивленія, спросилъ: «Что ты, баринъ, такъ воюешь, развѣ къ басурманамъ ты заѣхалъ? чего тебѣ надобно?» Проѣзжій пересказалъ ему случившееся, жалуясь на притѣсненіе перевощиковъ. «Ну что же за бѣда? развѣ не можно было другимъ манеромъ сыскать на нихъ управы? Стыдно-ста, молодой господинъ, озорничать, бѣгать съ голымъ палашомъ по улицѣ и пужать міръ крещеный. Меня не испужаешь, велю схватить, да связать и отвезу въ городъ, такъ и будешь утирать кулакомъ слезы, но не поворотишь. Баринъ нашъ насъ не выдастъ» (который былъ тогда оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ и въ случаѣ при дворѣ). Таковымъ справедливымъ укоромъ устыдилъ храбреца мужикъ. Это былъ бурмистръ того селенія. Насилу кое-какъ, будучи убѣжденъ, приказалъ перевозить за сходную цѣну всѣ повозки.

Пріѣхавъ въ Казань, желалъ съ красавицей своей чаще видѣться, но будучи не большаго чина и не богатъ, не могъ имѣть свободнаго хода къ ней въ покой; ибо она жила въ одномъ домѣ съ господиномъ директоромъ, съ супругою его вмѣстѣ. А при томъ какъ долженъ былъ по приказанію матери ѣхать въ Шацкъ, для выводу отъ туда нѣкотораго небольшаго числа крестьянъ, доставшихся ей на седьмую часть послѣ перваго ея мужа, господина Горина, то сіи кратковременныя любовныя шашни тѣмъ и кончились: ибо болѣе никогда уже не видалъ сего своего предмета.

II [1]).

Начало ученія грамотѣ. Въ Баклани, кажется, начали меня учить грамотѣ. Мечтается мнѣ, что домъ нашъ былъ насупротивъ церкви Св. Николая; что школа, принадлежащая ей, находилась чрезъ дорогу; что въ сей школѣ жилъ дьякъ, къ которому меня водили, который, однако, чему и какъ училъ меня, не помню; но что онъ часто и больно сѣкалъ меня, особливо по субботамъ, сіе помню. Сіе глупо-варварское обыкновеніе было въ употребленіи почти во всѣхъ приходскихъ школахъ, по причинѣ дьяку нѣкотораго доходишка.

[1]) Записки Винскаго «Руск. Арх.» 1883 т. IV.

Малороссійская субботка. Послѣ субботней вечерни, всѣ ученики собирались въ школу и, не садясь по мѣстамъ, а стоя, ожидали дьяка. При вступленіи въ школу, онъ былъ привѣтствованъ ото всѣхъ въ одинъ голосъ: «Миръ ти, благій учителю нашъ»! На что онъ отвѣчалъ: «Треба секты васъ», и тотчасъ начинаетъ экзекуцію: «учись, не пустуй, помни субботку»—были его увѣщанія при сѣченіи. Тѣ, которыхъ матери присылали дьяку почаще млинцивъ, боланцивъ, паленыцъ и того-другаго, получали удары по платью; а бѣдняки, или у кого матери были скупы, расплачивались голыми задницами. Проклятая поповщина! Гдѣ ты не злочинствовала?

Начало ученія латинскаго языка. Перваго же моего инспектора, т.-е. домашняго учителя, Поляка пана Мушинскаго, гораздо болѣ помню, не по его ученію, а по тому, что онъ былъ охотникъ стрѣлять, удить рыбу, ловить птичекъ и меня нерѣдко съ собою важивалъ, и что онъ былъ крайне золъ и насъ сѣкалъ безъ милости. Послѣ сего принятъ былъ панъ Дворецкій, родомъ изъ Сосницы. При семъ учителѣ я прошелъ латинскій алваръ; по россійски же читалъ уже по вечерамъ для матери Четь-минею, а въ церкви Апостоловъ и Пареміи; писалъ изрядно и по сказыванію[1]). Сей инспекторъ нрава былъ тихаго, и я его душевно любилъ; бывали и отъ него наказанія, но и рѣдко и ненапрасно и нежестоко, такъ что ежели за шалости и непрестанныя мои проказы къ нему, я считалъ сіе помилованіемъ. При семъ инспекторѣ кончилось мое домашнее ученіе, и я посланъ былъ продолжать оное въ Черниговъ.

Оружейная охота. Жизнь моя въ домѣ г. Булгакова была довольно сносна; ибо, не заботясь о ежедневномъ насущномъ, имѣя упражненіе, я возобновилъ еще для себя потерянную было забаву, именно оружейную охоту. Оренбургскій край, преизобилуя всѣхъ родовъ дичью, доставлялъ чрезъ сію охоту и для здоровья весьма полезное занятіе, и для моего лакомства изобильное удовлетвореніе. Могу по совѣсти похвалиться, что я въ 35-ти лѣтахъ моей жизни, можетъ быть, ни одного дня не прожилъ безъ дичины своего стрѣлянья, и что забава сія, послуживши къ поддержанію моего здоровья, доставляла мнѣ всегда немалое удовольствіе собственно само собою.

---

[1]) Т. е. подъ диктовку.

У насъ въ Россіи можно полагать только два рода охоты, т.-е. оружейная и псовая. Звѣроловство и рыболовство суть промыслы. Оружейная охота, т.-е. стрѣляніе дичи изъ ружей, противъ псовой или ловленія зайцевъ собаками, имѣетъ великія преимущества. Оружейный охотникъ, не могучи въ семъ дѣлѣ иначе дѣйствовать, какъ непосредственно, самъ ежели искусенъ въ стрѣльбѣ, имѣетъ право присвоивать себѣ нѣкоторый родъ искусства, доставляющаго, какъ и другія художества, своимъ производителямъ извѣстность, отличія. Псовый охотникъ въ своей ловитѣ самъ собою ничего не значитъ, ибо догнать и поймать зайца не отъ него собственно зависитъ; слѣдовательно, безъ личнаго искусства, какое право на извѣстность, еще больше на отличіе? Оружейная охота, по своему производству, есть самая простая, до того немного сложная и безубыточная, что ею можетъ пользоваться почти каждый гражданинъ. Псовая, напротивъ, сколько требуетъ приготовленій, разныхъ посторонніхъ пособій, столько издержекъ, что одни только богатые люди въ своихъ помѣстьяхъ могутъ ею, по Русскому обычаю, въ полномъ смыслѣ пользоваться. Стрѣлокъ, вздумавши позабавиться охотно, встаетъ тихо съ своей постели, на зарѣ, выходитъ изъ дома безъ шума, проходитъ жительство, никого не обезпокоивая, ищетъ добычи, или легонько насвистывая, или тихо напѣвая пѣсенку; ходитъ по полямъ, лугамъ и лѣсамъ, не только не причиняя земледѣльческимъ нивамъ поврежденія, ниже дѣлая въ полевыхъ работахъ малѣйшую помѣху. Псовники, въ назначенный день для выѣзда на охоту, съ полуночи наполняютъ весь домъ шумомъ: клики людей, ржаніе коней, лай и вой собакъ, заставляя деревенскихъ отвѣтствовать тѣмъ же, разбужаютъ все живущее въ селеніи и, вынуждая къ тому же рыканіе испуганныхъ коровъ, блеяніе овецъ, визгъ свиней, плачъ дѣтей, вопли бабъ, составляютъ такой адской концертъ, который всѣхъ воробьевъ полусонныхъ выгоняетъ изъ гнѣздъ. При таковомъ всеобщемъ смятеніи охотники проѣзжаютъ деревню, гдѣ первая гоньба начинается за дворными собаками и терзаніемъ несчастныхъ овецъ и свиней, попадающихся на улицахъ. Что производится на мѣстахъ самыя охоты? Какой подымается тамъ крикъ, свистъ, хлопанье арапникомъ, ревѣніе роговъ! Какъ сей гамъ въ окрестности нѣсколькихъ верстъ наводитъ всему дышущему всеобщій трепетъ! Какая причиняется пагуба осеннимъ посѣвамъ и вешнимъ всходамъ! Какъ вытаптываются луга! Все сіе потребовало бы особеннаго описанія; и все сіе, конечно, каждый

псовникъ знаетъ, но не скажетъ. А что стоятъ бѣднымъ земледѣльцамъ, особенно короннымъ, отъѣзжія, что называются, дворянскія поля? Оружейный охотникъ, въ сотовариществѣ добрыхъ пріятелей (слуги въ ней, какъ товарищи, никогда не допущаются) весьма пріятно можетъ забавляться; ибо сія охота, при самомъ своемъ производствѣ, не отнимаетъ возможности бесѣдовать даже объ важныхъ дѣлахъ; но онъ ничуть не имѣетъ непремѣнной надобности въ товарищахъ: поелику, дѣйствуя самъ собою, онъ всегда достаточенъ одинъ для своего дѣла. Псовый, напротивъ, одинъ и самъ собою почти ничего не можетъ сдѣлать. Товарищество ему необходимо, изъ котораго для труднѣйшихъ производствъ обыкновенно назначаются слуги. Бѣднѣйшій господинъ долженъ для охоты имѣть ихъ при себѣ не меньше трехъ, богатые держатъ десятки и сотни. Всѣ они, какъ охотники, не только участвуютъ въ самой забавѣ, но и при сужденіи и разговорахъ о травлѣ. Тутъ-то наблюдатель имѣетъ случай полюбоваться, глядя, какъ барская глупая надменность и жестокость якшаются съ холопьимъ подлымъ невѣжествомъ. Оружейная забава, по собственному своему производству будучи временна, по простотѣ своей не требуя излишнихъ заботъ, не отнимаетъ у благонамѣреннаго охотника ни времени, ни способовъ заниматься другими полезнѣйшими дѣлами, даже ученіемъ.—Псовая, продолжаясь цѣлые дни, недѣли, у многихъ мѣсяцы, по многосложности своей требующая много заботливости, по производству своему пріучающая къ праздности и пустословію, отвлекаетъ молодыхъ барчатъ отъ полезныхъ дѣлъ, поселяетъ въ нихъ вкусъ къ молодечеству, т.-е. къ буйству, наклоняетъ почти всѣхъ къ безженству; словомъ, дѣлаетъ ихъ совершенными негодяями, вредными себѣ, пагубными ихъ рабамъ, несносными даже знакомцамъ, если они не псовники. Оружейный охотникъ—ежели, какъ выше сказано, занимается другими полезными дѣлами, особенно ученіемъ, можетъ быть добрымъ мужемъ, нѣжнымъ отцомъ, вѣрнымъ другомъ, пріятнымъ собесѣдникомъ; словомъ, полезнымъ членомъ общества. Псовый, по сказанному же выше чуждаясь всего дальняго, ученія же бѣгая какъ опаснѣйшаго непріятеля своему пристрастію, никогда не можетъ быть добрымъ мужемъ, нѣжнымъ отцомъ: ибо сіи должности сами собою требуютъ важнаго занятія. Бесѣдовать же гг. псовники, кромѣ о своихъ собакахъ, ни о чемъ начисто не умѣютъ. Сколько разъ я бывалъ свидѣтелемъ, какъ иной, прилучившись въ порядочной компаніи, просиживалъ цѣ-

лые дни, не вымолвя ни одного слова. Оружейный охотникъ, дѣйствуя самъ собою, не имѣетъ причины за какія-либо неудачи или ошибки на кого другого сердиться, еще меньше взыскивать. Псовый же, ежели не гонятъ собаки, бранитъ псарей; ежели проглядятъ зайца, бѣсится на охотниковъ; ежели не лѣзетъ на него добыча, винитъ всѣхъ, и часто на мѣстѣ же несчастные получаютъ награжденія арапниками. Стрѣлокъ всей опасности подверженъ отъ одного ружья; но ежели онъ искусенъ въ выборѣ оныхъ, знающъ и осмотрителенъ при зарядахъ, то ему совершенно нечего бояться. Псовникъ, ѣздя всегда верхомъ, подверженъ непрестанной опасности и за самую лошадь, и еще болѣе по причинѣ рытвинъ, ямъ, водомоинъ, сурчинъ, пней, колодъ и пр., которыхъ онъ видѣть и уклоняться не всегда можетъ. Изо ста стрѣлковъ, можетъ быть, два-три были подвержены, въ ихъ жизнь, опасности: но изо ста псовниковъ вѣрно девяносто пять были не одинъ разъ на два перста отъ смерти. Заключу доказательнѣйшимъ: стрѣлокъ все легко получаетъ отъ ружья; но псовый охотникъ къ тому, что пріобрѣтается ружьемъ, и примѣриться не смѣетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Эпоха имп. Александра I и Николая I.

Глава I. Высшее петербургское общество.

I[1]).

Петербургъ 1820-хъ годовъ и въ матеріальномъ, и въ нематеріальномъ отношеніи былъ мало похожъ на теперешнюю столицу. Я не буду исчислять всѣхъ этихъ различій. Главныя состояли въ томъ, что многія великолѣпныя зданія, какъ Исаакіевскій соборъ, Главный Штабъ, великокняжескіе дворцы, или не существовали, или только начинали строиться. Это давало городу видъ чего-то недоконченнаго[2]). При томъ наружность улицъ и площадей утомляла однообразіемъ; очень немного было утвержденныхъ плановъ и фасадовъ, по которымъ позволялось возводить новыя постройки; тѣ же ограниченія существовали и для ихъ окраски; почти исключительно принятъ былъ блѣдно-желтый цвѣтъ для самыхъ корпусовъ, съ бѣлымъ для фронтоновъ колоннъ, пиластровъ и фрезъ. Поэтому цѣлыя, даже главныя улицы имѣли какой-то казарменный видъ; вмѣсто теперяшняго бульвара, Адмиралтейство было окружено каналомъ; посрединѣ Невскаго проспекта, отъ Ка-

---

[1]) Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго «Рус. Стр. 1874 г. XI».

[2]) Пріѣзжавшій съ повинною, по случаю умерщвленія въ Тегеранѣ Грибоѣдова, сынъ наслѣдника персидскаго престола Хозревъ-Мириза, говорилъ, что Петербургъ будетъ прекрасный городъ, когда совсѣмъ «обстроится».

О. П.

занскаго до Аничковскаго моста, шелъ бульваръ для пѣшеходовъ, обсаженный тощими липами, которыя не могли достигнуть своего роста отъ безпрестаннаго сотрясенія грунта проѣзжающими экипажами. Михайловскаго дворца, площади, садика и улицы того же названія, не было; это былъ пустырь, на которомъ сваливали со всей этой части города мусоръ и всякій соръ. Населенія было на половину менѣе теперяшняго. Общее настроеніе было не веселое: тогда были послѣдніе годы царствованія Александра I, ознаменованные затишьемъ у царскаго двора и частыми продолжительными отлучками государя на европейскіе конгрессы. Посреди мертвящаго формализма всеобщей дисциплины, распространяемой желѣзной ферулой Аракчеева, въ обществѣ было тревожное ожиданіе чего-то неопредѣленнаго; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе кризиса. Это было броженіе тѣхъ стихій замышляемаго переворота, которыя войска наши принесли съ собою изъ Франціи, которыя созрѣвали въ сборищахъ тайныхъ обществъ и должны были разразиться 14-го декабря. Безсознательно-тревожное предчувствіе общества, это была та тѣнь, которую, по англійской поговоркѣ, «грядущія событія бросаютъ передъ собою».

Я не успѣлъ побывать ни въ одной петербургской франмасонской ложѣ, какъ вдругъ 1-го августа 1822 г. вышелъ высочайшій указъ, закрывшій всѣ ложи въ имперіи и строго запретившій всѣ тайныя общества. До того я познакомился со многими вліятельными личностями ордена, и онѣ обѣщали мнѣ дѣятельную помощь въ моемъ дѣлѣ, къ которой, впрочемъ, я, какъ оказалось, не имѣлъ надобности прибѣгать.

Я упомянулъ уже, что масонство практиковалось въ Петербургѣ съ особенною ревностью. И, дѣйствительно, почти все образованное населеніе, всѣ не престарѣлыя лица высшаго и средняго обществъ принадлежали къ ложамъ, которыхъ въ столицѣ было нѣсколько. Всѣ твердо вѣрили проповѣдываемымъ и въ рѣчахъ и въ масонской символикѣ возвышеннымъ стремленіямъ ордена къ нравственному усовершенствованію человѣчества, къ преобразованію его на основахъ братской любви и справедливости. Впрочемъ, такое общее расположеніе къ терпимому тайному обществу и въ Петербургѣ, и въ другихъ городахъ Россіи было вполнѣ понятно; оно не могло не быть привлекательнымъ въ тогдашней душной атмосферѣ аракчеевскаго времени. Ложи были какъ бы нейтральныя территоріи, какъ бы оазисы среди всеобщаго оффиціальнаго застоя. Въ нихъ всякій могъ быть самимъ собою, могъ дышать и высказываться сво-

бодно; въ ихъ стѣнахъ сглаживались такъ рѣзко выдающіяся и такъ строго соблюдаемыя во внѣшней жизни іерархическія служебныя и сословныя различія. Нерѣдко плебей возсѣдалъ въ ложѣ выше свѣтлѣйшаго князя; сенатскій оберъ-секретарь или только секретарь имѣлъ своимъ подчиненнымъ сенатора своего же департамента. Въ то время, когда я прибылъ въ Петербургъ, незнатнаго рода художникъ, портретный живописецъ Олешкевичъ, былъ, послѣ сенатора графа Адама Ржевускаго, начальникомъ польской ложи и, по своей учености, высокой степени, занимаемой въ орденѣ, а не менѣе того и по прекраснымъ качествамъ души, пользовался во всѣхъ ложахъ необыкновеннымъ почетомъ и имѣлъ много интимныхъ друзей между лицами очень высоко поставленными [1]).

Такая горячая привязанность къ масонству имѣла, однако-жъ, въ извѣстномъ отношеніи, неодобрительное вліяніе. Безусловно и буквально понимая обязанность взаимной помощи между собою, масоны перенесли эту обязанность въ область и общественныхъ, и служебныхъ, и дѣловыхъ отношеній. Фамусовское правило, «какъ не порадѣть родному человѣчку», получило обширное примѣненіе къ братскому союзу между членами ордена. Когда въ служебномъ кругѣ дѣйствія выборъ на предстоящее мѣсто зависѣлъ отъ масона, а одинъ изъ кандидатовъ былъ масонъ, то, несмотря ни на какія обстоятельства, обусловливавшія выборъ, таковой падалъ всегда на брата. То же самое практиковалось и въ тяжбахъ и во всякихъ спорныхъ дѣлахъ. У судьи-масона всегда выигрывалъ масонъ, если противникъ не принадлежалъ къ ордену, и безпристрастныя рѣшенія возможны были только въ случаяхъ, когда обѣ стороны были или профаны, или б р а т ь я.

Меня ни мало не удивило закрытіе ложъ, напротивъ, я не понималъ, какъ масонскія сборища и пропаганда могли быть

---

[1]) Польская ложа въ Петербургѣ называлась ложею «Бѣлаго Орла»; всѣ ея члены носили въ собраніяхъ знакъ, состоящій изъ маленькаго серебрянаго орла на голубой лентѣ. Это дало поводъ къ слѣдующему qui-pro-quo. Въ 1860-хъ годахъ, когда всѣ западныя губерніи, управляемыя Н. М. Муравьевымъ, были подъ слѣдствіемъ по случаю мятежа, въ одномъ изъ производимыхъ почти повсюду обысковъ, въ деревнѣ, въ домѣ помѣщика Слонимскаго уѣзда, Петра Орды найденъ маленькій Бѣлый Орелъ на полинявшей голубой лентѣ. Онъ былъ принятъ за эмблему мятежа. Орда былъ тогда въ Петербургѣ; его оттуда вытребовали. Ему не малаго труда стоило доказать, что это былъ знакъ масонской ложи, къ которой онъ нѣкогда принадлежалъ.

О. П.

такъ долго терпимы въ чисто-монархическомъ государствѣ и въ особенности при тогдашнемъ режимѣ. Это объясняется развѣ только тѣмъ, что самъ императоръ Александръ I принадлежалъ нѣкогда къ ордену, въ который онъ, будучи еще великимъ княземъ, былъ вовлеченъ однимъ изъ своихъ воспитателей, *Беберомъ*. Но петербургскихъ масоновъ распоряженіе правительства поразило какъ громомъ. Они не могли привыкнуть къ мысли, что общество ихъ рушилось, что братскія «аганы» прекратились безвозвратно. Однако-жъ, сколько я знаю, не было никакихъ попытокъ возобновлять ихъ втайнѣ и въ прежнемъ значеніи. Естественно было, что масоны собирались преимущественно между собою для бесѣдованія и сѣтованія о прошедшемъ; но кружки эти не имѣли ни характера, ни обстановки тайнаго сборища. Только прежняя солидарность между членами сохранилась, и бывшіе масоны продолжали всячески покровительствовать бывшимъ собратамъ. Здѣсь, въ интересѣ исторической истины, я долженъ записать фактъ, что, сколько мнѣ извѣстно, заговорщики, которымъ присвоено названіе «декабристовъ», не имѣли ничего общаго и даже никакихъ сношеній съ масонами, ни въ прежнемъ составѣ ложъ, ни по закрытіи ихъ. По крайней мѣрѣ, для петербургскихъ масоновъ декабрская катастрофа была такъ же неожиданна, какъ и для всего русскаго общества.

Кромѣ своего мистическаго значенія, масонство составляло едва-ли не единственную стихію движенія въ прозябательной жизни того времени; едва-ли не единственный центръ сближенія между личностями, даже одинаковаго общественнаго положенія. Внѣ этого круга, общительность, какъ ее видимъ въ европейскихъ городахъ, въ Петербургѣ не существовала; всѣ какъ-то чуждались другъ друга, да и не было такихъ центровъ, гдѣ можно было бы свести хотя случайныя знакомства. Не было никакихъ публичныхъ увеселеній на открытомъ воздухѣ, кромѣ, какъ я упомянулъ, одинъ разъ въ недѣлю, гулянья на Крестовскомъ островѣ, но на немъ преобладалъ нѣмецкій ремесленный элементъ, и нельзя было увидѣть ни одной порядочной дамы и ни одного мужчины изъ хорошаго общества. Все это общество проводило лѣто въ окрестностяхъ, на дачахъ. Самая модная мѣстность для лѣтняго пребыванія была Нарвская дорога, сплошь, до самой Стрѣльны и Петергофа, застроенная барскими виллами съ большими парками и садами. Дорога эта была первою въ Россіи—макадамово шоссе, построенное въ 1822 году моимъ хорошимъ знакомымъ, полковникомъ корпуса

инженеромъ путей сообщенія, домомъ Алонзо-де-Вядо и Кастро и Гузманъ и Аббенда и т. д. [1]).

Въ зимнее время давались въ домѣ Энгельгардта маскарады. Эти собранія не имѣли ничего похожаго на рауты этого рода въ другихъ европейскихъ городахъ, оживляемые характеристическими кадрилями, эксцентрическими костюмами, масками, интригующими не какія-нибудь личности, а всю публику сатирическими выходками, мѣткими намеками, ворожбою, и т. п. Несмотря на веселые мотивы, наигрываемые оркестромъ, маскарады Энгельгардтова дома, всегда безъ танцевъ, имѣли видъ похороннаго шествія и утомляли мундирнымъ однообразіемъ костымовъ, монаховъ или пилигриммовъ, маркизовъ и пьерро. Несмотря на такой маланхолическій характеръ этихъ собраній, онѣ почти постоянно, около 3-хъ часовъ ночи, увѣнчивались безобразнымъ пьянствомъ въ буфетѣ, а иногда и дракою.

Въ описываемое время Петербургъ, во многихъ отношеніяхъ, сравнительно съ другими европейскими столицами, былъ городъ отсталый. Въ жизни и обстановкѣ высшихъ классовъ видна была роскошь и даже расточительность, но въ массѣ городского населенія замѣчалось непониманіе условій разумнаго комфорта и удобствъ жизни; городское же начальство не давало съ своей стороны ничего для доставленія ихъ жителямъ. Во всемъ огромномъ городѣ было только два публичныхъ сада, гдѣ лѣтомъ можно было подышать воздухомъ, а не пылью, и пріютиться въ тѣни деревъ. Это были такъ называемый Лѣтній и Юсуповскій, на большой Садовой; я не считаю Таврическаго сада, находящагося почти за городомъ. Мостовая была еще хуже теперешней, а для сообщенія съ окрестностями уже по моемъ пріѣздѣ, какъ сказано, построено было макадамово шоссе. Публичныхъ экипажей или омнибусовъ не было ни одного; наемныя кареты были въ маломъ числѣ и до крайности неисправныя и грязныя. Самый обыкновенный локомотивъ составляли не крытыя дрожки, прозванныя *гитарами*, на которыя надо было садиться верхомъ, какъ на лошадь, и гдѣ возница сидѣлъ у васъ почти на колѣняхъ. Зато высшій и средній классы щеголяли экипажами и лошадьми. Только доктора, купцы и мелкая буржуазія ѣздили на парѣ,—все, что было аристократія или претендовало на аристократію, ѣздило въ каретахъ и

[1]) У него было девять или десять и. Онъ мнѣ показывалъ свой дворянскій дипломъ на пяти листахъ пергамента, подписанный самимъ королемъ (La et Rey); изъ диплома явствовало, что мой де Вядо происходитъ въ прямой линіи отъ Аррагонскихъ королей.

колясках четвернею, цугомъ, съ форейторомъ. Для хорошаго тона, или, какъ теперь говорятъ, для *шика*, требовалось, чтобы форейторъ былъ, сколь можно, маленькій мальчикъ, притомъ, чтобы обладалъ одною, насколько можно, высокою нотою голоса, даже выше грудного ut покойнаго Рубини. Ноту эту, со звукомъ и!..... означающимъ сокращенное «поди», онъ долженъ былъ издавать безъ умолку и тянуть какъ можно долѣе, напримѣръ отъ Адмиралтейства до Казанскаго моста. Между мальчиками-форейторами завязалось благородное соревнованіе, кто кого перекричитъ, и когда вы шли по Невскому проспекту, то у васъ въ ушахъ постоянно пищало это нескончаемое «и....!» Въ двойныхъ дрожкахъ и саняхъ съ дышломъ никто не ѣздилъ, кромѣ докторовъ, «людей науки». Люди же не-науки, особенно львы и псевдо-львы, мчались во всю прыть въ экипажахъ съ оглоблями и со скачущими по обѣ стороны, почти подъ прямымъ угломъ отъ коренной, отвороченными пристяжными. Модель для такой упряжи, вѣроятно, взята была съ картинъ, изображающихъ Феба, какъ онъ совершалъ въ колесницѣ свой дневной путь по Зодіаку. Но если бы тогда существовало общество покровительства животныхъ, то оно непремѣнно запротестовало бы противъ такого истязанія несчастныхъ пристяжныхъ.

Кулинарная часть въ публичныхъ заведеніяхъ пребывала въ какомъ-то первобытномъ состояніи, на очень низкой степени. Холостому человѣку, не имѣвшему своей кухни, почти невозможно было обѣдать въ русскихъ трактирахъ. Притомъ же заведенія эти закрывались вечеромъ довольно рано. По выходѣ изъ театра, можно было поужинать только въ одномъ ресторанѣ, гдѣ-то на Невскомъ проспектѣ, подъ землею; его содержалъ Доминикъ, кажется, дѣдъ бывшаго впослѣдствіи содержателя ресторана подъ этою-жъ фирмою. Тамъ подавали вамъ нѣчто мясное, подъ названіемъ б и ф с т е к а; это былъ псевдонимъ, но, при хорошемъ аппетитѣ, сносный. Теперь главныя улицы города и даже Васильевскаго острова густо заселены французскими куаферами; ихъ почти такъ много, какъ кабаковъ. Я же, пріѣхавши въ 1822 г., засталъ только одного, Геліо (Heliot); впослѣдствіи пріѣхалъ еще Андріе (Andrieux). Чрезъ руки этихъ а р т и с т о в ъ проходили головы всѣхъ мужчинъ, которые хотѣли быть хорошо обстриженными, и всѣхъ дамъ, которыя хотѣли имѣть хорошую прическу. Артисты брали дорого: за стрижку 5 руб., за дамскую куафюру 15 руб. ассигн.; оба нажили большія состоянія.

Въ первое время моего пребыванія замѣтно было въ сѣверной столицѣ отсутствіе духа ассоціаціи. Только чрезъ три или четыре года послѣ моего пріѣзда стали завязываться компаніи на акціяхъ. Первыми изъ такихъ были общества: Страховое отъ огня и Дилижансовъ для сообщенія между столицами. Все пароходство было въ рукахъ у одного лица, шотландца Берда (Baird). Онъ первый завелъ пароходы и получилъ на нихъ исключительную десятилѣтнюю привиллегію. Бердъ возилъ пассажировъ въ Кронштадтъ и оттуда; но, главное, завелъ много транспортныхъ судовъ, которыми на буксирѣ перевозилъ изъ Кронштадта въ Петербургъ приходящіе изъ-за границы, а въ Кронштадтъ—изъ Петербурга отпускаемые за границу товары. А какъ парусныя суда не могли выдерживать конкурренціи съ пароходами, то вся каботажная навигація и по привозной, и по отпускной торговлѣ производилась почти исключительно Бердомъ, и вышло, что одна монополія повлекла за собой другую. Богатые купцы и капиталисты, по-славянски «заднимъ умомъ крѣпкіе», съ грустью и позднимъ раскаяніемъ смотрѣли, какъ иностранный промышленникъ наживалъ милліоны, которые по праву принадлежали бы имъ, если бы у нихъ не было недостатка иниціативы и разумной предпріимчивости.

Бердъ дѣйствительно сдѣлалъ себѣ огромное состояніе; но, пользуясь своею привиллегіею, онъ подумывалъ и о будущемъ, когда истечетъ срокъ монополіи. На купленномъ имъ у взморья участкѣ земли онъ устроилъ громадный чугунно-литейный заводъ, на которомъ и до сихъ поръ производятся важнѣйшія работы. Въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ имѣлъ рабочихъ безплатно, съ обязанностью только кормить ихъ. При существованіи крѣпостного права, у помѣщиковъ, живущихъ въ городѣ, было принято провинившихся и дурного поведенія людей изъ прислуги отдавать на заводъ Берда въ видѣ наказанія. Только немногіе помѣщики получали за нихъ небольшую плату. Такимъ образомъ на заводѣ бывало всегда около ста такихъ каторжниковъ.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, былъ только одинъ русскій театръ, гдѣ игрались всякія пьесы. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александринскій театръ, при мнѣ уже выстроили деревянный, но чрезъ годъ, или еще прежде, онъ сгорѣлъ. Я засталъ еще на русской сценѣ двѣ знаменитости: Самойлова и Семенову старшую. Это были двѣ по истинѣ геніальныя личности, которыя повсюду и во всѣ времена были бы признаны такими. Нельзя, однако-жъ, не пожалѣть, что такая жен-

щина, какъ Семенова, для своего полета не имѣла довольно простора. Она принуждена была затѣснять его въ рамки риѳмованныхъ трагедій, произведеній господствовавшаго тогда строгаго классицизма, такого жанра, который имѣетъ нелѣпую претензію предписывать генію законы и регулировать вдохновеніе.

Я не могу признать знаменитостью Истомину, хотя и воспѣтую Пушкинымъ. Она танцовала прекрасно, въ ней было много силы, даже болѣе чѣмъ граціи; ее можно было отнести къ тому разряду балеринъ, во главѣ которыхъ стала впослѣдствіи Фанни Эльслеръ. Но и тогда, когда я еще не видалъ ничего лучшаго, Истомина не осуществляла моего идеала. Въ исходѣ 1830-хъ годовъ явилась въ Петербургъ Таліони. Она не отличалась особенною силою; ея прыжки и пируэты не достигали, быть можетъ, высоты и быстроты другихъ первостепенныхъ балеринъ, но впервые мы увидѣли танецъ, оживленный душею. Это уже не была кукла Олимпія, это была Галатея, вызванная къ жизни страстью Пигмаліона. Ее не вдругъ оцѣнили: судя по ея европейской славѣ, петербургская публика ожидала чего-то необыкновеннаго въ хореографическомъ отношеніи. Но мало по малу, какъ бы безсознательно, зрители стали увлекаться ея превосходствомъ. Многіе говорили: она танцуетъ не лучше, она не красивѣе и не граціознѣе другихъ, но въ ея танцѣ есть «un je ne sais quoi».... Вотъ это-то «je ne sais quoi» и была та душа, которую она первая своимъ геніемъ съумѣла воплотить въ свое ремесло и тѣмъ возвысила его на степень изящнаго искусства. Таліони имѣла много, болѣе или менѣе, счастливыхъ подражательницъ изъ тѣхъ, которыя, не останавливаясь на хореографическихъ условіяхъ, поняли въ чемъ заключалось ея истинное достоинство. Но у ней было еще одно качество, исключительное и неподражаемое. Это цѣломудріе, дѣвственная стыдливость, облагораживающая и идеализирующая ея игру среди исполненія самыхъ разнообразныхъ требованій хореографическаго механизма и мимики. Качество это болѣе всего замѣчалось въ ея любимомъ, нарочно для нея сочиненномъ, балетѣ «Сильфида», гдѣ стыдливость являлась въ дивномъ сочетаніи съ выраженіемъ пламенной страсти влюбленной феи, а это придавало игрѣ Таліони невыразимую прелесть.

Въ русской оперѣ прима-донною была сестра трагической актрисы Семеновой, Нимфодора. Она имѣла маленькій симпатичный сопрано, да болѣе и не нужно было для тогдашняго репертуара, ограничивавшагося: «Красной шапочкой», «Зама-

рашкой» (такъ тогда называлась Сандриліона) Буальдіе, и подобными оперетками [1]).

Французскій театръ былъ, относительно не многимъ, ниже теперешняго. Особенно въ числѣ актрисъ были замѣчательные таланты; но репертуаръ былъ очень скуденъ; почти исключительно давались плохіе водевили (Скриба еще не было) и иногда мелодрамы.

Въ продолженіе моего дѣла, то-есть въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ, имѣя много свободнаго времени, я проводилъ каждый день по нѣсколько часовъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Извѣстно, что главныя основанія этого громаднаго книго хранилища составляли три библіотеки, которыя, во время еще бывшей Польши, собирали три, одинъ за другимъ слѣдовавшіе, епископа, графы Залускіе. Поэтому прежде всего петербургская библіотека есть богатѣйшая въ Европѣ сочиненіями богословскаго содержанія. Къ библіотекамъ Залускихъ присоединена была впослѣдствіи и Пулавская библіотека князей Чарторыйскихъ. Потомъ уже, начиная съ того времени, какъ Публичная библіотека поступила въ управленіе барона (нынѣ графа) М. А. Корфа, она стала быстро увеличиваться и новыми пріобрѣтеніями, и частными пожертвованіями, а также вслѣдствіе существовавшаго уже распоряженія о присылкѣ въ нее всѣхъ, печатаемыхъ въ Россіи, книгъ. Я хочу поговорить здѣсь о томъ, какъ я ее зналъ въ 1820-хъ годахъ, когда она состояла подъ начальствомъ президента Академіи Художествъ А. Н. Оленина. О тогдашнемъ ея состояніи, судя по теперешнему, нельзя себѣ составить даже приблизительнаго понятія. Надо начать съ того, что каталоговъ не было. Только вновь поступавшимъ русскимъ книгамъ велись списки, но не было систематическихъ списковъ книгамъ ни польскимъ, ни латинскимъ, ни на другихъ языкахъ; нѣкоторыхъ старыхъ каталоговъ имѣлись только отрывки. Для полученія желаемой книги вы записывали ее на-авось, и также на-авось искалъ ее въ этомъ хаосѣ дежурный библіотекарь. Если вы вообще были счастливы въ азартныхъ играхъ, то дня чрезъ три-четыре получали желаемую книгу, не то библіотекарь предлагалъ вамъ другую изъ того же отдѣла литературы или наукъ, найденную имъ вмѣсто требуемой. Я желалъ прежде всего пройти,

---

[1]) Обѣ сестры Семеновы сдѣлали блистательныя карьеры: старшая вышла замужъ за князя Гагарина, младшая—за г. Лестреленъ.

по возможности, всю старую польскую литературу: историческую, законодательную и изящную. Она была полна, но тутъ встрѣтились большія затрудненія: не только не было каталога, но никто изъ библіотекарей не умѣлъ читать по-польски. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, одинъ изъ библіотекарей предложилъ мнѣ отправиться въ польскую залу и самому искать себѣ книгъ. Я обрадовался этому предложенію, потому что если и не нашелъ бы сразу искомой книги, зато попались бы мнѣ другія, неизвѣстныя и, быть можетъ, болѣе еще интересныя. Сначала, для наблюденія за мною, отряженъ былъ одинъ изъ сторожей; но вскорѣ я внушилъ настолько къ себѣ довѣрія, что одинъ уже расхаживалъ по заламъ. Тутъ, если бы у меня былъ пихлеровскій талантъ, я могъ бы составить себѣ порядочную библіотеку старыхъ польскихъ книгъ, тѣмъ удобнѣе, что онѣ нигдѣ не были записаны, и тѣмъ для совѣсти легче, что никто ими не интересовался.

Частью прочитавъ, частью же пересмотрѣвъ все болѣе замѣчательное въ старо-польской письменности, я обратился къ любимому моему предмету: «Occulta». Они были отнесены къ богословскому отдѣлу, который находился въ большемъ, чѣмъ другія части, порядкѣ. И тутъ также мнѣ было предоставлено самому искать книгъ. Я болѣе года безпрерывно занимался тайными науками, прочиталъ почти все, что было въ библіотекѣ, начиная съ пиѳагорейскихъ традицій до Корнелія Агриппы, съ «Turba philosophorum» до «Hermippus redivivus» и до сочиненій Габалиса. Впрочемъ, я преслѣдовалъ одну, давно задуманную задачу и неутомимымъ трудомъ достигъ, наконецъ, ея рѣшенія. Событіе это имѣло громадное вліяніе на будущность моего внутренняго человѣка. Все, что я объ этомъ могу сказать, это: что и изысканія мои и ихъ результатъ не имѣли ничего общаго съ герметическою философіею.

Въ числѣ библіотекарей были, кажется, и почетные; они являлись въ неопредѣленное время, но было четверо штатныхъ, дежурившихъ поочередно, съ которыми я постоянно имѣлъ дѣло. Это были: извѣстный баснописецъ Крыловъ, извѣстный авторъ грамматики Востоковъ, англичанинъ Аткинсонъ, кажется чей-то гувернеръ, и докторъ медицины Фріофъ, шведъ. Процедура съ книгами была слѣдующая: уходя, вы отдавали недочитанную книгу дежурному; онъ ее запиралъ въ шкафъ, а на другой день другой уже дежурный выдавалъ ее по указанному нумеру. Съ 1824 года, поступивши на службу, я приходилъ уже только въ послѣобѣденное время. Крыловъ былъ

уже старъ, тученъ и тяжелъ на подъемъ. Я всякій разъ заставалъ его покоившимся глубокимъ сномъ на диванѣ. Нужно было ждать, пока сторожъ его разбудитъ; онъ вставалъ ворча, долго отыскивалъ книгу и вручалъ ее не совсѣмъ любезно. Востоковъ такъ страшно заикался, что когда хотѣлъ что-нибудь вамъ объяснить, то долго нужно было ждать конца. Съ этимъ недостаткомъ онъ былъ жалокъ, но, заикаясь, выдѣлывалъ такія гримасы, что нужно было всей силы воли, чтобы удержаться отъ смѣха. Аткинсонъ былъ человѣкъ образованный и очень любезный, старенькій, маленькій, худенькій, вертлявый. Фріофъ, съ выраженіемъ въ лицѣ испуганной птицы, былъ очень комическая фигура. Онъ имѣлъ страсть разговаривать съ приходившими по-французски, а говорилъ презабавно. Однажды, подавая мнѣ книгу изъ «Occulta», не преминулъ онъ прочитать мнѣ мораль о вредности подобнаго чтенія: «Vous êtes un jeune homme (говорилъ онъ съ сильнымъ скандинавскимъ акцентомъ), et moi je suis un vieux médecin; croyez moi c'est de mauvaises nourîssons, (вѣроятно nourritures) pour l'esprit que vos livres, vous vous abimerez le système nerveux, et».... Это et, вѣроятно значило, что, по его прогностику, я съ ума сойду. Бѣдный Фріофъ! онъ во время моихъ посѣщеній библіотеки погибъ трагическою смертью. Шелъ въ должность и, переходя чрезъ Садовую, былъ опрокинутъ наѣхавшею каретою и убитъ на мѣстѣ.

Читателей въ Библіотекѣ было очень мало, что-то не болѣе трехъ. Эти трое были: священникъ Брассевичъ, настоятель сосѣдней Мальтійской католической капеллы; онъ читалъ фоліанты Бароніуса: «Жизнеописанія папъ»; купчикъ, отыскивавшій въ старыхъ газетахъ какого-то объявленія, и я. Купчикъ, нашелъ-ли или не нашелъ искомое, но пересталъ являться; Брассевичъ приходилъ не каждый день, такъ что чаще всего читалъ я одинъ. Нельзя было не посѣтовать внутренно на такое безучастіе общества къ сокровищамъ, такъ легко доступнымъ. Но не то-ли было въ то время и съ народнымъ образованіемъ? Сколько тогда было студентовъ въ университетѣ? Не завелась еще мода, чтобы изъ высшихъ сословій и изъ достаточныхъ классовъ отдавать сыновей въ университетъ, хотя и существовало уже постановленіе, требовавшее экзаменовъ для нѣкоторыхъ отраслей службы и для достиженія извѣстныхъ чиновъ. Только впослѣдствіи стали прибывать студенты на такіе курсы, которые до того имѣли слушателей немногимъ болѣе числа читавшихъ въ Публичной Библіотекѣ.

Я все это время много работалъ надъ изученіемъ русскаго языка, и, къ счастью, нашлось не мало книгъ на этомъ языкѣ, совпадавшихъ съ преобладающимъ у меня вкусомъ. Это было время, когда мистицизмъ въ Петербургѣ былъ въ своемъ апогеѣ. Почти всѣ сочиненія Эккартсгаузена, Шиллинга, Штиллинга, Сенъ-Мартена и др. были прекрасно переведены. Главнымъ дѣятелемъ былъ Лабзинъ, подписывавшійся У. М. (ученикъ мудрости). Книги эти были впослѣдствіи запрещены, кажется, по настоянію Магницкаго.

Вообще интеллектуальность въ Петербургѣ была въ застоѣ: выходили только оффиціальныя и полуоффиціальныя газеты; неоффиціальная ихъ часть состояла подъ строгою цензурой. Да выходили, сколько помнится, «Сѣверный Архивъ», издаваемый Гречемъ и Булгаринымъ, «Отечественныя Записки»—Свиньина, «Благонамѣренный»—Измайлова. Впослѣдствіи только Булгаринъ, ѣздившій за этимъ нарочно въ Грузино, выпросилъ у гр. Аракчеева позволеніе на свою «Сѣверную Пчелу», и, чтобы ни говорили, это изданіе имѣло для своего времени истинное достоинство; оно одно выполняло хотя нѣкоторыя условія самостоятельной (?), независимой (?) газеты. Литература наслаждалась пріятною дремотою; Крыловъ и Карамзинъ почивали уже на лаврахъ; монополія Парнасса оставалась безъ соперника за Жуковскимъ.

Были двѣ академіи: Россійская и Академія Наукъ. Въ обѣихъ царствовало невозмутимое затишье. Первая, по примѣру Французской Академіи, занималась составленіемъ «Словаря русскаго языка». О значеніи ея въ литературѣ можно имѣть понятіе изъ того, что самымъ дѣятельнѣйшимъ изъ ея членовъ былъ извѣстный гр. Д. И. Хвостовъ, безпрестанно производившій, печатавшій и самъ по книжнымъ лавкамъ скупавшій свои стихотворенія.

Предсѣдатель ея, адмиралъ А. С. Шишковъ, и съѣзжавшіеся у него члены исключительно занимались этимологическими (корнесловными) изслѣдованіями, имѣвшими цѣлью доказать, что всѣ языки происходятъ отъ славянскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ явное противорѣчіе главному положенію, они усиливались вкравшіяся въ языкъ иностранныя слова замѣнить чисто-русскими, въ родѣ шароката, мокроступовъ и тихоступовъ. Въ этихъ ученыхъ собраніяхъ извѣстныя шутки Костенецкаго: cabinet (какъ бы нѣтъ), domestique (домъ мести), Gupiter... и т. п. принимались за наличныя деньги. Академія Наукъ издавала на французскомъ языкѣ бюллетень (Bulletin

de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg), мало извѣстный въ европейскомъ ученомъ мірѣ.

Объ этой корпораціи, уже въ уваровское время, разсказывали слѣдующій анекдотъ. Предсѣдатель спросилъ разъ непремѣннаго секретаря, имѣются ли какія сообщенія отъ иностранныхъ членовъ-корреспондентовъ? Оказалось, что давно уже никто ничего не присылалъ. Графъ Уваровъ разсердился и приказалъ послать циркуляръ, напоминавшій такимъ членамъ ихъ обязанности съ предостереженіемъ, что тотъ, кто и затѣмъ не пришлетъ ничего изъ своихъ ученыхъ трудовъ, будетъ исключенъ изъ списковъ. Это было въ самый разгаръ карбонаризма и нѣмецкихъ тугендбундовъ. На циркуляръ никто изъ французскихъ и англійскихъ корреспондентовъ не отвѣчалъ; только одинъ нѣмецкій ученый прислалъ слѣдующій отзывъ: «какъ тайныя общества запрещены закономъ, и я далъ своему правительству обѣщаніе не участвовать ни въ какомъ изъ нихъ, ни въ Германіи, ни за границей, то я буду очень обязанъ Петербургской Академіи Наукъ, когда она исключитъ меня изъ числа своихъ членовъ».

Впослѣдствіи обѣ эти Академіи соединены въ одну, подъ названіемъ «Академіи Наукъ», раздѣленной на два отдѣленія.

II)[1].

Восьмого августа 1813 года, случилось въ Петербургѣ, у Симеоновскаго моста на Фонтанкѣ, происшествіе, надѣлавшее мнѣ впослѣдствіи много хлопотъ. Домъ Мижуева, понынѣ, кажется, существующій, былъ свидѣтелемъ моего рожденія и крещенія въ православную вѣру.

Скажу сперва нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ. Отецъ мой, графъ Александръ Ивановичъ Соллогубъ, происходилъ отъ знатнаго литовскаго рода, обладавшаго огромными помѣстьями въ Литвѣ и въ Польшѣ. Въ запискахъ принца де-Линя (de-Ligne) упоминается о пріѣздѣ ко двору императрицы Екатерины II трехъ польскихъ магнатовъ: Любомірскаго, Сапѣги и Соллогуба. Послѣдній, графъ Иванъ Антоновичъ, женился на дочери извѣстнаго Льва Александровича Нарышкина, фрейлинѣ Натальѣ Львовнѣ. Но бракъ ихъ, какъ кажется, не былъ счастливъ. При старости они жили врозь. Иванъ Антоновичъ скончался въ Дрезденѣ, гдѣ я не могъ отыскать его могилы.

---

[1]) Отрывки изъ воспоминаній графа В. А. Соллогуба С.-ПБ. 1887 г.

Наталья Львовна скончалась въ Петербургѣ и погребена въ Александро-Невской Лаврѣ. Отъ ихъ брака осталось трое дѣтей. Полковникъ графъ Левъ Ивановичъ, женившійся на княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Горчаковой, сестрѣ знаменитаго канцлера, и разворившійся отъ неудачныхъ спекуляцій; отецъ мой, графъ Александръ Ивановичъ, и дочь Наталья Ивановна, вышедшая за князя Григорія Сергѣевича Голицына, родоначальница цѣлаго поколѣнія Голицыныхъ. Отецъ мой женился на Софьѣ Ивановнѣ Архаровой, дочери московскаго военнаго губернатора Ивана Петровича Архарова, шефа полка своего имени. Иванъ Петровичъ былъ женатъ два раза; сперва—на Щепотьевой, отъ которой прижилъ двухъ дочерей: Марью, бывшую замужемъ за сенаторомъ Захаромъ Николаевичемъ Посниковымъ, и Варвару, вышедшую замужъ за Кокошкина, директора московскаго театра и классическаго переводчика Мольеровскаго «Мизантропа», впрочемъ, имъ весьма тяжело переведеннаго. И Посниковъ, и Кокошкинъ были большіе оригиналы. Я ихъ живо помню. Первый былъ тучный, плохо выбритый, съ отвислой губой, чиновникъ, кажется, изъ малороссіянъ, слылъ законникомъ и докой, но въ обращеніи былъ циникъ и грубоватъ, такъ что за обѣдомъ снималъ иногда съ головы накладку и въ видѣ шутки кидалъ ее на полъ. Жена его, Марья Ивановна, отличалась необыкновенно плоскимъ и широкимъ лицомъ, большою живостью и классическою начитанностью. Разговоръ свой она обыкновенно перемѣшивала цитатами изъ Корнеля, Расина и Вольтера. Жизнь свою она посвятила воспитанію и обожанію своего единственнаго сына, Ивана Захаровича, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Вани. Ваня былъ роста исполинскаго, а лицомъ и добросердіемъ похожъ на мать. Къ образованію его придумывались разныя диковинныя средства. Между прочимъ, въ большой залѣ ихъ московскаго, на Смоленскомъ рынкѣ, дома стоялъ театръ маріонетокъ, изображавшихъ для нагляднаго обученія важнѣйшія миѳологическія и историческія событія. Помню, что однажды, во время нашего проѣзда черезъ Москву, гдѣ мы всегда останавливались у тетки, состоялся великолѣпнѣйшій спектакль «Гибель Трои». Въ вечеръ представленія все началось благополучно. Видъ Трои, историческій конь, извергавшій воиновъ, безпощадное сраженіе—все приводило зрителей въ восторгъ; но, когда злополучный городъ долженствовалъ запылать со всѣхъ концовъ для завершенія сценическаго эффекта, никакого пожара не послѣдовало. Въ этотъ вечеръ Троя

не погибла. Оказалось, что мастеровой Зуровъ, соединявшій въ себѣ должности декоратора, машиниста и режиссера, имѣлъ еще спеціальность горькаго пьяницы и лежалъ безъ чувствъ, выпивъ до послѣдней капли приготовленный для пламени спиртъ. Вечеръ кончился безъ гомерической катастрофы. Это мнѣ служило указаніемъ, до какой степени доходитъ въ Россіи слабость къ крѣпкимъ напиткамъ. Отъ этой слабости не убережся впослѣдствіи и самъ Ваня. Впрочемъ, онъ пользовался и другими наставленіями. Къ нему даже былъ приставленъ молодой преподаватель, впослѣдствіи призванный къ широкой дѣятельности на полѣ русской журналистики, а именно Андрей Александровичъ Краевскій. Когда Ваня подросъ и принялъ видъ гигантскій, Посниковы переѣхали въ Петербургъ, и Ваня поступилъ въ университетъ. Въ Петербургѣ Краевскій ихъ оставилъ и началъ готовиться къ занятіямъ, составившимъ его карьеру. Бѣдный Ваня скоро остался одинъ. Отецъ и мать его скончались. Самъ онъ былъ подготовленъ къ жизни маріонетками и слѣпымъ обожаніемъ матери, не чающей въ немъ души. Бываютъ случаи, впрочемъ, рѣдкіе, что женщины, нрава твердаго и разсудка зрѣлаго, успѣваютъ справиться съ воспитаніемъ сыновей своихъ и подготовленіемъ ихъ къ жизненной борьбѣ. Но, большею частью, такіе опыты не удаются. Материнская нѣжность заурядъ увлекается снисходительностью, безсознательно потворствуетъ природнымъ порокамъ сынковъ и губитъ ихъ будущность, оставляя ихъ безъ защиты противъ искушеній. Бѣдный Иванъ Захаровичъ служилъ тому примѣромъ. Сложеніемъ—колоссъ, душою и голосомъ—ребенокъ, не то юродивый, не то человѣкъ образованный, безъ воли и цѣли печально надъ собою подшучивающій, ни къ чему не примкнувшій, ни къ чему не стремившійся, онъ стоялъ въ жизни какъ растерянный; нѣкоторое время состоялъ на службѣ въ Одессѣ, гдѣ прозябалъ робко, безъ самодостоинства, и служилъ, увы! потѣхою для одесскихъ богатыхъ кутилъ. Извѣстный графъ Самойловъ забавлялся имъ какъ шутомъ, хотя между ними было нѣкоторое сходство. Одинъ доходилъ до безобразія отъ избытка силы, другой отъ крайняго безсилія. Оба могли бы быть превосходными типами для романа. Подъ конецъ я имѣлъ случай пристыдить Посникова. Онъ образумился, пріобрѣлъ друзей истинныхъ, привлеченныхъ его безконечнымъ добродушіемъ. Онъ даже имѣлъ счастье найдти заботливую жену, радѣвшую сердечно о немъ, и сдѣлался хорошимъ акварелистомъ. Среда, цѣль, занятія, спокойствіе, самосознаніе

были найдены... Но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Болѣзнь скрутила могучую природу. Иванъ Захаровичъ умеръ въ Москвѣ. Миръ его праху. Добрый, тихій, даровитый и жалкій былъ онъ человѣкъ.

Отъ перваго брака дѣда моего, Ивана Петровича, родилась еще другая дочь, Варвара. По портретамъ видно, что она была красива собою. Она скончалась въ молодости, чуть ли не послѣ родовъ, оставивъ мужу своему Кокошкину единственную дочь Марью (впослѣдствіи Козлову). Ѳедора Ѳедоровича Кокошкина я отлично помню, такъ какъ фигура его отличалась необыкновенною оригинальностью. Онъ былъ малаго роста, въ рыжемъ парикѣ, съ большой головой и нарумяненными щеками. Носилъ онъ длинные чулки въ башмакахъ съ пряжками и атласную culotte courte чернаго, а никогда розоваго цвѣта. Онъ казался олицетвореніемъ важности, пафоса и самодовольствія. Переводъ «Мизантропа» предоставлялъ ему видное мѣсто въ русской драматической литературѣ, и ему-то онъ былъ обязанъ своимъ званіемъ директора императорскаго театра. Онъ, впрочемъ, заботился добросовѣстно своею должностью. Имъ поощрены были дебюты Мочалова, М. С. Щепкина и В. И. Живокини, которые всегда относились къ нему съ благодарностью. При немъ процвѣтала актриса Сандунова. Репертуаръ состоялъ преимущественно изъ пьесъ переводныхъ, трагедій Озерова, оперетокъ князя Шаховского и драмъ Полевого. Большія надежды возлагались на молодого Писарева, слишкомъ рано похищеннаго смертью.

Писаревъ ѣздилъ къ теткѣ Посниковой, большой охотницѣ до литературы. Онъ былъ человѣкъ ловкій и пріятной наружности. Я глядѣлъ на него съ благоговѣніемъ.

По величавости рѣчи и пріемовъ, Кокошкинъ напоминалъ Н. И. Гнѣдича, который, кажется, и думалъ гекзаметрами и относился ко всему съ вершины Геликона. Приведу къ слову случай довольно характеристическій. Когда Гнѣдичъ получилъ мѣсто библіотекаря при императорской публичной библіотекѣ, онъ переѣхалъ на казенную квартиру. Къ нему явился Гоголь поздравить съ новосельемъ.

— Ахъ, какая славная у васъ квартира,—воскликнулъ онъ со свойственной ему ужимкою.

— Да,—отвѣчалъ высокомѣрно Гнѣдичъ:—посмотри на стѣнахъ краска-то какая! Не простая краска! Чистый голубецъ!

Подивившись чудной краскѣ, Гоголь отправился къ Пушкину и разсказалъ ему о великолѣпіи голубца. Пушкинъ раз-

смѣялся своимъ дѣтскимъ, звонкимъ смѣхомъ, и съ того времени, когда хвалилъ какую-нибудь вещь, нерѣдко приговаривалъ:—«Да, эта вещь не простая, чистый голубецъ».

Вообще, наши писатели двадцатыхъ годовъ, большею частью, держали себя слишкомъ надменно, какъ священнослужители или сановники. И самъ Пушкинъ не былъ чуждъ этой слабости: не смѣшивался съ презрѣнною толпой, давая ей чувствовать, что онъ личность исключительная, сосудъ вдохновенія небеснаго.

По кончинѣ первой своей жены, Иванъ Петровичъ Архаровъ женился на Екатеринѣ Александровнѣ Римской-Корсаковой, дѣвушкѣ не молодой, не образованной, ускользнувшей отъ вліянія Екатерининскаго двора, но чрезвычайно замѣчательной по своему добросердечію, твердости характера и коренной русской типичности. Къ ней относятся преимущественно воспоминанія моего дѣтства. Отъ нея родились двѣ дочери: старшая Софья, вышедшая за графа А. И. Соллогуба, моя мать, и вторая—Александра, вышедшая за А. В. Васильчикова.

Иванъ Петровичъ занималъ, какъ выше сказано, важную должность въ царствованіе императора Павла I, но, тѣмъ не менѣе, впалъ въ немилость. Онъ былъ сосланъ на жительство въ Тулу, куда немедленно отправился со всѣмъ своимъ семействомъ. Любопытнымъ эпизодомъ этого событія было то, что вся Москва ихъ провожала за заставу. Благодарные горожане выражали смѣло свое сочувствіе, кто какъ могъ. Иной привезъ конфекты, другой пироги на трудную и дальнюю поѣздку. Одинъ молодой литераторъ привезъ даже цѣлую кипу учебныхъ книгъ для дѣтей. Этотъ литераторъ былъ Николай Михайловичъ Карамзинъ. Разсказы объ этихъ проводахъ я часто слышалъ въ семейномъ кругу, и къ нимъ всегда обращались охотно, какъ къ свидѣтельству о почетѣ и общественномъ уваженіи, которыми пользовались Архаровы въ первопрестольной столицѣ. Въ Тулѣ они оставались, впрочемъ, недолго. Какой-то непрошенный гость явился вдругъ къ бабушкѣ и объявилъ ей шопотомъ, что государь скончался. Бабушка тотчасъ приказала выгнать его вонъ и запереть ворота на запоръ. Но извѣстіе подтвердилось. Опала миновала, и Архаровы возвратились въ Москву. Тутъ возобновилась жизнь радушная, привѣтливая, полная широкой ласки и неугомоннаго хлѣбосольства. То не была жизнь магнатовъ-вельможъ Потемкиныхъ, Орловыхъ, Нарышкиныхъ, ослѣплявшая бле-

скомъ и давящая роскошью. По дошедшимъ до меня преданіямъ, это была жизнь просторная, русская, барски-помѣщичья, напоминавшая времена допетровскія. Столъ всѣмъ знакомымъ открытый безъ зова, милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ. Вечеромъ съѣздъ разъ навсегда. Молодежь танцуетъ или рѣзвится, старики играютъ въ карты. Такъ проходила зима. Лѣтомъ Архаровы переѣзжали въ подмосковную, Звенигородскаго уѣзда, село Иславское, куда съѣзжались сосѣди и москвичи погостить. Игры и смѣхи не прекращались. Я видѣлъ впослѣдствіи его пространные сады, развалины деревни, флигеля для пріѣзжавшихъ и самый помѣщичій домъ, сохранившій легендарное значеніе. Иславское наслѣдовалъ Иванъ Захаровичъ. Теперь оно перешло въ родъ Васильчиковыхъ. Отличительною чертою Екатерины Александровны была семейственность. Съ дочерьми своими она не разставалась до самой смерти. Отношенія свои къ родственникамъ, даже самымъ отдаленнымъ, она поддерживала какъ святыню и считала себя родственницею не только рода Римскихъ-Корсаковыхъ и Архаровыхъ, но и Щепотьевыхъ, потому что Иванъ Петровичъ сперва женатъ былъ на Щепотьевой, а что Иванъ Петровичъ, что она— не все ли это было равно. Между тѣмъ, дочери отъ второго брака подрастали. Первой вышла замужъ Софья Ивановна.

Отецъ мой принадлежалъ не къ стихіи старо-московской, такъ сказать, Архаровской, а къ стихіи ново-петербургской, такъ сказать, Нарышкинской. Внукъ извѣстнаго царедворца Льва Александровича, считавшагося въ родствѣ съ императорскимъ домомъ по Натальѣ Кирилловнѣ, родительницѣ Петра Великаго, племянникъ еще болѣе извѣстнаго остряка Александра Львовича и Дмитрія Львовича, мужа знаменитой красавицы Марьи Антоновны,—отецъ мой, хотя крещенный въ католическомъ вѣроисповѣданіи и говорившій немного по-польски, вскорѣ совершенно обрусѣлъ. На воспитаніе онъ былъ отданъ въ пансіонъ аббата Николя, основанный іезуитами, очевидно, для католической пропаганды въ средѣ петербургской аристократической молодежи. Само собой разумѣется, что о русскомъ элементѣ тутъ и рѣчи не было, такъ что бѣдный отецъ мой отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ. Чуждый надеждамъ, скорбямъ, недостаткамъ и доблестямъ новой своей родины, не связанный ни съ почвою, ни съ преданіями, создающими гражданство, онъ невольно увлекся жизнью поверхностною, свѣтскою, безцѣльною. Онъ съ молодыхъ лѣтъ славился необыкновеннымъ, образцовымъ щеголь-

ствомъ, какъ Бруммель въ Лондонѣ, пѣлъ пріятно въ салонахъ и такъ превосходно танцовалъ мазурку, что зрители сбѣгались имъ любоваться. Между тѣмъ онъ далеко не былъ пустымъ человѣкомъ; онъ родился, чтобъ быть меценатомъ, а не труженикомъ. Тому способствовали и близость къ Нарышкинымъ, и соллогубовское богатство. Я слышалъ, что у дѣда моего было до 80.000 душъ. На сколько это справедливо,—не знаю. Чванства въ отцѣ моемъ не проявлялось никакого. Онъ былъ со всѣми обходителенъ и простъ, веселъ и любезенъ, щедръ и благотворителенъ, добрый товарищъ, пріятный собесѣдникъ, отличный разсказчикъ, всегда готовый на доброе дѣло и рѣзкій, остроумный отвѣтъ. Такъ, напримѣръ, прогуливаясь однажды въ Лѣтнемъ саду съ своей племянницей, дѣвушкой красоты поразительной, онъ повстрѣчался съ однимъ знакомымъ, весьма самоувѣреннымъ и необыкновенно глупымъ.

— Скажи, пожалуйста,—воскликнулъ этотъ знакомый:—какъ это случилось? Ты никогда красавцемъ не былъ, а дочь у тебя какая красавица!

— Это бываетъ, — отвѣчалъ немедленно отецъ. — Попробуй-ка, женись! У тебя,можетъ быть, будутъ очень умныя дѣти.

Любопытствующій остался очень доволенъ отвѣтомъ и продолжалъ путь, охорашиваясь.

Серьезными качествами отца моего были: глубокая религіозность, такъ что до смерти своей онъ проводилъ часть утра въ душеспасительныхъ чтеніяхъ, и неистощимое добросердіе, всегда готовое помочь ближнему. Онъ находился въ Москвѣ во время вторженія французовъ. Домъ его сгорѣлъ. Онъ лишился богатой движимости, утвари, цѣнной библіотеки. Въ карманѣ у него осталось только двѣсти рублей съ небольшимъ; но, встрѣтивъ пріятеля, бѣдствующаго безъ копѣйки, онъ тотчасъ отдалъ ему половину своихъ денегъ. Но главное его достоинство, достоинство, образующее вѣнецъ христіанской добродѣтели, было смиреніе, для него тяжелое и долго ему непривычное. Баловень роскоши и свѣтскихъ успѣховъ, онъ вдругъ понялъ, что своимъ образомъ жизни доведетъ насъ до совершенной нищеты. Тогда онъ вдругъ образумился, отказался отъ своего состоянія, ограничился скудными издержками и до самой смерти приносилъ себя постоянно въ жертву, несмотря на то, что терпѣлъ тяжкія для его самолюбія лишенія. Благодаря ему, я понялъ, сколько надо энергіи, чтобъ принудить себя къ смиренію, и не разъ память о немъ приходила мнѣ на умъ, когда духъ мой начиналъ роптать и возмущаться.

Не знаю, по какому поводу отецъ мой пріѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ очарованъ радушіемъ и простотой архаровскаго гостепріимства. Сердечность семейной жизни послѣ искусственности петербургскихъ модныхъ нравовъ приковала его окончательно къ русской національности. Въ то же время онъ оцѣнилъ великія достоинства и замѣчательный умъ старшей дочери Екатерины Александровны, Софьи, и просилъ ея руки. Онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ, что̀ въ тѣ времена составляло рѣдкое отличіе, тѣмъ болѣе, что онъ женился двадцати одного года.

Матушка моя была дѣйствительно ума необыкновеннаго. Родись она мужчиной, она была бы человѣкомъ государственнымъ. Никто лучше ея не проницалъ и не опредѣлялъ истины, какъ бы она ни запутывалась. Всегда находила она мѣткое выраженіе, то блестящее остроуміемъ, то поражающее глубиною. Твердость ея характера согласовалась съ твердостью ея разсудка. Природа ея была сосредоточенная, логическая, неумолимо-послѣдовательная. Сердце ея было сознательно-горячее; но пріемы ея были холодные. Женской приторности, увлекающихъ нѣжничаній, мгновенныхъ энтузіазмовъ, она не вѣдала. Дѣтьми своими она не восторгалась и никогда не ласкала ихъ, но безпристрастно и вѣрно цѣнила ихъ хорошія и дурныя стороны, какъ и вообще во всемъ въ жизни. Говоря нынѣшнимъ слогомъ, можно сказать, что натура ея была субъективная, между тѣмъ какъ натура отца моего была объективная. Отъ ихъ смѣшенія опредѣлилась впослѣдствіи и моя природа. Отъ отца моего я наслѣдовалъ впечатлительность, причинившую мнѣ много горя, отъ матери — чутье истины, создавшее мнѣ много враговъ. Отъ того въ моей литературной карьерѣ всегда перепутывались двѣ несовмѣстимыя стихіи. Иначе я могъ бы сдѣлаться или хорошимъ поэтомъ или хорошимъ юмористическимъ писателемъ. Родители мои предполагали основаться въ Москвѣ и, какъ выше сказано, пріобрѣли домъ. Отецъ умѣлъ устраивать изящно и уютно свои мѣстопребыванія, былъ докой въ организаціи праздниковъ, домашнихъ спектаклей, концертовъ, обѣдовъ и разныхъ увеселеній. Эту способность я наслѣдовалъ, и она сдѣлалась едва ли не главною чертою моей художественности. Я слышалъ, что московскій домъ моихъ родителей былъ игрушкой. Но эта игрушка вскорѣ погибла отъ страшной игры Наполеоновскаго честолюбія. 18 мая 1812 года, родился мой старшій братъ Левъ [1]).

[1]) Прежде его родилась еще сестра.

Годъ былъ страшный, тревожный, годъ нашествія двунадесяти языковъ. Безсчетные обозы тянулись изъ Москвы къ востоку, спасая кое-какіе пожитки. Архаровы и матушка съ новорожденнымъ переѣхали въ Ярославль. Отецъ остался въ Москвѣ, поступилъ въ милицію и находился даже нѣкоторое время на ординарцахъ при генералъ-губернаторѣ графѣ Ростопчинѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ смерти Верещагина, растерзаннаго народомъ на дворѣ генералъ-губернаторскаго дома. Онъ видѣлъ всѣ ужасы московскаго пожара, этой до сего времени неразрѣшенной загадки, кто сжегъ Москву. Но возвращаться на черное пепелище не было возможности. Архаровы и мои родители переѣхали на жительство въ Петербургъ, гдѣ на слѣдующій годъ я узрѣлъ свѣтъ Божій. Первымъ эпизодомъ моей жизни было, что я умеръ. Со мной приключилась какая-то жестокая дѣтская болѣзнь, кажется крупъ. Послѣ сильныхъ конвульсій, я вдругъ успокоился, вытянулся и окоченѣлъ. Родители меня оплакали. Затѣмъ меня, какъ слѣдуетъ обмыли, одѣли, скрестили мнѣ руки и покрыли съ головы до ногъ простыней. Я лежалъ холодный, неподвижный. Въ комнатѣ оставалась проживавшая у бабушки старушка полковница Александра Николаевна Шлейнъ, женщина умная, тучная, въ очкахъ, всегда вязавшая чулокъ. Вдругъ ей пришла въ голову мысль посреди вязанія попытаться, не живъ ли я еще можетъ быть. Затѣмъ она сбросила съ меня простынку и стала растирать мое оледенѣвшее тѣло. Мало-по-малу тѣло начало согрѣваться, и я ожилъ. Отъ этого необычайнаго событія мнѣ часто было и досадно и совѣстно. Сколько хлопотъ, разочарованій и треволненій могъ бы я избѣгнуть, и, затѣмъ, если бы изъ меня вышелъ человѣкъ необыкновенный, то вторичное мое появленіе на жизненное поприще могло бы быть знаменательнымъ, а то случай изъ ряда вонъ исключительный вовсе не оправдываетъ его послѣдствій. Первое мое воспоминаніе обрисовываетъ мнѣ угловую лавку, гдѣ продавались пряники и лакомства. Подлѣ лавки были ворота съ въѣздомъ на пространный дворъ. Между дворомъ и садомъ, какъ строились всегда барскія палаты, стоялъ каменный домъ, впрочемъ, небольшой, въ одинъ этажъ. Этотъ домъ принадлежалъ бабушкѣ, графинѣ Натальѣ Львовнѣ. Живо помню, какъ насъ привезли однажды къ ней. Она была небольшая, весьма дородная и немолодая женщина, одѣта въ чемъ-то красномъ, кажется, что въ шали. Эта лавка была лавка Смурова, называвшаяся тогда Соллогубовской, она существуетъ понынѣ на углу Большой Морской и Горохо-

вой. Только садъ, дворъ и домъ на дворѣ давнымъ-давно исчезли. Почему я именно помню это и ничего другого отъ этого времени не помню, почему обстоятельство ничтожное фотографировалось въ дѣтской памяти, тогда какъ случаи болѣе важные не оставили никакого слѣда...—это относится къ психологическому необъяснимому капризу памяти, вызывающему отдѣльныя блестящія точки въ общемъ туманѣ прошедшаго. Привозили насъ къ Натальѣ Львовнѣ прощаться, такъ какъ мы уѣзжали за границу. Въ Парижѣ отецъ получилъ извѣстіе, что она скончалась. Мнѣ было 5 лѣтъ. Съ этого времени я уже начинаю находить связь въ событіяхъ. Мы ѣхали въ грузныхъ экипажахъ, останавливались на ночлеги и по нѣсколько дней въ городахъ значительныхъ. Не только о желѣзныхъ дорогахъ, но и о шоссейныхъ путяхъ тогда и помину не было. Сперва проѣхали мы черезъ Дерптъ, который долженъ былъ играть впослѣдствіи важную роль въ моей жизни. Тогда онъ былъ ничтожный городишко. Въ Ригѣ я заболѣлъ и задержалъ шествіе. Въ Брюсселѣ я заболѣлъ опять и очень опасно скарлатиной, чувствовалъ даже, что умираю, но смерть снова отказалась отъ меня. Наконецъ, мы доѣхали до Парижа, гдѣ заняли весь первый этажъ гостиницы «Hôtel des ils Britaniques», на улицѣ «Мира». Роскошныхъ гостиницъ въ то время не знали, но, тѣмъ не менѣе, обстановка наша была относительно великолѣпная. У отца было тогда много денегъ. Онъ любилъ жить роскошно и открыто. Не бывъ художникомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, страстно любилъ живопись и музыку. Въ Парижѣ онъ пріобрѣлъ много цѣнныхъ картинъ. Часть этихъ картинъ уцѣлѣла. Матушка пожаловала эту картинную галлерею моему старшему брату. Теперь она составляетъ собственность моего племянника. Въ музыкѣ, особенно въ пѣніи, отецъ мой былъ хорошимъ дилетантомъ. Онъ бралъ уроки у сестры извѣстнаго композитора Bertin. По вечерамъ составлялись у насъ нерѣдко концерты, при чемъ особенно отличался знаменитый въ то время пѣвецъ Savat. Я ко всему этому прислушивался и сталъ припѣвать дискантикомъ все, что слышалъ. Но первымъ моимъ профессоромъ въ искусствахъ вокальномъ и декламаціонномъ былъ уличный пѣвецъ, извѣстный тогда всему Парижу, подъ названіемъ Маркиза, le Marquis. Онъ дѣйствительно былъ наряженъ въ кафтанъ временъ Людовика XV. Длинная, сухая его фигура, подъ напудреннымъ парикомъ, была очень типична, и я имъ восторгался. Онъ пѣлъ разные романсы и куплеты, аккомпанируя себѣ на маленькой скрипкѣ съ большими претен-

зіями и уморительными кривляніями. Почти каждый день приходилъ онъ во дворъ, гдѣ была наша дѣтская, услаждалъ нашъ слухъ и наше зрѣніе, завертывалъ мѣдную монету въ листикъ съ напечатаннымъ нумеромъ его репертуара, мѣтко кидалъ ее въ наше открытое окно. Таковъ его способъ просить милостыню. Любопытно, что, на оборотъ Россіи, гдѣ ничего не помнится, въ Парижѣ ничто не забывается. Болѣе 50-ти лѣтъ послѣ моихъ первыхъ артистическихъ восторговъ, я прочиталъ въ одной парижской газетѣ цѣлую статью о моемъ незабвенномъ Маркизѣ. Даже уличный гаеръ удостоился общественной оцѣнки. Какъ бы то ни было, но я, ходившій тогда въ красной рубашенкѣ и въ свѣтлыхъ вьющихся кудряхъ, сталъ передразнивать Маркиза, какъ говорили, очень забавно. Мнѣ подарили дѣтскую скрипку, и послѣ обѣда я давалъ представленія на половинѣ моихъ родителей. Отъ этого возгорѣлось мое самолюбіе, и я сталъ нѣсколько высокомѣренъ. Каждый день насъ, то-есть меня и брата моего, который отличался скромностью, водили гулять то въ Тюльерійскій садъ, то по бульварамъ. Намъ сопутствовали: нянька Наталья Ѳедоровна и ливрейный лакей Доминикъ, повѣса большой руки. На бульварахъ нами любовались торговки, особенно торговки игрушками, и меня даже прозвали le joli petit Jèsus de cire. Это окончательно развило мою гордость и, внявъ коварнымъ совѣтамъ Доминика, я сталъ забирать игрушки въ долгъ, приказывалъ приносить ихъ ко мнѣ въ гостиницу и сообщалъ свой адресъ. Но скоро херувимчикъ долженъ былъ убѣдиться, что онъ не изъ воска: батюшка, узнавъ о моихъ проказахъ, хотѣлъ меня высѣчь, но по добротѣ своей умилостивился, о чемъ я впослѣдствіи часто жалѣлъ. Игрушечная лавка, меня искусившая, существуетъ и понынѣ. Точно такъ же существуетъ уличный парижскій Петрушка, любимый дѣтьми театръ маріонетокъ, Guingnol, на Елисейскихъ поляхъ. Это едва ли не самое прочное учрежденіе во Франціи. Существуютъ также колясочки, запряженныя козами, и продажа приторнаго кваса, именуемаго коко, который даже пользуется особымъ почетомъ и не только въ ходу на улицахъ, но перешелъ въ самые щегольскіе клубы для утоленія жажды первостатейныхъ франтовъ; наконецъ, какъ въ старину, такъ и теперь въ большомъ употребленіи у дѣтей тонкія, хрупкія, круглыя вафли, по названію plaisirs. Всѣ виды правительства измѣняются во Франціи, политическимъ преступленіямъ и счетъ потерянъ. Вафли непоколебимы. Это я понялъ съ младенчества. Однажды, отецъ мой вернулся изъ

Большой Оперы совершенно смущенный. Онъ былъ свидѣтелемъ убійства герцога Беррійскаго, наслѣдника престола. На другой день на улицахъ суматоха была страшная. Со всѣхъ сторонъ толпился народъ, и двигались войска. Живо помню, какъ передъ нашимъ домомъ прошелъ пѣхотный полкъ. Солдаты были въ бѣлыхъ мундирахъ съ красными опушками и длинныхъ черныхъ штиблетахъ. На головахъ торчали круглые, уродливые кивера. Болѣе всѣхъ поразилъ меня какой-то офицеръ, должно быть, капитанъ, важно выступавшій передъ взводомъ, въ очкахъ и съ огромнымъ животомъ. Черезъ нѣсколько часовъ весь Парижъ запрудился реляціями, плачевными брошюрами и печатными пѣснями, въ особенности же литографіями. Одна изображала сѣни Большой Оперы въ тотъ моментъ, когда врачи осматривали рану злополучнаго герцога, другая—минуту его кончины, третья—портретъ умиравшаго съ надписью: «Pauvre France! Malheureuse patrie!» четвертая—портретъ убійцы Лувеля съ рисункомъ кинжала, послужившаго къ убійству, и т. д. Парижская неугомонная спекуляція взбудоражилась. Въ виду наживы она не знаетъ ни совѣсти, ни даже приличія.

Съ впечатлѣніемъ о смерти герцога Беррійскаго слилось въ моей памяти впечатлѣніе совершенно другого рода. Мы бѣгали и играли по обычаю въ Тюльерійскомъ саду. У средняго балкона дворца, нынѣ разрушеннаго, толпилась масса народа, чего-то ожидавшая. Вдругъ дверь на балконъ широко распахнулась и выступилъ передъ народомъ, переваливаясь, человѣкъ слонообразный, о которомъ одинъ только Лабланшъ могъ впослѣдствіи дать понятіе. Бѣлые, какъ кажется, напудренные, его волосы были зачесаны къ затылку. Лицо его было широко, съ большимъ римскимъ носомъ и бритымъ подбородкомъ. Кругомъ его толпились царедворцы въ мундирахъ. Самъ онъ былъ въ свѣтлосинемъ разстегнутомъ мундирѣ съ отвислыми по плечамъ эполетами. Камзолъ и исподнее платье были бѣлые. При его появленіи народъ разразился громкимъ крикомъ: Vive le roi!—То былъ Людовикъ XVIII. Король поклонился и сталъ шевелить губами. Только недавно узналъ я, что онъ объявлялъ своимъ подданнымъ о рожденіи наслѣдника престола, герцога Бордосскаго, нынѣ графа Шамбора, или Генриха V. Крикъ поднялся оглушающій, и я увлеченный общимъ энтузіазмомъ, сталъ кричать: Vive le roi!

На обратномъ пути въ Россію я снова осрамился необдуманностью. Около Кенигсберга путь лежалъ у самаго взморья.

На бѣду мы ѣхали ночью, и была страшная гроза. Безпрестанныя молніи, раскаты грома, черныя волны съ бѣлой пѣной, подкатывавшіяся, какъ мнѣ казалось, подъ нашу карету, привели меня въ такой ужасъ, что со мной сдѣлались конвульсіи, и я лишился чувствъ, тогда какъ братъ мой сидѣлъ тихо. Различіе характеровъ уже опредѣлялось. Очнулся я только въ Кенигсбергѣ послѣ долгаго сна. Наконецъ, мы пріѣхали въ Петербургъ, и насъ тотчасъ повезли къ бабушкѣ Архаровой. Съ этой минуты я ее хорошо помню. Иванъ Петровичъ уже скончался. Бабушка жила на двухъ половинахъ со своею дочерью, Александрою Ивановной, вышедшею замужъ за Алексѣя Васильевича Васильчикова, брата супруги Виктора Павловича Кочубея, впослѣдствіи князя и канцлера. Онѣ занимали на Литейной домъ, принадлежащій нынѣ князю Васильчикову. Бабушка насъ обласкала и была очень довольна. Узнавъ, что я мастеръ передразнивать парижскаго уличнаго Маркиза, она требовала, чтобъ я ей выказалъ свои таланты. Но я сробѣлъ и объявилъ, что безъ скрипки ничего не могу сдѣлать. За скрипкой было послано, но и скрипка не помогла. Я былъ ребенокъ чрезвычайно нервный. На меня нашелъ столбнякъ, и съ того времени до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ я мучился застѣнчивостью, что, конечно, всегда тщательно скрывалъ, переходя даже нервно отъ внутренняго волненія къ неестественной самоувѣренности. Такая характеристическая черта встрѣчается, впрочемъ, заурядъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, передъ которымъ трепетала вся гвардія, былъ застѣнчивъ; фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій, невозмутимый подъ пулями, увлекательный въ бесѣдахъ интимныхъ, конфузился и терялся, когда ему приходилось говорить офиціально. Когда онъ жилъ въ Деревенькѣ, имѣніи, наслѣдованномъ имъ отъ графа Толстого, я посѣтилъ его, и, по обыкновенію, онъ продержалъ меня до глубокой ночи, читалъ мнѣ свои письма и статьи о государственныхъ дѣлахъ. Все его интересовало. Обо всемъ онъ имѣлъ твердое мнѣніе.—«Позвольте спросить,—замѣтилъ я:—отчего же вы не живете въ Петербургѣ и не присутствуете въ государственномъ совѣтѣ?» — Оттого,— отвѣчалъ печально князь: — что я застѣнчивъ, не могу говорить,—и говоря это, онъ запнулся, какъ будто видя себя въ засѣданіи. Застѣнчивые люди встрѣчаются на бѣломъ свѣтѣ гораздо чаще, чѣмъ вообще предполагается.

На углу Дворцовой набережной и Мошкова переулка находится нынѣ небольшой домъ, примыкающій къ дворцу ве-

ликаго князя Михаила Николаевича. Я не могъ до сихъ поръ проѣхать мимо этого дома безъ сердечнаго содроганія. Мнѣ все кажется, что онъ мнѣ улыбается и подмигиваетъ, какъ будто упрекаетъ, что я ему не кланяюсь, и шепчетъ: «А вѣдь, кажется, родня, кажется, дружно жили! Только ты уже устарѣлъ и разрушился... а вотъ я еще все стою молодцомъ, и ничего мнѣ не дѣлается». Въ этомъ домѣ я провелъ годы уже сознательные моего дѣтства. Онъ принадлежалъ моему отцу, и былъ отдѣланъ какъ игрушка. Теперь онъ маленькій. Тогда онъ казался большой. Нижній этажъ занимался отцомъ, верхній пріемными и половиною матушки. Далѣе слѣдовали комнаты для дѣтей. Жизнь наша шла отдѣльно отъ жизни родителей. Насъ водили здороваться и прощаться, благодарить за обѣдъ, при чемъ мы цѣловали руки родителей, держались почтительно и никогда не смѣли говорить «ты» ни отцу, ни матери. Въ то время любви къ дѣтямъ не пересаливали. Они держались въ духѣ подобострастія, чуть ли не крѣпостного грава, и чувствовали, что они созданы для родителей, а не родители для нихъ. Я видѣлъ впослѣдствіи другую систему, при которой дѣти считали себя владыками въ домѣ, а въ родителяхъ своихъ видѣли не только товарищей, но чуть ли не подчиненныхъ, иногда даже и слугъ. Такому сумасбродству послужило поводомъ воспитаніе въ Англіи. Но, такъ какъ русскій размахъ всегда шагаетъ черезъ край, то и тутъ нужная заботливость перешла къ безпредѣльному баловству.

Не могу не выразить глубокой благодарности памяти моихъ родителей за то, что, не увлекаясь вредными для дѣтей нѣжностями, они положили серьезную основу нашему воспитанію. Законоучителемъ былъ приглашенъ къ намъ протоіерей Кочетовъ. Съ того времени прошло болѣе 60 лѣтъ, а мнѣ кажется, что я до сего времени слышу его мѣрную рѣчь. Онъ служилъ священникомъ при церкви Смоленскаго кладбища, что мнѣ казалось очень страшнымъ, но въ словахъ его ничего страшнаго не было. Напротивъ, они дышали кротостью, вѣрою и тихимъ краснорѣчіемъ. Близость къ земному тлѣнію не поколебала въ немъ упованія на жизнь загробную, какъ это часто бываетъ у врачей и лицъ духовнаго званія. Онъ не докучалъ намъ вопросами догматическими, но объяснялъ подвиги Спасителя и евангельскія истины. Онъ призывалъ насъ къ молитвѣ и ласково, вкрадчиво, любезно передавалъ намъ не заученныя фразы, а задушевныя свои чувства. Уроковъ Кочетова мы ожидали съ нетерпѣніемъ. Ему я многимъ обязанъ. Другой нашъ

преподаватель, и преподаватель тоже весьма симпатичный, былъ нашъ учитель русскаго языка Плетневъ, впослѣдствіи ректоръ Петербургскаго университета и издатель «Современника». Петръ Александровичъ былъ человѣкъ высокаго роста, крѣпко сложенный и пріятной наружности. Онъ былъ другомъ Жуковскаго и пріятелемъ Пушкина. Этимъ различіемъ и опредѣляется характеръ Плетнева. Тихая мечтательность творца Свѣтланы была ближе къ его природѣ, чѣмъ страстность величайшаго нашего поэта. Плетневъ говорилъ тихо, какъ будто бы стыдливо. Жуковскій былъ самоувѣреннѣе и по своей тогдашней знаменитости литературной, и по своему положенію при дворѣ. Но душа Жуковскаго, какъ и душа Плетнева, были, такъ сказать, прозрачныя, хрустальныя. Отъ нихъ какъ будто вѣяло чѣмъ-то дѣвственнымъ, непорочнымъ. Впослѣдствіи я встрѣтилъ такое свойство еще въ третьемъ человѣкѣ, а именно въ Одоевскомъ. Плетневъ не обладалъ большимъ талантомъ, но изъ таланта своего сдѣлалъ все, что могъ. Онъ былъ писатель работящій, но безъ воображенія, знатокъ языка и словесности; труды его были честные, какъ и самъ онъ былъ человѣкъ безукоризненный. Мы его тоже любили, и впослѣдствіи я находился съ нимъ въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ.

Между тѣмъ, жизнь наша стала вращаться около жизни старушки Архаровой, всегда неизмѣнной въ своихъ привычкахъ. Отъ нихъ она отказалась, какъ выше сказано, только два раза: когда Иванъ Петровичъ былъ сосланъ, и когда Наполеонъ занялъ Москву. Оправданія были болѣе чѣмъ удовлетворительны. Прежде она проводила зиму въ Москвѣ, а лѣто въ Ислявскомъ, теперь для зимы былъ назначенъ Петербургъ, для лѣта избранъ Павловскъ. Въ прежніе годы постоянная осѣдлость образовала потребность. У каждаго семейства былъ свой приходъ, свой неизмѣнный кругъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, свои преданія, свой обиходъ, своя завѣтная мебель, свои нажитыя привычки. Желѣзныя дороги все это измѣнили. Теперь никому дома уже не сидится. Жизнь не привинчиваетъ уже болѣе къ почвѣ, а шмыгаетъ, какъ угорѣлая изъ угла въ уголъ. Семейственность раздробляется и кочуетъ по постоялымъ дворамъ. Можетъ быть, это имѣетъ свою хорошую сторону относительно общаго рода просвѣщенія, но мы, старожилы, не можемъ не пожалѣть объ условіяхъ прежняго тѣснаго семейнаго быта. И въ Павловскѣ, какъ и въ Петербургѣ, Архарова жила со своею дочерью Васильчиковой.

Для зимы у насъ былъ свой домъ, для лѣта нанималась

дача въ Павловскѣ, отъ котораго мнѣ осталось много воспоминаній. На первое лѣто послѣ нашего возвращенія изъ Парижа мы заняли Нарышкинскій домикъ подлѣ Константиновскаго дворца. Я уже былъ бойкій мальчикъ, любилъ болтать и лазить по сосѣдямъ черезъ заборы съ дѣтьми князя Гагарина. Въ то время пріѣхалъ однажды рано утромъ на нашу дачу камердинеръ государя, съ объявленіемъ, что его величество посѣтитъ нашу матушку черезъ нѣсколько часовъ. Матушка была женщина болѣзненная, не разъ уже готовилась даже къ смерти, при чемъ насъ приводили, плакавшихъ, принять ея предсмертное благословеніе. Болѣзнь ея была преимущественно нервная, и нервную раздражительность я отъ нея наслѣдовалъ. Пользовалъ ее и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ знаменитый въ то время докторъ Реймань. Я уже сказалъ, что матушка была ума необыкновеннаго, соединявшаго оригинальность мысли и выраженія съ мѣткостью неумолимой логики. Государь любилъ съ нею бесѣдовать повсюду, гдѣ ее встрѣчалъ, а иногда писалъ ей письма или навѣщалъ ее лично.

Когда государь пріѣзжалъ въ нашъ домъ, онъ всегда объ этомъ предувѣдомлялъ. Матушка его ожидала, и мы, дѣти, оставались при ней. Отецъ же удалялся. Таковъ былъ заведенный порядокъ. Нарышкинская дача не отличалась ни объемомъ, ни убранствомъ. Въ скромной гостиной висѣла на стѣнѣ большая литографія съ изображеніемъ императора и надписью по-французски: «Alexandre I Autocrate de toutes les Russies».

Когда, въ день, о которомъ я разсказываю, государь прибылъ, матушка сѣла на диванчикъ подъ портретъ, государь занялъ кресло подлѣ нея, и разговоръ начался. Бесѣда продолжалась долго, и мнѣ стало скучно. Съ одной стороны, я обидѣлся, что на меня не обращалось никакого вниманія, съ другой стороны—мнѣ вздумалось блеснуть своею любознательностью: я вдругъ, весьма некстати, вмѣшался въ разговоръ и, указавъ на подпись портрета, спросилъ, что значитъ слово autocrate. Государь, бывшій нѣсколько тугъ на ухо, не разслышалъ, но настоятельно требовалъ, чтобы матушка повторила ему мои слова. Пришлось повторить. Государь улыбнулся и промолвилъ:

— Видно, что онъ пріѣхалъ изъ Парижа. Тамъ этому слову его не научили [1]).

[1]) Александръ Павловичъ Башуцкій разсказывалъ о подобномъ случаѣ, приключившемся съ нимъ. По званію своему камеръ-пажа, онъ въ дни своей молодости часто дежурилъ въ Зимнемъ дворцѣ. Однажды

Въ Павловскѣ мы рѣдко видѣли императора, но въ Петербургѣ встрѣчали его почти каждый день. Въ часъ пополудни онъ выходилъ изъ Зимняго дворца, слѣдовалъ по Дворцовой набережной, у Прачешнаго моста поворачивалъ по Фонтанкѣ до Аничковскаго моста, въ то время узкаго, съ гранитными павильонами, какъ мосты Симеоновскій, Чернышевъ и другіе. Затѣмъ государь возвращался къ себѣ Невскимъ проспектомъ. Прогулка повторялась каждый день и называлась le tour impérial. Какая бы ни была погода, государь шелъ въ одномъ сюртукѣ съ серебряными эполетами и въ трехъ-угольной шляпѣ, съ султаномъ, надѣтой на бекрень. Эти шляпы, нынѣ замѣненныя киверами и фуражками, были вполнѣ неудобны и некрасивы. Онѣ въ холодномъ климатѣ не защищали ни ушей, ни затылка, а ихъ слѣдовало наклонять на лѣвый глазъ, иначе онѣ становились безобразны. Государь былъ сутуловатъ и близорукъ. Округляя плечи, онъ постоянно прикладывалъ къ глазу золотой лорнетъ, привѣшенный на правой рукѣ. Въ глазахъ его свѣтлѣло нѣчто чарующее. Высокій, нѣсколько обнаженный лобъ сіялъ величіемъ, тогда какъ въ голубыхъ глазахъ отражалась грусть, задумчивость и покорность волѣ Провидѣнія. Должно быть, его измученной душѣ видъ дѣтей былъ пріятенъ. По крайней мѣрѣ, каждый разъ, когда мы гуляли съ гувернеромъ и встрѣчались съ нимъ, онъ останавливался съ улыбкой и говорилъ намъ нѣсколько словъ. Иногда спрашивалъ онъ про здоровье матушки, иногда шутилъ со мною, припоминая мой неумѣстный вопросъ о самодержавіи. Мы смотрѣли на него, какъ на полубога, и чрезвычайно любили. Но тайна его печали не могла намъ быть понятна; только послѣ многихъ лѣтъ я уразумѣлъ одну изъ затаенныхъ скорбей.

Я былъ уже юношей и находился у тетки своей Васильчиковой. Въ это время къ ней пріѣхалъ ея родственникъ и соименникъ по мужу, Илларіонъ Васильевичъ, впослѣдствіи князь и предсѣдатель государственнаго совѣта. Мужъ чести и правды,

---

онъ находился съ товарищами въ огромной Георгіевской залѣ. Молодежь расходилась, начала прыгать и дурачиться. Башуцкій забылся до того, что вбѣжалъ на бархатный амвонъ подъ балдахиномъ и сѣлъ на императорскій тронъ, на которомъ сталъ кривляться и отдавать приказанія. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то беретъ его за ухо и сводитъ съ ступеней престола. Башуцкій обмеръ. Его выпроваживалъ самъ государь, молча и грозно глядѣвшій. Но должно быть, что обезображенное испугомъ лицо молодого человѣка его обезоружило. Когда все пришло въ должный порядокъ, императоръ улыбнулся и промолвилъ:—«Повѣрь мнѣ! совсѣмъ не такъ весело сидѣть тутъ, какъ ты думаешь».

бойкій кавалеристъ, гусаръ, витязь битвъ съ Наполеономъ, онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что былъ удостоенъ однимъ изъ высшихъ въ государствѣ званій. Вотъ, какъ онъ къ этому отнесся. Матушка встрѣтила его у М. А. Нарышкиной и поздравила съ назначеніемъ.

— Вамъ-то хорошо,—отвѣчалъ онъ печально:—а мнѣ-то каково. Всю ночь я не могъ заснуть ни минуты. Боже мой! до чего мы дожили, что на такую должность лучше меня никого не нашли.

Во время посѣщенія, о которомъ я упоминаю, разговоръ завязался о царствованіи императора Александра I, и вотъ разсказъ, мною слышанный. Однажды,—говорилъ Илларіонъ Васильевичъ,—ко мнѣ явился человѣкъ, не объявившій своего имени. Онъ передалъ мнѣ шопотомъ о существованіи заговора противъ спокойствія государства и жизни государя. Я не люблю анонимныхъ доносовъ и принялъ посѣтителя довольно сухо, тѣмъ не менѣе, сообщеніе было необыкновенной важности, и я потребовалъ доказательствъ. Тогда незнакомый подалъ мнѣ списокъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ. Всѣ эти лица должны были съѣхаться осенью изъ разныхъ концовъ Россіи въ Москву для совѣщанія по своему преступному замыслу. День съѣзда былъ назначенъ. Объ этомъ случаѣ я государю не доложилъ. Но, такъ какъ московскій генералъ-губернаторъ, князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, женатый на моей сестрѣ, былъ мнѣ и по душѣ близкимъ человѣкомъ, въ которомъ я былъ вполнѣ увѣренъ, я препроводилъ къ нему секретно полученный мною списокъ, съ просьбою провѣрить показанія незнакомца. Черезъ нѣсколько времени Дмитрій Владиміровичъ отвѣчалъ мнѣ, что всѣ лица, въ спискѣ поименованныя, дѣйствительно съѣхались въ Москву къ опредѣленному дню. Такимъ образомъ, обвиненіе было вѣрно, и я поспѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія его величества, но государь зналъ уже о заговорѣ и не желалъ приступать къ мѣрамъ строгости. Когда гвардія была направлена въ литовскія губерніи, я командовалъ оставшимися въ Петербургѣ войсками и имѣлъ счастье постоянно видѣть государя. Однажды онъ ко мнѣ заѣхалъ и посадилъ въ свои сани. Случай былъ удобный. Я осмѣлился выразить, что зло надо пресѣчь въ основаніи, чтобъ не дать ему развиться и довести до важныхъ, прискорбныхъ послѣдствій. Государь выслушалъ молча и потомъ промолвилъ:

— Если бы я былъ Васильчиковъ, я бы говорилъ точно такъ же; но, по совѣсти, я долженъ сказать, что если всѣ эти

мысли такъ распространились, то я первый тому причиной.

Будущій біографъ, призванный по завѣщанію графа Аракчеева къ жизнеописанію великаго монарха, врядъ ли уловитъ всѣ оттѣнки его душевныхъ страданій. И онъ, какъ простой смертный, стремился къ пользѣ общественной, къ самоотверженію, къ подвигамъ благотворительности. Но желая добра, но дѣлая добро, онъ создавалъ для себя разочарованія, для другихъ неблагодарность. Отъ того и черты лица его свѣтились отблескомъ смиреннаго мученичества. Самое его воцареніе, потомъ его союзъ и борьба съ Наполеономъ, были для него тяжелыми испытаніями. Онъ хотѣлъ благоденствія Польши, но слабость русской администраціи и запальчивость польской мечтательности измѣнили его ожиданіямъ. Такъ и для блага собственной родины всякія стремленія смѣшивались съ вынужденными колебаніями. Не доставало почвы и орудій для лучшихъ предначертаній. Проектъ уничтоженія крѣпостного права былъ разработанъ и по неисполнимости отложенъ. Вліяніе энциклопедистовъ на дворъ Екатерины II миновалось, уступивъ мѣсто разнаго рода попыткамъ. Жизнь обще-русская не имѣла ничего общаго съ жизнью свѣтскою, петербургскою, гдѣ рѣдко кто бывалъ сыномъ своего номинальнаго отца, а нѣкоторыя дамы даже не говорили вовсе по-русски. Я многихъ такихъ видѣлъ. Онѣ чрезвычайно жеманились и подпрыгивали на стульяхъ, шевеля передъ лицомъ указательнымъ пальцемъ. Такова была мода, вмѣстѣ съ ношеніемъ короткихъ талій и огромныхъ тюрбановъ. Но въ то же время возникли идеологи, мыслители, искатели соціальной правды и даже философскаго камня, что, впрочемъ, одно и то же.

Съ трудомъ вѣрится, чтобы цѣлое поколѣніе умовъ отборныхъ могло углубляться не только въ изученіе халдейской премудрости и формулъ умозрительной символистики, но еще серьезно занималось алхимическими препаратами, основанными на меркуріи и имѣющими создать золото.

Послѣ тестя моего, графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, о которомъ мнѣ придется говорить еще немало, осталось нѣсколько тысячъ книгъ герметическаго содержанія. Большая часть этой драгоцѣнной библіотеки поступила въ императорскую публичную библіотеку, гдѣ, разсыпавшись по отдѣленіямъ, утратила свою цѣнность. Нѣкоторую часть я имѣлъ случай отыскать въ амбарѣ Курскаго имѣнія вмѣстѣ съ разными кабалистическими латинскими рукописями и част-

ными письмами масонскаго содержанія. Это собраніе, по возможности, приведенное въ порядокъ, пополняется сочиненіями теологическими и указываетъ на переходъ герметизма къ иллюминизму, къ мистицизму, къ пістизму, а впослѣдствіи къ скептицизму, къ либерализму, къ гегелизму, къ коммунизму и къ нигилизму, уже мечтающему о терроризмѣ. Любопытно было бы прослѣдить, какъ каждый новый токъ мышленія возбуждалъ восторгъ и казался послѣднимъ словомъ отвлеченной мудрости. Нельзя тоже не замѣтить, что всѣ эти теоріи относились только до умственныхъ дѣяній нѣкоторыхъ партій, или кастъ, но никогда не касались общей народной жизни, свято дорожащей своими преданіями и совершенно равнодушной къ очереднымъ моднымъ толкамъ. Нельзя не обратить тоже вниманія на тотъ фактъ, что либеральныя мѣропріятія, имѣвшіяся въ виду русской верховной власти, часто тормозились отъ запальчивости самихъ либераловъ, забывшихъ, что просвѣщеніе воспитывается, а не импровизируется. Такъ, напримѣръ, заговоръ, отравившій послѣдніе годы царствованія царя Благословеннаго, отбросилъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ великій историческій подвигъ освобожденія крестьянъ. Императоръ Александръ I покровительствовалъ сперва католическимъ священникамъ, какъ хорошимъ педагогамъ, и масонскимъ обществамъ, распространявшимъ начала нравственности, а, между тѣмъ, былъ вынужденъ изгнать іезуитовъ и закрыть всѣ русскія масонскія ложи.

Вліяніе Аракчеева замѣнило надежды на общее благоденствіе, на дары священнаго союза. Дворъ былъ суровъ. Главную роль игралъ при дворѣ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, министръ просвѣщенія, предсѣдатель императорскаго тюремнаго общества и главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ. Онъ былъ человѣкомъ набожнымъ и мистикомъ, и ловко подлаживался подъ общее придворное уныніе. Но подлѣ него звенѣла нота безумно веселая въ его родномъ братѣ отъ другого отца, Димитріи Михайловичѣ Кологривовѣ. Кологривовъ, хотя дослужился до званія оберъ-церемоніймейстера, дурачился, какъ школьникъ. Ѣдутъ оба брата въ каретѣ. Голицынъ возводитъ очи горѣ и вдохновенно поетъ кантату: «О Творецъ! о Творецъ!» Кологривовъ слушаетъ и вдругъ затягиваетъ плясовую, припѣвая: «А мы ѣдемъ во дворецъ, во дворецъ».

Однажды, Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, столь извѣстной своею богомольностью и благотворительностью, доложили,

что къ ней пришли двѣ монахини просить подаянія на монастырь. Монахини были немедленно впущены. Войдя въ пріемную, онѣ кинулись на полъ, стали творить земные поклоны и вопить, умоляя о подаяніи. Растроганная Татьяна Борисовна пошла въ спальню за деньгами, но, вернувшись, остолбенѣла отъ ужаса. Монашенки неистово плясали въ присядку. То были Кологривовъ и другой проказникъ.

Я слышалъ еще разсказъ о томъ, что однажды государь готовился осматривать кавалерійскій полкъ на гатчинской эспланадѣ. Вдругъ передъ развернутымъ фронтомъ пронеслась маршъ-маршемъ неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опоръ необыкновенно толстая дама, въ зеленой амазонкѣ и шляпѣ съ перьями. Рядомъ съ ней на рысяхъ разсыпался въ любезностяхъ отчаянный щеголь. За ними еще слѣдовала небольшая свита. Неумѣстный маскарадъ былъ тотчасъ же остановленъ. Дамою нарядился тучный князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ. Любезнымъ кавалеромъ оказался Кологривовъ. Объ остальныхъ не припомню. Шалунамъ былъ объявленъ выговоръ, но карьера ихъ не пострадала. Страсть Кологривова къ уличнымъ маскарадамъ дошла до того, что, не смотря на свое званіе, онъ иногда наряжался старою нищею-чухонкою и мелъ тротуары. Завидѣвъ знакомаго, онъ тотчасъ кидался къ нему, требовалъ милостыни и, въ случаѣ отказа, бранился по-чухонски и даже грозилъ метлою. Тогда только его узнавали и начинался хохотъ. Онъ дошелъ до того, что становился въ Казанскомъ соборѣ среди нищихъ и заводилъ съ ними ссоры. Сварливую чухонку отвели даже разъ на Съѣзжую, гдѣ она сбросила свой нарядъ, и передъ ней же извинились. Онъ былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ, который тѣшился его шалостями и сдѣлался однажды его жертвою. Отецъ, первый столичный щеголь своего времени, выдумывалъ разные костюмы. Между прочимъ, онъ изобрѣлъ необыкновенный въ то время синій плащъ, съ длинными широкими рукавами. И плащъ, и рукава были подбиты малиновымъ бархатомъ. Въ такомъ плащѣ пріѣхалъ онъ во французскій театръ и сѣлъ въ первомъ ряду креселъ. Кологривовъ сѣлъ съ нимъ рядомъ и, восхищаясь плащемъ, сталъ незамѣтно всовывать въ широкіе рукава заготовленные мѣдные пятаки. Когда отецъ поднялся въ антрактѣ съ креселъ, пятаки покатились во всѣ стороны, а Кологривовъ началъ ихъ подбирать и подавать съ такими ужимками и прибаутками, что отецъ первый расхохотался. Но не все проходило даромъ. Въ другой разъ,

въ этомъ же французскомъ театрѣ, Кологривовъ замѣтилъ изъ ложи какого-то зрителя, который, какъ ему показалось, ничего въ представленіи не понималъ. Жертва была найдена. Кологривовъ спустился въ партеръ и началъ съ ней разговоръ.

— Вы понимаете по-французски?

Незнакомецъ взглянулъ на него и отвѣчалъ отрывисто:

— Нѣтъ.

— Такъ не угодно ли, чтобъ я объяснилъ вамъ, что происходитъ на сценѣ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Кологривовъ началъ объяснять и понесъ галиматью страшную. Сосѣди прислушивались и фыркали. Въ ложахъ смѣялись. Вдругъ незнающій французскаго языка спросилъ по-французски:

— А теперь объясните мнѣ, зачѣмъ вы говорите такой вздоръ?

Кологривовъ сконфузился.

— Я не думалъ, я не зналъ.

— Вы не знали, что я одной рукой могу васъ поднять за шировотъ и бросить въ ложу къ этимъ дамамъ, съ которыми вы перемигивались.

— Извините!

— Знаете вы, кто я?

— Нѣтъ, не знаю!

— Я—Лукинъ.

Кологривовъ обмеръ.

Лукинъ былъ сплачъ легендарный. Подвиги его богатырства невѣроятны, и до сего времени идутъ о немъ разсказы въ морскомъ вѣдомствѣ, къ которому онъ принадлежалъ. Вотъ, на кого наткнулся Кологривовъ.

Лукинъ всталъ.

— Встаньте,—сказалъ онъ.

Кологривовъ всталъ.

— Идите за мной!

Кологривовъ пошелъ.

Они отправились къ буфету, Лукинъ заказалъ два стакана пунша. Пуншъ подали. Лукинъ подалъ стаканъ Кологривову:

— Пейте!

— Не могу, не пью.

— Это не мое дѣло. Пейте!

Кологривовъ, захлебываясь, опорожнилъ свой стаканъ. Лукинъ залпомъ опорожнилъ свой и снова скомандовалъ два

стакана пунша. Напрасно Кологривовъ отнѣкивался и просилъ пощады, оба стакана были выпиты, а потомъ еще и еще. На каждаго пришлось по восьми стакановъ. Только Лукинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился на свое кресло, а Кологривова мертво-пьянаго отвезли домой.

Наконецъ, случай, о которомъ я тоже слышалъ въ дѣтствѣ, положилъ, какъ кажется, конецъ мистификаціямъ. Кологривовъ былъ приглашенъ на большой обѣдъ. Въ то время, какъ садились за столъ, изъ-подъ одного дипломата выдернули стулъ. Дипломатъ растянулся, но тотчасъ вскочилъ на ноги и громко провозгласилъ:

— Я надѣюсь, что негодяй, позволившій со мною дерзость, объявитъ свое имя.

На эти слова отвѣта не воспослѣдовало. Впрочемъ, отвѣтъ былъ немыслимъ и по званію обиженнаго, и по непростительному свойству поступка.

Кологривовъ былъ такъ же малъ ростомъ, какъ и братъ его, но другого типа—черноглазый, черноволосый. Его любили не только какъ забавника, но и какъ человѣка. Ума онъ былъ блестящаго и, если бы не страсть къ шутовству, онъ могъ бы сдѣлать завидную карьеру. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, чтобъ между нимъ и его братомъ не было сходства по юмору и веселости. Будучи еще камеръ-пажемъ, Голицынъ держалъ дерзновенное пари, что тронетъ императора Павла I за волосы. Пари онъ выигралъ, и вотъ какимъ образомъ. Подавая императору тарелки за обѣдомъ, онъ слегка дернулъ напудренную косу его величества. Товарищи Голицына обомлѣли.

— Что это?—спросилъ государь.

— Ваше величество,—отвѣтилъ камеръ-пажъ:—коса ваша покривилась, я ее поправилъ.

— Спасибо!—промолвилъ императоръ.

Этотъ разсказъ я слышалъ отъ самого князя. Не смотря на то, что онъ славился своею суровою, почти монашескою жизнью,—онъ любилъ ѣздить къ дамамъ съ визитами. Онъ пріѣзжалъ въ сѣромъ фракѣ съ орденами и въ гусарскихъ сапожкахъ и охотно разсказывалъ о старомъ времени, особенно о дворѣ Екатерины II. Я часто его слушалъ и замѣтилъ, что, когда онъ находился въ присутствіи хозяекъ, крайне строгихъ относительно приличія, сѣрые его глаза искрились шаловливостью, и онъ припоминалъ анекдоты до того скоромные, что слушательницы уже не знали, сердиться ли имъ или смѣяться.

Кологривовъ скончался въ Петербургѣ, послѣ долгаго пребыванія въ Парижѣ. Онъ умеръ отъ тяжкой болѣзни. Я навѣщалъ его и по его желанію читалъ ему—не знаю что, кажется, мои произведенія, бывшія тогда въ модѣ. О прежнихъ шуткахъ и помина уже не было. Онъ сидѣлъ блѣдный, едва дышащій, окутанный въ шелковомъ балахончикѣ, что французы называютъ une douillette. Однажды я пришелъ къ нему. Онъ лежалъ уже на столѣ.

Князь Голицынъ дожилъ до глубокой старости и скончался въ своемъ имѣніи, на крымскомъ берегу. Прахъ его покоится въ Георгіевскомъ монастырѣ. У нихъ была сестра Елизавета Михайловна, немногимъ извѣстная. Ростомъ она была крошечная отъ двухъ горбовъ, но чрезвычайно живая и веселая, всегда звонко смѣявшаяся и какъ-то подпрыгивающая. Она не скорбѣла ни о своемъ тѣлосложеніи, ни о своемъ безбрачіи. Жила она долго при монастыряхъ, въ Кіевѣ, гдѣ мы ее съ матушкой посѣтили. Но когда и по какому случаю, я никакъ не могу сообразить въ своихъ воспоминаніяхъ. Помню только ея рѣзкій, дѣтскій смѣхъ, помню какую-то большую площадь съ низкими домишками, помню открытыя гробницы угодниковъ въ темныхъ проходахъ подземелья. Какъ мы туда попали,— не знаю. Въ памяти иногда встрѣчаются безсвязныя, самостоятельныя точки.

Отецъ мой былъ церемоніймейстеръ и приводился двоюроднымъ братомъ оберъ-гофмаршалу Кириллу Александровичу Нарышкину, вельможѣ большой руки, наружности барской, по уму и остроумію замѣчательному, но вспыльчивому до крайности. Жена его Марья Яковлевна, рожденная княжна Лобанова-Ростовская, была женщина болѣзненная, но весьма симпатичная и всѣми уважаемая. Они жили въ Зимнемъ дворцѣ на существующей понынѣ оберъ-гофмаршальской квартирѣ. Такъ какъ въ это время родственныя связи были связями, насъ возили часто къ Нарышкинымъ, и тутъ я имѣлъ случай видѣть и слушать всѣхъ вліятельныхъ людей той эпохи. Лѣтомъ Кириллъ Александровичъ жилъ за Ораніенбаумомъ на своей дачѣ Сергіевскомъ, впослѣдствіи загородномъ пребываніи великой княгини Маріи Николаевны. Тутъ стоялъ помѣщичій домъ среди разныхъ деревянныхъ павильончиковъ, гдѣ проживали лѣтніе гости. О придворной жизни не было рѣчи. Въ Сергіевскомъ, Нарышкинъ былъ самъ большой, имѣлъ свой собственный дворикъ. Жили у него постоянно піита Ераковъ, писатель поэмъ во вкусѣ Тредьяковскаго, послѣдній

остатокъ исчезавшей литературы; толстый и лысый драматическій писатель князь Шаховской, творецъ цѣлаго репертуара, нынѣ забытаго, армянинъ Мансуредзи и разные другіе нахлѣбники. Въ Сергіевскѣ доживали остатки барства. Ими Нарышкинъ тѣшился. У себя былъ гостепріименъ и веселъ, впрочемъ, жилъ нероскошно, но въ свое удовольствіе и любилъ разсказывать анекдоты о старинѣ. Не такъ жилъ его дѣдъ, Дмитрій Львовичъ, оберъ-егермейстеръ, андреевскій кавалеръ и мужъ знаменитой красавицы Марьи Антоновны. Дмитрій Львовичъ былъ уже старикъ, но наружности величавой, хотя лицо его поминутно дергалось нервными судорогами. До глубокой старости онъ оставался поклонникомъ прекраснаго пола, что чуть ли не относилось къ обязательствамъ аристократизма... Я слышалъ, что, когда князь Куракинъ собирался въ Парижъ посломъ, для него были приготовлены богатые покои, роскошные экипажи и метресса, которую онъ, кажется, никогда не видалъ, хотя карета посла обязывалась стоять у ея крыльца по два часа въ день. Дмитрій Львовичъ казался герцогомъ вѣка Людовика XV. Напудренный, высоко державшій голову, какъ бы ни подпрыгивали черты его лица, сановито-привѣтливый, онъ былъ одинъ изъ послѣднихъ типовъ исчезавшаго барства.

Лѣтомъ онъ жилъ на Крестовскомъ островѣ, и насъ иногда возили къ нему, какъ къ дѣдушкѣ и моему крестному отцу... За столомъ служили цѣлыя толпы раззолоченныхъ арапoвъ, блестящихъ егерей и разныхъ оффиціантовъ. Въ саду играла знаменитая роговая музыка, оркестръ звучности очаровательной, но мыслимой только при крѣпостномъ правѣ. Онъ состоялъ изъ 40 мѣдныхъ инструментовъ разныхъ объемовъ. Каждый инструментъ издавалъ только одинъ звукъ. Сорокъ звуковъ разнородныхъ по трехъ-октавной лѣстницѣ съ полутонами, какъ фортепіанныя клавиши, допускали модуляціи во всѣхъ тонахъ и духовыя, какъ бы воздушныя гармоніи. Такая живая шарманка съ ея эоловыми дуновеніями внушала восторгъ. Но какова же была участь музыканта, имѣвшаго по разсчету свистѣть въ неизмѣнную дырку неизмѣнную нотку. Разсказываютъ, что два члена этого диковиннаго оркестра попались въ полицію. На вопросъ, кто они такіе, одинъ отвѣчалъ: «я нарышкинскій Ц.»; другой отвѣчалъ: «я нарышкинскій Фисъ».

Зимой Дмитрій Львовичъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ выстроилъ на Фонтанкѣ домъ, или, правильнѣе, дворецъ, принадлежащій нынѣ графинѣ Шуваловой. Тутъ я видѣлъ еще сверкавшую красотою Марью Антоновну и ея миловидную

дочь, семнадцатилѣтнюю Софью. Ея дѣтское, какъ бы прозрачное личико, большіе, голубые дѣтскіе глаза, свѣтло-бѣлокурыя, вьющіяся кудри придавали ей отблескъ неземной. Она была помолвлена за графа А. П. Шувалова, только что пріѣхавшаго тогда изъ Парижа вмѣстѣ съ своимъ братомъ Григоріемъ. Но свадьба не состоялась. Невѣста была не отъ міра сего. Она скончалась тихо и неожиданно, и смерть ея отозвалась новымъ унынiемъ въ столичной жизни[1]). Ни императоръ, ни императрица не любили шумныхъ удовольствій. Отъ этого времени я припоминаю только заурядные публичные маскарады въ Зимнемъ дворцѣ.

Народный маскарадъ въ царскихъ чертогахъ повторялся, согласно преданію, каждое 1-е января. Къ опредѣленному часу весь дворецъ освѣщался, всѣ двери отпирались. Милости просимъ, кому угодно! Перваго вошедшаго гостя и послѣдняго вышедшаго записывали на память. Другого церемоніала не было. Посѣтителей всѣхъ видовъ и сословій собиралось болѣе 30.000. О полиціи и помина не было. Народныя массы волновались по сверкавшимъ покоямъ чинно, скромно, благоговѣйно, безъ толкотни и давки. Къ буфетамъ рѣдко кто подходилъ. Праздникъ былъ вообще трогательный, торжественный, семейный, полный глубокаго смысла. Царь и народъ сходились въ общемъ ликованіи. Когда залы переполнялись, раздавалось громовое польское, и государь съ дворомъ выступалъ изъ внутреннихъ покоевъ. На мужчинахъ были накинуты сверхъ мундировъ легкія венеціанскія эпанчи. Дамы были въ кокошникахъ и русскихъ платьяхъ. Общее впечатлѣніе было великолѣпно, а видъ придворнаго ужина былъ даже волшебенъ. Польскій шествовалъ сперва по освѣщеннымъ картиннымъ галлереямъ и доходилъ до замыкающаго Эрмитажъ театра. Театръ былъ превращенъ въ сверкающій брилліантовый шатеръ изъ граненныхъ стеклушекъ, между собою плотно связанныхъ и освѣщенныхъ сзади. Магическій свѣтъ разливался по амфитеатру. Если я не ошибаюсь, эта декорація была придумана при императрицѣ Екатеринѣ II. Во время ужина играла музыка. Насъ водили внутренними лѣстницами изъ половины оберъ-гофмаршала въ зимній садъ Эрмитажа, откуда уже было удобно ходить любоваться красивѣйшими моментами вечера.

[1]) Графъ А. П. Шуваловъ женился на вдовѣ фельдмаршала князя Зубова и долгое время былъ оберъ-гофмаршаломъ высочайшаго двора. Братъ его женился на княжнѣ Салтыковой. Овдовѣвъ, онъ перешелъ въ католическую вѣру и скончался католическимъ монахомъ.

Вообще, придворные праздники того времени повторялись рѣдко, но отличались художественностью. Праздникъ, устроенный въ честь пріѣзда великой княгини Маріи Павловны, герцогини саксенъ-веймарской, ознаменовался даже изяществомъ невиданнымъ. Нѣкоторыя залы Зимняго дворца обратились въ галлереіи живыхъ картинъ. Въ Бѣлой залѣ (нынѣ Золотой), между колоннъ, поставлены были золотыя рамы, въ которыхъ первыя великосвѣтскія красавицы изображали произведенія великихъ живописцевъ. Въ другой залѣ сверкала во всю стѣну «Семья Дарія» Лебрена, въ третьей очаровывала прелестная картина Греза «Швеи». Все это заимствовано изъ сокровищъ Эрмитажа, такъ что живыя копіи могли соперничать съ безсмертными оригиналами. Мысль дѣйствительно глубоко художественная. Наконецъ, въ одной залѣ былъ поставленъ театръ, на которомъ исполнялись музыкальныя сцены, романсы въ лицахъ и большая шарада. Мы присутствовали на большой репетиціи—живо ее помню. Но еще живѣе помню, что въ этотъ вечеръ я испытывалъ первый ударъ моему самолюбію, первое мое разочарованіе, первое внушеніе, что въ жизни надо смиряться. Я долженъ былъ исполнить на сценѣ роль амура, и эту роль у меня отняли. Декорація представляла опочивальню Анакреона. Анакреонъ спалъ. Съ-бока стоялъ трубадуръ и стихами, сочиненными Жуковскимъ, объяснялъ публикѣ:

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Анакреонъ къ покою
Сомкнулъ уже глаза.

Тогда входилъ купидонъ, и начиналась сцена. Роль Анакреона исполнялъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ, а купидонъ былъ, увы! не я, какъ мнѣ было объявлено, а его сынъ Саша, нынѣ все еще красивый, но уже мастистый старецъ, отставной генералъ-лейтенантъ Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ-Прозоровскій. Я смутно понялъ, что я сдѣлался жертвою деспотизма и придворныхъ интригъ, хотя такихъ мудреныхъ словъ я еще и не зналъ. Въ особенности меня оскорбляла несправедливость: я обладалъ и голосомъ, и слухомъ, и драматическою смѣтливостью, а Голицынъ и до сего времени не въ состояніи спѣть простого романса. Впрочемъ, я скоро успокоился. Голицынъ былъ замѣчательно красивъ и ловокъ, что для купидона—условіе первой важности. Я же по своей нервности могъ оробѣть, сконфузиться и сдѣлать какую-нибудь

глупость. Слѣдовательно, все было къ лучшему. Пріязнь моя съ Голицынымъ не нарушилась и, благодаря Бога, продолжается уже около 60 лѣтъ. Отъ праздника осталось печатное описаніе съ литографіями.

Императрица Елисавета Алексѣевна вела жизнь уединенную по нездоровью. Объ ней почти не было слышно. Придворное оживленіе проявлялось только въ Павловскѣ, лѣтнемъ мѣстопребываніи вдовствующей императрицы Маріи Оедоровны. Государь былъ задумчивъ и мраченъ. Ему суждено было испытать вскорѣ еще новую скорбь отъ тяжкаго бѣдствія, постигшаго его сѣверную столицу. Я уже сказалъ, что мы жили на углу Дворцовой набережной и Мошкова переулка. Въ нашей жизни Нева играла, слѣдовательно, большую роль, и день нашъ располагался по ея норову. То развернется она бѣлою сахарною степью, и по ней играютъ лучи зимняго солнца. Это обозначало: дѣти, идите гулять. То вдругъ прозрачная лазуревая высь начинаетъ туманиться быстро бѣгающими синими валунами, разрывающимися въ лохмотья. Вѣтеръ стучится въ окна и воетъ въ печныя трубы. Бѣлыми бархатными пауками спускается на бѣлую равнину густая разсыпчатая занавѣсь. Вдругъ все завертѣлось, закружилось сверху внизъ, снизу вверхъ. На Невѣ разыгралась метель. Дѣти, сидите дома! За то въ свѣтлыя, какъ день, весеннія ночи какимъ очарованіемъ дышала Нева! Влажное и неподвижное ея зеркало, широко обрамленное дремлющими и въ водѣ отражающимися зданіями, далеко и спокойно тянулось къ заливу, сливаясь съ сонно-безмолвнымъ и гладко-ровнымъ небосклономъ. Много видалъ я впослѣдствіи и рѣкъ, и морей, и горъ бѣловершинныхъ, и степей безпредѣльныхъ. Ничто никогда не внушало мнѣ такого привольнаго чувства, какъ затишье Невы въ весеннюю ночь. И теперь не могу глядѣть на него безъ задумчиваго наслажденія.

Послѣ наводненія 7-го ноября, на Петербургъ легло томящее, свинцовое, все поглощающее уныніе. Другихъ рѣчей, другихъ заботъ не было какъ о кварталахъ приморскихъ, наиболѣе пострадавшихъ. Цѣлыя улицы представляли груды развалинъ и труповъ, надъ которыми раздавались вопли оставшихся безъ пищи и безъ пристанища. Широкая русская благотворительность нашла себѣ занятіе. Частыя подаянія, филантропическіе комитеты, офиціальныя мѣропріятія усердствовали неусыпно. Инженеры чертили проекты огромныхъ обводныхъ каналовъ и стоковъ для преграды новымъ бѣдствіямъ

Надъ этимъ общимъ порывомъ господствовало верховное сердоболіе все болѣе и болѣе опечаленнаго монарха. Дворъ и столица скорбѣли. Петербургъ былъ мраченъ. Здоровье государя внушало опасеніе. Лѣтомъ онъ выѣхалъ на югъ.

Живо помню, какъ однажды, когда мы пошли утромъ здороваться съ родителями, мы были свидѣтелями трогательной сцены. Отецъ громко рыдалъ. Мать занемогла и лежала въ постели, заливаясь слезами. Получено было извѣстіе, что государь скончался. Мы тоже начали плакать, не вѣря, чтобъ такой свѣтлый, ласковый взглядъ могъ померкнуть, такая привѣтливая улыбка помертвѣть. Въ годы дѣтства смерть кажется и несправедливостью и невозможностью, да и послѣ дѣтства много нужно передумать надъ ежечасно отверзающимися могилами, чтобъ убѣдиться въ неминуемости исчезновенія жизни. Роковое письмо, полученное императрицею Елисаветой Алексѣевной отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, начиналось словами: «Notre ange est au ciel». (Нашъ ангелъ на небесахъ.) Эти слова облетѣли мгновенно всю Россію. Они печатались въ некрологахъ, гравировались подъ портретами Благословеннаго и вырѣзывались на траурныхъ кольцахъ и медальонахъ съ изображеніемъ опочившаго. Прахъ императора слѣдовалъ изъ Таганрога въ Москву, гдѣ оставался нѣсколько дней, и прибылъ въ Чесму, откуда двинулся уже торжественнымъ погребальнымъ шествіемъ въ Петербургскую крѣпость. Отецъ мой участвовалъ въ распоряженіяхъ погребенія, совершавшагося въ холодный снѣжный день. За нимъ послѣдовало вскорѣ другое погребеніе. Кроткая, почти въ уединеніи жившая, императрица Елисавета Алексѣевна, сраженная горемъ, тихо отошла въ вѣчность за своимъ супругомъ.

Не долго пережила ихъ и вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна.

III[1]).

Павловскъ, привлекающій и нынѣ публику вокзаломъ, оркестромъ, дачами и прелестнымъ паркомъ, былъ во время оно собственностью и лѣтнимъ мѣстопребываніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Онъ имѣлъ видъ роскошнаго и цвѣтистаго оазиса, гдѣ со всѣхъ сторонъ чувствовалось присутствіе царственной владѣтельницы, бывшей у себя и за-

[1]) Изъ воспоминаній Н. П. Брусилова. «Ист. Вѣстн.» 1893.

ботливою помѣщицею, и гостепріимною хозяйкою, не уклоняясь, впрочемъ, отъ величія сана. При ея дворѣ соблюдались въ одно время и строгій этикетъ, и сердечное радушіе, такъ что въ Павловскѣ было и легко и привольно. Собственно для себя императрица отдѣлила только небольшой цвѣтникъ, примыкавшій къ дворцу, а затѣмъ всѣ сады, всѣ парки, всѣ павильоны, всѣ гуляпія, всѣ бесѣдки и шакаты были открыты для посѣтителей. На фермѣ и въ другихъ сельскихъ зданіяхъ стояли накрытые столы со многими явствами и чернымъ хлѣбомъ на случай, если гости проголодаются. Тутъ мы, дѣти, частенько лакомились. У розоваго павильона, густо обсаженнаго розами, стояли деревянныя горы для катанья, качели, гимнастическіе аппараты. И этимъ мы пользовались. Однажды, я даже вздумалъ сбѣжать съ деревянной горы, и въ то время, какъ бѣжалъ, на меня налетѣлъ молодой князь Василій Репнинъ въ колясочкѣ. Но я всегда умѣлъ не терять присутствія духа въ минуту опасности. На всемъ бѣгу я угораздился прыгнуть, и вмѣсто того, чтобъ переломить себѣ ноги, отдѣлался ушибомъ въ пятку. Въ самомъ павильонѣ раздавались звуки эоловой арфы, поставлено было фортепіано для любителей музыки, находились разныя книги и даже открытый альбомъ, гдѣ каждому посѣтителю дозволялось записывать свои мысли. Въ немъ и была записана прекрасная басня «Василекъ» И. А. Крылова, имъ написанная въ то время, когда онъ гостилъ въ Павловскѣ. Императрица Марія Ѳеодоровна любила, чтобъ у нея гостили. Насъ водили къ проживавшимъ у нея лѣтомъ двумъ старушкамъ, изъ коихъ одна престарѣлая и худая была Перекусихина, нѣкогда любимица и наперсница Великой Екатерины, другая дородная и величавая баронесса, впослѣдствіи графиня и княгиня Ливенъ, воспитательница великихъ княженъ. Другія двѣ старушки, находившіяся постоянно при императрицѣ,—статсъ-дама Наталья Ѳедотовна Плещеева и камеръ-фрейлина Катерина Ивановна Нелидова, нѣкогда оклеветанная и оставшаяся вѣрнымъ другомъ императрицы,—жили на своихъ дачахъ. Наконецъ, пятая старушка оставалась нѣсколько поодаль, но,тѣмъ не менѣе, пользовалась постоянно милостью ея величества. Нѣсколько разъ, въ теченіе лѣта, она приглашалась къ высочайшему столу, что всегда составляло чрезвычайное происшествіе. Я говорю про свою бабушку Архарову. Заблаговременно она въ эти дни наряжалась. Зеленый зонтикъ снимался съ ея глазъ и замѣнялся паричкомъ съ сѣдыми буклями подъ кружевнымъ чепцомъ съ бантиками. Ста-

рушка, грѣха таить нечего, немного подрумянивалась, особенно подъ глазами голубыми и весьма пріятными. Носъ ея былъ прямой и совершенно правильный. Лицо ея не перекрещивалось, не бороздилось морщинами, какъ заурядъ бываетъ у людей лѣтъ преклонныхъ. Оно было гладкое и свѣжее. Въ немъ выражалось спокойствіе, непоколебимость воли, совѣсти, ничѣмъ не возмущаемой, и убѣжденій, ничѣмъ не тревожимыхъ. Отъ нея, такъ сказать, сіяло привѣтливостью и добросердечіемъ, и лишь изрѣдка промелькивали по ея ласковымъ чертамъ мгновенныя вспышки, свидѣтельствовавшія, что кровь въ ней еще далеко не застыла, и что она принимала дѣйствительное участіе во всемъ, что около нея творилось. Изукрасивъ свой головной уборъ, она облекалась въ шелковый особой доброты халатъ или капотъ, къ которому на лѣвомъ плечѣ пришпиливалась кокарда Екатерининскаго ордена. Черезъ правое плечо перекидывалась старая желтоватая турецкая шаль, чуть ли не наслѣдственная. Затѣмъ ей подавали золотую табакерку, въ видѣ моськи, и костыль. Снарядившись ко двору, она шествовала по открытому коридору въ каретѣ. Провожали ее, ею любуясь, жившія у нея, старая полковница Александра Николаевна, сироты-дворянки Анна Николаевна и Анна Антоновна, старшая горничная Степанида, двѣ младшія горничныя—Аннушка кривая и Марѳуша рябая. Вѣчно мрачный калмыкъ Тулемъ и крошечный карапузикъ, морщинистый карликъ Василій Тимоѳеичъ, всегда вязавшій чулокъ и, насупившись, ворчавшій на насъ какъ бульдогъ за наши придирки, глядѣли на шествіе нѣсколько самодовольно, какъ будто и на ихъ долю приходилось нѣсколько почета. Впереди, суетился курносый дворецкій, Дмитрій Степановичъ, съ взъерошеннымъ хохломъ, въ бѣломъ жабо, округленномъ вѣеромъ подъ бѣлымъ галстукомъ. У кареты дожидались, въ трехъ-угольныхъ уродливыхъ шляпахъ два ливрейныхъ рослые лакея: бѣлый, какъ лунь, Ананій, годами старше бабушки и съ дѣтства при ней пребывавшій, и молодой парень Петръ, недавно привезенный изъ деревни. Бабушка садилась въ карету. Но, Боже мой, что за карета! Ее зналъ весь Петербургъ. Если я не ошибаюсь, она спаслась отъ московскаго пожара. Четыре клячи, въ упряжи простоты первобытной, тащили ее съ трудомъ. Форейторомъ сидѣлъ Ѳедотка... Но Ѳедотка давно уже сдѣлался Ѳедотомъ. Изъ ловкаго мальчика онъ обратился въ исполина и къ тому же любилъ выпить. Но должность его при немъ осталась навсегда, такъ какъ старые люди вообще, перемѣнъ не

любятъ. Кучеръ Абрамъ былъ болѣе приличенъ, хотя весьма худъ. Ливреи и армяки были сшиты на удачу изъ самаго грубаго сукна. На улицахъ, когда показывался бабушкинъ рыдванъ, прохожіе останавливались съ удивленіемъ, или весело улыбались, или снимали шапки и набожно крестились, воображая, что ѣдетъ прибывшій изъ епровинціи архіерей. Впрочемъ, бабушка этимъ нисколько не смущалась. Какъ ее ни уговаривали, она не соглашалась увеличить ничтожнаго оброка, получаемаго ею съ крестьянъ. «Оброкъ назначенъ,—отговаривалась она:—по волѣ покойнаго Ивана Петровича. Я его не измѣню. Послѣ меня дѣлайте, какъ знаете. Съ меня довольно! А пустыхъ затѣй я заводить не намѣрена».

Вся жизнь незабвенной старушки заключалась въ разумномъ согласованіи ея доходовъ съ природною щедростью. Долговъ у нея не было, напротивъ того, у нея всегда въ запасѣ хранились деньги. Бюджетъ соблюдался строго, согласно званію и чину, но въ обрѣзъ безъ всякихъ прихотей и непредвидѣнностей. Все, оставшееся, шло на подарки и добрыя дѣла. Порядокъ въ домѣ былъ изумительный, благодаря уму, твердости и разсчетливости хозяйки. Когда она говѣла, мы подслушивали ея исповѣдь. Къ ней пріѣзжалъ престарѣлый о. Григорій, священникъ домовой церкви князя Александра Николаевича Голицына. Оба были глухи и говорили такъ громко, что изъ сосѣдней комнаты все было слышно.

— Грѣшна я, батюшка,—каялась бабушка:—въ томъ, что я покушать люблю...

— И, матушка, ваше высокопревосходительство,—возражалъ духовникъ:—въ наши-то года оно и извинительно.

— Еще каюсь, батюшка,—продолжала грѣшница:—что я иногда сержусь на людей, да и выбраню ихъ порядкомъ.

— Да какъ же и не бранить-то ихъ,—извинялъ снова отецъ Григорій,—они вѣдь неряхи, пьяницы, негодяи... Нельзя же потакать имъ въ самомъ дѣлѣ.

— Въ картишки люблю поиграть, батюшка.

— Лучше, чѣмъ злословить,—довершалъ отецъ Григорій.

Этимъ исповѣдь и кончалась. Другихъ грѣховъ у бабушки не было. Но великая ея добродѣтель была въ ней та, что она никого не умѣла ненавидѣть и всѣхъ умѣла любить. Когда, какъ я разсказывалъ выше, она ѣздила въ Павловскъ на придворный обѣдъ, весь домъ ожидалъ нетерпѣливо ея возвращенія. Наконецъ, грузный рыдванъ вкатывался на дворъ. Старушка, нѣсколько колыхаясь отъ утомленія, шла, упираясь

на костыль. Впереди выступалъ Дмитрій Степановичъ, но уже не суетливо, а важно и благоговѣйно. Въ каждой рукѣ держалъ онъ тарелку, наложенную фруктами, конфектами, пирожками— все съ царскаго стола. Когда во время обѣда обносился десертъ, старушка не церемонилась и, при помощи сосѣдей, наполняла двѣ тарелки лакомою добычею. Гофъ-фурьеръ зналъ, для чего это дѣлалось, и препровождалъ тарелки въ пресловутый рыдванъ. Возвратившись домой, бабушка разоблачалась, надѣвала на глаза свой привычный зонтикъ, нарядный капотъ замѣнялся другимъ, болѣе поношеннымъ, но всегда шелковымъ, и садилась въ свое широкое кресло, передъ которымъ ставился столъ съ бронзовымъ колокольчикомъ. На этотъ разъ къ колокольчику приставлялись и привезенныя тарелки. Начиналась раздача въ порядкѣ родовомъ и іерархическомъ. Мы получали плоды отборные, персики, абрикосы и фиги, и ѣли почтительно и жадно. И никто въ домѣ не былъ забытъ, такъ что и Аннушка кривая получала конфекту, и Тулемъ удостоивался кисточкою винограда, и даже карликъ Василій Тимоѳеичъ откладывалъ чулокъ и взыскивался сахарнымъ сухарикомъ. Когда я объ этомъ припоминаю, меня разбираетъ смѣхъ, и въ то же время на глаза навертываются слезы. Сколько наивнаго добродушія, сколько трогательной сердечности прошедшаго быта погибло теперь навсегда. Отличительною чертою бабушки была неизмѣнность въ убѣжденіяхъ и привычкахъ. Никакихъ колебаній она не допускала и при всей своей гуманности относилась строго къ людямъ предосудительнаго поведенія. Когда рѣчь касалась человѣка безнравственнаго, она принимала строгій видъ и объявляла рѣзкій приговоръ. «Негодяй,—говорила она,—развратникъ»... а потомъ, наклонившись къ уху собесѣдника или собесѣдницы, присовокупляла шопотомъ: «Galant»!.. Это было послѣднее слово порицанія. Сама она была, такъ сказать, ковчегомъ патріархальности и въ домѣ не допускала никакого отступленія отъ заведеннаго порядка. Само собою разумѣется, что она соблюдала церковныя правила, постилась по уставу, молилась въ урочное время, ѣздила въ приходскую церковь, пока хватило силъ. Вечернія службы совершались у нея на дому. Даже заутреня передъ Свѣтлымъ праздникомъ заблаговременно торжествовалась въ ея гостиной. Являлся престарѣлый отецъ Григорій съ дьячкомъ. Мы подходили къ его благословенію и спрашивали изъ шалости:

Неужели Христосъ воскресъ такъ рано?

— Воскресъ, дѣти,—говоритъ старецъ улыбаясь,—воскресъ, во всякое время воскресъ. Затѣмъ онъ облачался и обходилъ всѣ комнаты съ крестомъ. Во время службы не только всѣ члены семейства, но и настоящіе, и мнимые родственники и всѣ слуги обязывались находиться на лицо. Подлѣ бабушки становился Дмитрій Степановичъ, держа въ рукахъ блюдо съ нагроможденными на немъ красными яйцами. Не были забыты ни калмыкъ, ни карликъ, ни Аннушка косая, ни рослый форейторъ Ѳедотъ, ни всегда пьяный поваренокъ Ефимъ. При появленіи послѣдняго, и когда онъ лѣзъ цѣловаться съ бабушкой, старушка его останавливала и, взглянувъ на него грозно, говорила:

— А ты все пьянствуешь! Смотри, лобъ забрѣю. Въ солдаты отдамъ. Домъ срамишь. Побойся хоть Бога. Слышишь, что ли?

— Слушаю,—мычалъ Ефимка.

— То-то же,—добавляла бабушка.—Такъ помни же... Христосъ воскресе.

И она три раза цѣловала лоснящуюся рожу Ефимки и вручала ему яичко... а Ефимка продолжалъ пьянствовать и никогда въ солдаты отданъ не былъ.

Старушка любила, чтобъ ей читали русскіе романы. «Юрій Милославскій» ей очень понравился, но, когда герой подвергался опасности, она останавливала чтеніе съ просьбой: «Если онъ умретъ—вы мнѣ не говорите». Смерти она очень страшилась, а между тѣмъ скончалась съ необыкновенною твердостью. Когда она уже была при послѣднемъ издыханіи, ей доложили, что ее желаетъ видѣть богомолка Елисавета Михайловна Кологривова, сестра князя А. М. Голицына.

— Не надо...—отвѣчала умиравшая.—Она пріѣхала учить меня, какъ надо умирать. Я и безъ нея съумѣю.

И дѣйствительно она опочила какъ праведница и память о себѣ оставила свѣтлую.

И теперь, когда столько лѣтъ уже прошло послѣ ея кончины, мнѣ все еще отрадно припомнить мельчайшія подробности ея глубоко поучительнаго и сердечно-наивнаго существованія.

Для утреннихъ прогулокъ у бабушки была низенькая телѣжка или таратайка безъ рессоръ и съ сидѣньемъ для кучера. Выкрашенная въ желтую краску, она была похожа на длинное кресло, запрягалась въ одну лошадь изъ вороной инвалидной четверни и, разумѣется, слѣдовала тихимъ шагомъ. Отецъ мой, всегда подшучивавшій надъ бабушкой, за что она,

впрочемъ, никогда не сердилась прозвалъ эту диковинную таратайку «труфиньономъ». Труфиньонъ имѣлъ значеніе легендарное, какъ принадлежность Павловска. И нѣкоторые доживающіе нынѣ мои современники вѣрно вспомнятъ о немъ съ удовольствіемъ. Труфиньонъ употреблялся не для одного катанья... Онъ служилъ и другимъ цѣлямъ. Во-первыхъ, онъ направлялся къ рощамъ, окружавшимъ Павловскъ, и въ мѣстахъ хорошихъ останавливался. Старушка брала изъ предосторожности возжи въ руки, хотя опасности отъ клячи не предвидѣлось, а кучеръ Абрамъ слѣзалъ съ козелъ и шелъ бродить, нагнувшись, въ чащѣ деревьевъ. Вдругъ раздавалось его радостное восклицаніе:

— Березовикъ, ваше высокопревосходительство.

— Смотри еще!—кричала бабушка.

Находка бѣлаго гриба была торжествомъ. Жатва укладывалась въ корзиночку, а, при возвращеніи домой, грибы отсылались на кухню съ приказаніемъ—изжарить ихъ къ обѣду въ сметанѣ на сковородкѣ. За обѣдомъ возникалъ другой эпизодъ. Грибы казались заманчивыми и вкусными. Но какъ только бабушка за нихъ принималась, вокругъ стола подымался семейный протестъ. Затѣмъ она, немного поспоривъ, уступала голосу разсудка и нехотя возвращала искусительную тарелку тоже встревоженному Дмитрію Степановичу. Прогулка въ труфиньонѣ служила тоже и для визитовъ, визитовъ весьма оригинальныхъ, въ виду приглашеній или справокъ. Подъѣдетъ бабушка къ знакомымъ и велитъ Абраму вызвать хозяевъ или, въ случаѣ ихъ отсутствія, слугу.

— Скажи, что старуха Архарова сама заѣзжала спросить, что дескать вы старуху совсѣмъ позабыли, а у нея завтра будутъ: ботвинья съ свѣжей рыбой и жареный гусь, начиненный яблоками. Такъ не пожалуютъ ли откушать.

И труфиньонъ двигался далѣе, заѣзжая къ больнымъ для свѣдѣнія о здоровьѣ, къ бѣднымъ для подаянія помощи, къ сиротамъ для узнанія объ ихъ поведеніи. Много слыхалъ я и читалъ впослѣдствіи о гуманности,—но гуманность воплощенную, безъ хитрости и причудъ, я видѣлъ только въ старой женщинѣ, далеко не образованной, но твердо умной и всецѣло преданной любви къ человѣчеству. Ей-то я обязанъ, что до сего времени люблю человѣчество, хотя самые люди все болѣе и болѣе отучивали меня ихъ любить. Теперь мнѣ кажется, что безъ патріархальности не можетъ быть гуманности иначе какъ на словахъ.

Павловскъ представлялъ, впрочемъ, для Архаровой нѣкоторыя неудобства. Во-первыхъ, столовая была слишкомъ мала. Широкому хлѣбосольству ставился по необходимости предѣлъ. Дача была просторная: боковые одно-этажные флигеля, въ видѣ покоя, вмѣщали съ одной стороны покои бабушки, съ другой стороны семейство Александры Ивановны Васильчиковой, нашей тетки. Поперекъ флигелей стояла большая теплица, но ее пришлось измѣнить на общую пріемную, между двухъ комнатъ и съ надстройкою въ видѣ мезонина. Числительность населенія въ домѣ была изумительна. Тутъ копошились штатъ Архаровскій, и штатъ Васильчиковскій, и разные пріѣзжіе, и даже постоянные гости, особенно изъ молодыхъ людей. Я уже говорилъ, что Архарова своей родни и счетъ потеряла. Бывало пріѣдетъ изъ захолустья помѣщикъ и прямо къ ней.

— Я къ вамъ, матушка Катерина Александровна, съ просьбой.

— Чѣмъ, батюшка, могу служить? Мы съ тобой не чужіе. Твой дѣдъ былъ внучатымъ моему покойному Ивану Петровичу по первой его женѣ. Стало быть свои. Чѣмъ могу тебѣ угодить?

— А вотъ что, Катерина Александровна. Дѣтки подросли. Воспитаніе въ губерніи вы сами знаете какое. Вотъ я столько наслышалъ о вашихъ милостяхъ, что дѣтокъ съ собой привезъ, авось Богъ поможетъ пристроить въ казенное заведеніе.

— На казенный счетъ?—спрашивала бабушка.

— Конечно, хорошо бы. Урожаи стали ужъ очень плохи.

— Родня, точно родня, близкая родня,—шептала между тѣмъ бабушка.—Я и бабку твою помню, когда она была въ дѣвкахъ. Они жили въ Москвѣ. Да скажи на милость, правду ли я слышала, что будто Петрушѣ Толстому пожалована Андреевская лента? А вотъ еще вчера, кажется, онъ ползалъ по полу безъ штанишекъ. Что жъ, похлопотать можно. А тамъ ты ужъ не безпокойся. Да вотъ что... пріѣзжай-ка завтра откушать. Не побрезгай моей кулебяки... да дѣтокъ съ собой привези. Мы и познакомимся.

И на другой день помѣщикъ пріѣзжалъ съ дѣтками, и черезъ нѣсколько дней дѣтокъ уже называли Сашей, Катей, Дуней и журили ихъ, если они тыкали себѣ пальцы въ носъ, и похваливали ихъ умницами, если они вели себя добропорядочно. Затѣмъ они разсовывались по разнымъ воспитательнымъ заведеніямъ, и помѣщикъ уѣзжалъ во свояси, благодарный и

твердо увѣренный, что Архарова не морочила его пустыми словами и свѣтскими любезностями, и что она дѣйствительно будетъ наблюдать за его дѣтьми. Такъ и было. Мальчики обязывались къ ней являться по воскресеньямъ и по праздничнымъ днямъ и въ вакантныя времена, чтобъ не дать имъ возможности избаловаться на свободѣ. Замѣчательно, что такая обязанность исполнялась аккуратно и многихъ спасла отъ возможныхъ сумасбродствъ. Архарова относилась весьма серьезно къ своимъ заботамъ добровольнаго попечительства. И въ Павловскѣ онѣ не забывались, но въ Петербургѣ принимали еще большіе размѣры, и сплошь да рядомъ происходили визиты по учебнымъ заведеніямъ. Подъѣдетъ рыдванъ къ кадетскому корпусу, и Ананій отправляется отыскивать начальство. «Доложите, что старуха Архарова сама пріѣхала и проситъ пожаловать къ ея каретѣ». Начальникъ тотчасъ же является охотно и почтительно. Бабушка сажала его въ карету и начинала разспросы. Это называла она—дѣлать визиты. Рѣчь шла, разумѣется, о родственникѣ или родственникахъ, объ ихъ успѣхахъ въ наукахъ, объ ихъ поведеніи, объ ихъ здоровьѣ, а затѣмъ призывались и родственники и въ карету, и на домъ. Достойные удостоивались похвалы, виновные наказывались выговоромъ и угрозой написать отцу или матери. Однажды, мой отецъ получилъ письмо изъ Вильны отъ незнакомаго ему однофамильца Соллогуба. Въ письмѣ выражалась просьба—оказать покровительство его двумъ сыновьямъ для поступленія на службу. Меньшой Юстинъ опредѣлился въ отдаленный кавалерійскій полкъ и уѣхалъ. Старшій Просперъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и остался въ Петербургѣ. Бабушка разсудила, что онъ однофамилецъ ея зятя, слѣдовательно, не чужой,—и потому Просперъ былъ включенъ въ число молодыхъ родственниковъ и получилъ приказаніе являться по праздникамъ. Человѣкъ тихій, хорошій служака, всѣми уважаемый, Просперъ Соллогубъ повиновался такъ же радушно, какъ радушно ему было объявлено предложеніе и, до самой кончины бабушки, онъ, чуть ли уже не въ чинѣ генерала, являлся въ урочные дни къ своей престарѣлой родственницѣ.

Въ Павловскѣ учебныхъ заведеній не было. Но въ Царскомъ Селѣ въ дворцовомъ флигелѣ славился на всю Россію знаменитый лицей, гдѣ воспитывался Пушкинъ, Дельвигъ, князь Горчаковъ и многія другія замѣчательныя личности. Въ Софіи процвѣталъ лицейскій пансіонъ, и въ немъ у бабушки было

нѣсколько родственниковъ. Помню, во-первыхъ, долговязаго и оригинальнаго Алексѣя Каверина, родственника московскаго; Александра и Евгенія Самсоновыхъ, родственниковъ ярославскихъ, сердечныхъ товарищей. Всѣ трое жили у бабушки во время лѣтнихъ вакацій, но какъ и гдѣ помѣщались они, объяснить не берусь. Пріѣзжали Костя Булгаковъ, геніальный повѣса, прошутившій блистательныя способности; Розенъ, Стрекаловъ, Алопеусъ и многіе, многіе другіе. Въ Павловскѣ мы скуки не знали. Мы вели знакомство, хотя не интимное, съ дѣтьми Н. М. Карамзина. Имъ были сшиты камлотовые оранжеваго цвѣта кафтанчики, отороченные чернымъ бархатомъ, что казалось мнѣ послѣднимъ выраженіемъ щегольства, даже возбуждало во мнѣ зависть. Встрѣчались мы и съ Лонгиновыми. Но земнымъ раемъ казалась намъ въ Царскомъ Селѣ дача князя Ѳ. С. Голицына. Жизнь шла въ ней богато, раздольно, привѣтливо, раздробляясь въ 3-хъ или 4-хъ домахъ, расположенныхъ около сада, приспособленнаго къ играмъ и удовольствіямъ. Чего тутъ не было: лодочки на пруду, и сѣти, и качели, и гимнастики, и лошади, и лошадки, и всего не припомню. Хозяевами-товарищами были собственно пять молодцовъ, веселыхъ, ловкихъ сыновей отъ велика до мала. Старшій былъ Саша, отбившій у меня роль Амура на придворномъ праздникѣ, второй Сережа, нечаянно застрѣлившійся на охотѣ, третій Давыдъ, погибшій на переправѣ. Константинъ и Борисъ здравствуютъ[1]).

Отъ всего этого времени осталось въ моей памяти какое-то тихое, радужное впечатлѣніе. Не помню, учились ли мы въ Павловскѣ. Но должно быть, что учились, потому что къ намъ приставленъ былъ замѣнившій уѣхавшаго по слабости здоровья симпатичнаго m-r Lalance, другой гувернеръ, тоже французъ, m-r Charrière.

Послѣ Нарышкинской дачи мы занимали дачу князя Волхонскаго, близъ крѣпости. Садъ былъ большой и ягодъ было въ немъ много. По сосѣдству мы познакомились съ Евгеніемъ Штеричемъ. Поводомъ къ нашему знакомству послужило слѣдующее обстоятельство. Сестра нашего гувернера m-r Charrière была замужемъ за гувернеромъ Штерича, m-r Ferry de Pigny. Оба сходились на Фонтанкѣ въ квартирѣ старухи m-me Charrière, вышедшей замужъ за стараго m-r Bradt, и водили къ

[1]) Кромѣ ихъ, были еще двѣ дочери: Юлія, вышедшая замужъ за князя Куракина, и Александра, скончавшаяся въ малыхъ лѣтахъ.

нимъ своихъ воспитанниковъ. У нихъ мы исполняли отрывки изъ Расиновской трагедіи Athalie, въ костюмахъ.

Штеричъ былъ единственнымъ сыномъ почтенной Серафимы Ивановны, не чаявшей въ немъ души, и оказывалъ большія способности, какъ піанистъ. У него гостилъ въ Павловскѣ молодой человѣкъ, поразившій меня своею оригинальностью. Онъ отличался весьма малымъ ростомъ и своеобразною физіономіею, то далеко не красивою, то увлекательною. Черноволосый, съ короткимъ крупнымъ и прямымъ носомъ, съ выдвинутымъ подбородкомъ, онъ закидывалъ постоянно голову назадъ, носомъ вверхъ, по инстинктивному желанію казаться выше. Затѣмъ привычнымъ жестомъ онъ засовывалъ палецъ за скважину жилета подъ мышкой, что еще болѣе его выпрямляло. Всего поразительнѣе въ немъ оказывались глазки, то неподвижные и задумчивые, то сверкавшіе искрами, то расширявшіеся и глубоко торжественные подъ напіемъ вдохновенія сверхъестественнаго. Онъ обыкновенно молчалъ или шутилъ довольно рѣдко, на семинарскій ладъ. Часто садился онъ за фортепіано и погружался весь въ игру свою, не видя и не зная, что около него творилось. Мы, дѣти, едва переводили дыханіе и какъ-то изумленно и испуганно его слушали. Тогда онъ начиналъ пѣть. Голосъ его былъ глухой, слабый, непріятный. Сперва онъ шепталъ говоркомъ съ оттѣнкомъ выраженія, которое я, конечно, началъ понимать только послѣ; потомъ, мало-по-малу оживляясь, переходилъ чуть не въ иступленіе и выкрикивалъ высокія ноты съ натугою, съ неистовствомъ, даже съ болью. Потомъ онъ вставалъ съ мѣста, заливался дѣтскимъ смѣхомъ и, засунувъ палецъ за жилетъ и закинувъ голову, начиналъ ходить пѣтушкомъ, спрашивая: «А каковъ былъ грудной si bemol?»

Хотя мы жили отдѣльно, но находились почти постоянно на Архаровской дачѣ, всегда оживленной и привѣтливой. Старуха не любила отпускать насъ безъ обѣда. Эти обѣды мнѣ хорошо памятны. За столъ садились въ пять часовъ, по старшинству. Кушанья подавались по преимуществу русскія, нехитрыя и жирныя, но въ изобиліи. Кваса потреблялось много. Вино, изъ рукъ вонъ плохое, ставилось какъ рѣдкость. За столъ никто не садился, не перекрестившись. Блюда подавались отъ бабушки въ перепрыжку, смотря по званію и возрасту. За дессертомъ хозяйка сама наливала нѣсколько рюмочекъ малаги или люнеля и подчивала ими гостей и тѣхъ изъ домашнихъ, которыхъ хотѣла отличить. Затѣмъ Дмитрій Степановичъ

подавалъ костыль. Она подымалась, крестилась и кланялась на обѣ стороны, приговаривая неизмѣнно: «Сыто, не сыто... а за обѣдъ почтите. Чѣмъ Богъ послалъ». Не любила она, чтобъ кто-нибудь уходилъ тотчасъ послѣ обѣда. «Что это,— замѣчала она, нѣсколько вспыливъ:—только и видѣли. Точно пообѣдалъ въ трактирѣ»... Но потомъ тотчасъ же смягчала свой выговоръ. «Ну, уже Богъ тебя проститъ на сегодня. Да, смотри, не забудь въ воскресенье. Потроха будутъ». Послѣ обѣда она иногда каталась въ придворной линейкѣ, предоставленной въ ея распоряженіе, но, большею частью, на линейку сажали молодежь, а сама раскладывала граппасьянсъ, посадивъ подлѣ себя на кресла злую моську, отличавшуюся висѣвшимъ отъ старости языкомъ.

При этомъ она разсказывала о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, объ ужасахъ бывшей въ Москвѣ чумы, когда замаскированные и въ кожу обернутые люди разъѣзжали по вымершимъ кварталамъ и подбирали трупы. Самъ преосвященный Амвросій пріѣзжалъ къ намъ въ домъ наканунѣ своей лютой смерти. Народъ растерзалъ его за то, что онъ скрылъ чудотворную икону съ цѣлью прекратить стеченіе богомольцевъ, распространявшихъ заразу. Амвросія она хорошо помнила. Сама она родилась 12 іюля 1752 года въ день гибели Лиссабона и рожденія французской королевы Маріи-Антуанетты.

О мужѣ своемъ Иванѣ Петровичѣ Архаровѣ она говорила съ глубокимъ чувствомъ. Онъ, тоже, какъ кажется, былъ вполнѣ добрымъ, честнымъ, простымъ и откровеннымъ человѣкомъ. О немъ я слышалъ въ семьѣ двѣ забавныхъ выходки. Встрѣтивъ на старости товарища юности, много десятковъ лѣтъ имъ не видѣннаго, онъ всплеснулъ руками, покачалъ головою и воскликнулъ невольно: «Скажи мнѣ, другъ любезный, такъ ли я тебѣ гадокъ, какъ ты мнѣ?» Онъ имѣлъ слабость притворяться, что хорошо знаетъ французскій языкъ, хотя не зналъ его вовсе. Пріѣзжаетъ къ нему однажды старый пріятель съ двумя рослыми сыновьями, для образованія коихъ денегъ не щадили. «Я,—говоритъ онъ,—Иванъ Петровичъ, къ тебѣ съ просьбою. Проэкзаменуй-ка моихъ парней во французскомъ языкѣ. Ты вѣдь дока»... Иванъ Петровичъ подумалъ, что молодыхъ людей кстати спросить объ ихъ удовольствіяхъ, и сообразилъ фразу: «Messieurs, comment vous divertissez-vous?» но брякнулъ: «Messieurs, quoique vous averti». Юноши остолбенѣли. Отецъ сталъ бранить ихъ за то, что ничего не знаютъ, даже такой бездѣлицы, что онъ обманутъ, и деньги

его пропали, но Иванъ Петровичъ утѣшилъ его заявленіемъ, что самъ виноватъ, обратившись къ молодымъ людямъ съ вопросомъ еще слишкомъ мудренымъ для ихъ лѣтъ. Сама бабушка говорила иногда на французскомъ языкѣ собственнаго произведенія. Объ Иванѣ Петровичѣ, какъ я уже замѣтилъ, бабушка всегда говорила съ любовью еще не угасшею, но объ его братѣ, Николаѣ Петровичѣ, она говорила съ гордостью. Николай Петровичъ считался геніемъ исчезнувшаго рода. И дѣйствительно онъ былъ, какъ кажется, человѣкомъ вполнѣ государственнымъ. Императрица Екатерина II высоко его цѣнила какъ администратора, и нѣсколько собственноручныхъ писемъ государыни къ нему сохранялись у бабушки. Онъ занималъ поочередно должности оберъ-полиціймейстера въ Москвѣ и въ Петербургѣ и намѣстника въ Твери. Объ немъ осталось слѣдующее преданіе. Въ то время, какъ онъ управлялъ полиціею въ Москвѣ, въ Петербургѣ приключилась значительная покража серебряной утвари. По розысканіямъ возникло подозрѣніе, что похищенныя вещи направлены въ Москву, о чемъ немедленно и былъ увѣдомленъ Архаровъ. Но онъ отвѣчалъ, что серебро не было вовсе привезено въ Москву и находится въ Петербургѣ ьъ подвалѣ подлѣ дома оберъ-полиціймейстера. Тамъ оно и найдено.

Бабушка разсказывала тоже иногда про Архаровскій полкъ, но что она разсказывала, къ сожалѣнію, не могу припомнить. Если не ошибаюсь, шефомъ полка былъ Иванъ Петровичъ, а не Николай Петровичъ, и въ строю считалось до 4000 человѣкъ. Но когда полкъ былъ сформированъ и когда упраздненъ, принадлежалъ ли онъ къ войскамъ регулярнымъ или къ милиціи, отчего онъ былъ Архаровскій, чѣмъ ознаменовалъ свою дѣятельность, всѣ эти свѣдѣнія мнѣ неизвѣстны, хотя, можетъ быть, отыщутся безъ труда въ архивахъ. Достовѣрно то, что память объ архаровцахъ долго хранилась въ преданіяхъ Москвы и, быть можетъ, еще не исчезла совсѣмъ въ припоминаніяхъ нѣкоторыхъ старожиловъ.

День бабушкинъ неизмѣнно заключался игрою въ карты. Не даромъ каялась она отцу духовному. Картишки она дѣйствительно любила, и на каждый вечеръ партія была обезпечена. Только партія лѣтняя отличалась отъ партіи зимней. Зимой избирались бостонъ, вистъ, реверсы, ломберъ, а впослѣдствіи преферансъ. Лѣтомъ игра шла лѣтняя, дачная, легкая: мушка, брелакъ, куда и насъ допускали по пятачку за ставку, что насъ сильно волновало. Въ одиннадцать часовъ

вечеръ кончался. Старушка шла въ спальню, долго молилась передъ кіотомъ. Ее раздѣвали, и она засыпала сномъ ребенка. Въ постели она оставалась долго. Утромъ диктовала письма своему секретарю Аннѣ Николаевнѣ и обыкновенно въ нихъ кое-что приписывала подъ титлами своей рукою. Потомъ она принимала доклады, сводила аккуратно счеты, выдавала изъ разныхъ пакетовъ деньги, заказывала обѣдъ и по приведеніи всего въ порядокъ одѣвалась, молилась и выходила въ гостиную и въ садъ любоваться своими розами. И день шелъ, какъ шелъ вчера, какъ долженъ былъ итти завтра. Являлись и трюфиньонъ, и грибы, и визиты, и гости, и угощеніе, и брелакъ. Въ этой нѣсколько затхлой, старческой атмосферѣ все дышало чѣмъ-то сердечно невозмутимымъ, убѣжденно спокойнымъ. Жизнь казалась доживающимъ отрывкомъ прошедшихъ временъ, прошедшихъ нравовъ, испарявшейся идилліей быта патріархальнаго, исчезавшаго навсегда. Архарова ни въ комъ не заискивала, никого не ослѣпляла, жила, такъ сказать, въ сторонѣ отъ общественной жизни, а между тѣмъ пользовалась общимъ уваженіемъ, общимъ сочувствіемъ. И старый, и малый, и богатый, и бѣдный, и сильный, и темный являлись къ ней, и домъ ея никогда не оставался безъ посѣтителей. Особенно выдавались два дня въ году: зимой въ Петербургѣ, 24 ноября, въ Екатерининъ день, а лѣтомъ въ Павловскѣ, 12 іюля, въ день рожденія старушки... Тутъ по недостатку помѣщенія въ комнатахъ гости собирались въ саду и толпились по дорожкамъ, обсаженнымъ розами разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Вдругъ въ саду происходило смятеніе. Къ бабушкѣ летѣлъ стрѣлой Дмитрій Степановичъ. Старушка какъ будто пораженная событіемъ, повторявшимся, впрочемъ, каждый годъ, поспѣшно подзывала къ себѣ все свое семейство и направлялась цѣлою группою къ дверямъ сада, въ то время какъ снаружи приближалась къ ней другая группа. Впереди шествовала императрица Марія Ѳеодоровна, нѣсколько дородная, но высокая, прямая, величественная, въ шляпѣ съ перьями, оттѣнявшими ея круглое и, не смотря на годы, свѣжее, румяное и красивое лицо. Царственная поступью, привѣтливая улыбкою, она, какъ мнѣ казалось, сіяла, хотя я не зналъ, что Россія была ей обязана колоссальными учрежденіями воспитательныхъ домовъ, ломбардовъ и женскихъ институтовъ. Она держала за руку красиваго мальчика въ гусарской курточкѣ, старшаго сына великаго князя Николая Павловича, поздравляла бабушку и ласково разговаривала съ присутствовавшими. Бабушка была

тронута до слезъ, благодарила за милость почтительно, даже благоговѣйно, но никогда не доходила до низкопоклонства и до забвенія самодостоинства. Говорила она прямо, открыто, откровенно. Честь была для нея, конечно, великая, но совѣсть въ ней была чистая, и бояться ей было нечего. Посѣщеніе продолжалось, разумѣется, недолго. Императрицѣ подносили букетъ наскоро сорванныхъ лучшихъ розъ, и она удалялась, сопровождаемая собравшеюся толпою. На другой день, бабушка ѣздила во дворецъ благодарить снова, но долго затѣмъ разсказывала поочередно всѣмъ своимъ гостямъ о чрезвычайномъ отличіи, коего она удостоилась. «Этимъ я обязана»,—заключала она,—«памяти моего покойнаго Ивана Петровича».

Молодой великій князь, державшій императрицу за руку, былъ призванъ принять впослѣдствіи многотрудный и многосвѣтлый санъ русскаго императора подъ именемъ Александра II. Онъ тоже гостилъ лѣтомъ у своей бабки вмѣстѣ съ сестрами, великими княжнами. Великія княжны жили въ Александровскомъ деревянномъ дворцѣ, примыкающемъ къ парку со стороны вольеры. Великій князь помѣщался въ кругломъ флигелѣ, нынѣ по ветхости разобранномъ. Товарищемъ его игръ были старшій Мердеръ, сынъ наставника его высочества, и недолго жившій Фредерици, сынъ павловскаго коменданта Фредерици, дожившаго въ Дерптѣ до глубокой старости. Впослѣдствіи прибавились Паткуль, Александръ Адлербергъ и Іосифъ Віельгорскій, скончавшійся въ молодыхъ лѣтахъ. Тутъ были и сошки, и ружья, и будки, и дѣтскія боевыя потѣхи, но главнымъ удовольствіемъ царственнаго ребенка была прелестная сѣрая въ яблокахъ лошадка. Живо помню, какъ онъ ѣздилъ на ней шагомъ по боковой аллеѣ проложеннаго ко дворцу широкаго пути. Лошадку велъ подъ уздцы конюхъ, а о-бокъ шла заботливая дюжая нянька. Шествіе замыкалось толпою любопытствовавшихъ. Прошло болѣе полвѣка, но покойный государь не забылъ своей лошадки. Въ послѣднюю турецкую кампанію, въ Горномъ Студенѣ, въ то время, когда гудѣла плевненская канонада, его величество изволилъ за обѣдомъ въ общемъ шатрѣ ее припомнить и заявить, что она долго бережно сохранялась при Зимнемъ дворцѣ, гдѣ и издохла отъ старости.

Въ Александровскомъ дворцѣ повторялись довольно часто дѣтскіе балы, на которые братъ и я получали приглашенія. На этихъ балахъ я началъ даже отличаться нѣкоторою ловкостью въ мазуркѣ. Къ сожалѣнію, эта ловкость впослѣдствіи исчезла.

II. Московское барство.

I [1]).

10 Февраля, Пятница. Кузины наши С—вы и к—ны Б—я возили меня вчера на балъ къ Петру Тимоѳеевичу Бородину, откупщику и одному изъ московскихъ крезовъ. Я охотно поѣхалъ, не для танцевъ, которыхъ, по застѣнчивости моей, терпѣть не могу, а такъ изъ любопытства. Что за жаръ и духота! Прыгали до разсвѣта. Много было хорошенькихъ личекъ, но только съ начала бала, а съ 11 часовъ и особенно послѣ ужина, эти хорошенькія личики превратились въ какія-то вакханскія физіономіи отъ усталости и невыносимой духоты; волосы развились и разсыпались, украшенія пришли въ безпорядокъ, платья обдергались, перчатки промокли, и проч. и проч. Какъ ни суетились маменьки, тетушки и бабушки приводить въ порядокъ гардеробъ своихъ дочекъ, племянницъ и внучекъ, для чего нѣкоторыя по временамъ выскакивали изъ-за бостона, но не успѣвали: танцы слѣдовали одинъ за другимъ безпрерывно, и ни одна изъ жрицъ Терпсихоры не хотѣла сойти съ паркета. Меня увѣряли, что если дѣвушка пропускаетъ танцы, или на какой изъ нихъ не ангажирована, то это ведетъ къ какимъ-то заключеніямъ. Правда ли это? Ужъ не оттого ли иныя maman безпрестанно ходили по кавалерамъ, особенно пріѣзжимъ офицерамъ, и приглашали ихъ танцовать съ дочерьми: «*Батюшка, съ моей-то потанцуй!*» Многія не разъ подходили и ко мнѣ, но меня спасли кузина Александрина съ Ариною Петровной. «*Il ne danse pas, madame; c'est un campagnard, qui ne vient au bal que pour manger des glaces*» [2]). Проказницы! Въ кабинетѣ хозяина кипѣла чертовская игра: на двухъ большихъ круглыхъ столахъ играли въ банкъ. Отъ роду не видывалъ столько золота и ассигнацій. На одномъ столѣ банкъ метали князь Ш.., К..., Ч... и Р... поперемѣнно. На другомъ братья Дурновы... М... и Р... Понтировали много извѣстныхъ людей. Какой-то К*** проигралъ около пяти тысячъ р., очень хладнокровно вынулъ деньги, заплатилъ и отошелъ какъ ни въ чемъ не бывалый. Я думалъ, что онъ милліонеръ; но мнѣ сказали, что у него не болѣе 200 душъ въ Вологдѣ. Какъ удивился я, встрѣтивъ Димлера съ мѣломъ въ рукахъ, записывающаго выигрышъ

[1]) Изъ записокъ С. П. Жихарева. М. 1890.

[2]) Онъ, сударыня, не танцуетъ; это деревенскій житель, появляющійся на балахъ для того только, чтобы ѣсть мороженое.

вмѣсто банкомета. Говорятъ, что онъ въ чести у Дурновыхъ. Видно, это выгоднѣе, чѣмъ давать уроки на фортепіано.

Угощеніе было на славу. Несмотря на раннюю пору, были оранжерейные фрукты, грушъ и яблокъ бездна, конфектовъ груды, прохладительнымъ и счету нѣтъ, а объ ужинѣ и говорить нечего. Что за осетръ, стерляди, что за сливочная телятина и гречанки-индѣйки[1]). Богъ вѣсть чего не было! Шампанское лилось какъ вода: мнѣ кажется, болѣе ста бутылокъ было выпито. Хозяинъ подходилъ къ каждому и приглашалъ покушать. Самъ онъ былъ нѣсколько навеселѣ. Хозяйка не показывалась: она не выходитъ въ дни большихъ собраній; дамъ принимала хозяйская дочь, молодая княгиня Касаткина-Ростовская, недавно вышедшая замужъ[2]).

Я возвратился домой разбитый и усталый, не дѣлавъ ничего, съ обремененнымъ желудкомъ, ѣвши безъ аппетита и вкуса, и съ головною болью отъ Шампанскаго, которое глоталъ безъ жажды. Ничего не вывезъ я съ этого бала, кромѣ воспоминанія о прекрасныхъ глазахъ Арины Петровны; но и это ведетъ къ одной безсонницѣ; слѣдовательно время истрачено напрасно. *Чего ради гибель сія бысть?*

13 Марта, *Понедѣльникъ*. Мы воспользовались свободною субботою и вчерашнимъ воскресеньемъ, чтобы съѣздить въ *Кусково* графа Шереметева и *Люблино*, принадлежащее Н. А. Дурасову, взглянуть на пространныя оранжереи, наполненныя померанцевыми, лимонными и лавровыми деревьями и несмѣтнымъ количествомъ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ. Намъ сказали, что эти оранжереи въ настоящее время года бываютъ во всей пышности и красотѣ своей; въ самомъ дѣлѣ, я никогда не видалъ ничего подобнаго. Совершенное царство Флоры! Кусковскія оранжереи удивляютъ количествомъ и огромностью своихъ померанцевыхъ деревъ и богатствомъ произрастаній, но не такъ чисто содержаны, какъ люблинскія; послѣднія несравненно пріятнѣе и роскошнѣе, видно что за всѣмъ бдительно наблюдалъ самъ хозяинъ, котораго, какъ нарочно, тутъ и повстрѣчали. Онъ въ продолженіе всей зимы имѣетъ привычку по воскреснымъ днямъ обѣдать съ пріятелями въ Люблинскихъ своихъ оранжереяхъ. Не предполагая этой встрѣчи, мы было

---

[1]) Гречанками назывались индѣйки, выкормленныя грецкими орѣхами.

[2]) Княжна Наталья Петровна (1828), супруга князя Николая Александровича (1841), мать прославившейся въ наши дни благотворною дѣятельностью Александры Николаевны Стрекаловой. Бородины происходятъ отъ одного изъ воронежскихъ дѣтей боярскихъ. П. Б.

сами хотѣли завтракать въ зелени. ins Gsüne, для чего и привезли съ собою кой-какой провизіи; но гостепріимный Н. А. до того не допустилъ. Онъ видалъ П. И. въ домѣ родственника своего, бригадира Мельгунова, и тотчасъ же пригласилъ насъ обѣдать съ нимъ вмѣстѣ. Сколько мы ни отговаривались (разумѣется изъ церемоніи), но онъ настоялъ, говоря, что отказъ нашъ его обидитъ. Онъ очень богатъ, а еще болѣе радушенъ. Въ два часа пріѣхали гости: кн. Дмитрій Евсеевичъ Циціановъ, кн. Оболенскій, какой-то красивый французъ Моро, двѣ очень хорошенькія и бойкія иностранки, Еф. Еф. Ренкевичъ, Александръ Александровичъ Арсеньевъ и докторъ Доппельмейеръ Всѣхъ насъ было человѣкъ 12, но столъ былъ накрытъ кувертовъ на 30. Только что сѣли за столъ, подоспѣли новые гости: старинный и любимѣйшій учитель пѣнія, кастратъ *Мускети*, который даетъ въ Москвѣ уроки дамамъ и дѣвицамъ въ третьемъ ихъ поколѣніи, рослый и тучный bon vivant и gourmé, и съ нимъ знакомецъ мой, молодой *Нейкомъ*, живущій у Штейнсберга, капельмейстеръ и сочинитель музыки, одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ великаго Гайдна. Я удивился, увидя ихъ вмѣстѣ; но загадка скоро объяснилась: *Мускети*, какъ истинный и безпристрастный знатокъ въ дарованіяхъ музыкальныхъ, желая удержать непремѣнно *Нейкома* въ Москвѣ, хлопоталъ объ опредѣленіи его капельмейстеромъ къ Дурасову или къ Всеволоду Андреевичу Всеволжскому, которыхъ оркестры считаются лучшими и полнѣйшими. Я едва могъ узнать *Нейкома* въ его огромномъ жабо, закрывавшемъ ему всю бороду, и не знаю, какъ онъ могъ справиться съ кушаньемъ; а серьги? Серьги чуть не съ переднія колеса моихъ дрожекъ. Богъ знаетъ, кто научилъ его такъ одѣться. Хорошенькія мамзели, смотря на даровитаго музыканта, безпрестанно ухмылялись.

Обѣдъ былъ чудесный и, какъ сказывалъ хозяинъ, состряпанъ изъ одной домашней провизіи крѣпостною его кухаркою; у него есть и отличные повара, но онъ предпочитаетъ кухарку по необыкновенной ея опрятности Стерляди и судаки изъ собственнаго его пруда; чудовищные раки ловятся въ небольшой протекающей по Люблину, рѣчкѣ; спаржа, толщиною чуть не въ палку, изъ своихъ огородовъ; нѣжная и бѣлая, какъ снѣгъ, телятина со своего скотнаго двора; фрукты собственныхъ оранжерей; даже вкусное вино въ родѣ шампанскаго, которымъ онъ безпрестанно всѣхъ насъ подчивалъ, выдѣлывается у него въ крымскихъ деревняхъ изъ собственнаго же винограда. Необыкновенный хозяинъ! А къ тому же и не дорожитъ ничѣмъ;

видно, что не хвастунъ: все у него дрянь, «*совершенная дрянь съ!*» Князь Ц. разсказывалъ множество случившихся съ нимъ происшествій, которымъ нельзя было не удивляться. Между прочимъ говорилъ онъ о какомъ-то сукнѣ, которое онъ поднесъ князю Потемкину, вытканномъ по заказу его изъ шерсти одной рыбы, пойманной имъ въ Каспійскомъ морѣ. Какихъ чудесъ нѣтъ на свѣтѣ! Къ числу этихъ чудесъ можно отнести и то, что разсказчикъ, кушая съ величайшимъ аппетитомъ и все жирное, ничего не пилъ, кромѣ полузамороженной воды. Говорилъ, что отъ роду не отвѣдывалъ ни вина, ни пива, ни даже квасу, а водки и подавно. Онъ также самъ великій хлѣбосолъ и мастеръ выдумывать и готовить кушанья. А. Л. Нарышкинъ, первый гастрономъ своего времени, когда ни пріѣзжаетъ въ Москву, ежедневно почти у него обѣдаетъ; за то и князь въ Петербургѣ угощается по-барски. Послѣ кофе мы хотѣли было откланяться, но хозяинъ опять не пустилъ, прося послушать домашнихъ его пѣсенниковъ, которые точно пѣли прекрасно съ акомпаниментомъ кларнета и рожка; между тѣмъ разносили поминутно разныхъ сортовъ ликеры домашняго же приготовленія, удивительно вкусные. Я въ жизнь свою такихъ не пивалъ; замѣтивъ, что иные наиболѣе понравились П. И., хозяинъ приказалъ нѣсколько бутылокъ положить намъ въ сани. Мы уѣхали поздно, да и какъ иначе! Не будь дѣла, а главное, еслибъ я былъ одинъ, то долго бы еще не уѣхалъ. Когда оранжерею освѣтили, она превратилась въ какой-то садъ Армиды. Счастливецъ! Сколько удовольствія и добра онъ можетъ сдѣлать другимъ!

21 Апрѣля, Пятница. М., встрѣтивъ какую-то уличную барышню, хотѣлъ тотчасъ же увезти ее; но не удалось. Начальство узнало объ этой продѣлкѣ; молодецъ остановленъ и посаженъ подъ арестъ. Спрашиваютъ: «Что побудило васъ къ этому насилію?»—«Понравилась».—«Знаете ли вы коротко эту дѣвушку?»—«Вовсе не знаю».—«Какъ зовутъ ее?»—«Не знаю».—«Гдѣ и у кого живетъ она?»—«Не знаю».—«Какое же было ваше намѣреніе?»—«Жениться».—«Какъ же вы хотѣли жениться, если ея совсѣмъ не знаете?»—«Я узналъ бы послѣ».—«Но она не хотѣла ѣхать съ вами».—«Что мнѣ за дѣло до ея хотѣнья? У меня своя воля».—«М... недѣль шесть высидѣлъ подъ арестомъ, забылъ о красавицѣ и вышелъ, какъ встрепанный, а между тѣмъ цыгане на этотъ случай тотчасъ сложили пѣсню на голосъ: *Пряди моя пряха*, которую записной цынганофилъ А. Н—въ ввелъ въ моду, подъ названіемъ: *Вѣрныя примѣты*. Мы ѣздили слушать ее. Степанида, что твой соловей, такъ и разливается. Вотъ эта пѣсня:

Ахъ, зачѣмъ, поручикъ,
Сидишь подъ арестомъ,
Въ горькомъ заключеньи,
Колодникъ безшабашный?—
Ахъ, за тѣмъ я бѣдный
Сижу подъ арестомъ,
Что свою милую
Любилъ очень больно.—
Кто жъ твоя милая,
Княжна иль графиня,
Простая иль дворянка,
Фрейлина ль какая?
Дай снесу поклончикъ!—
Ахъ, моя милая
Безъ гнѣздышка пташка,
Безъ племени, рода;
Любитъ свою волю,
Волю удалую.
Узнаешь милую:
Она по бульвару
Все ходитъ да бродитъ
Нѣмецкимъ развальцемъ;
Въ шелковомъ капотѣ,
Талійка съ прихватомъ;
Въ вязаныхъ перчаткахъ,
Съ алымъ ридикюлемъ;
Ходитъ да гуляетъ,
Головой киваетъ,
Себя забавляетъ,
Народъ потѣшаетъ!
Узнаешь милую—
Такъ отдай поклончикъ.

Отъ пѣсни переходимъ къ элегіи. Ты, вѣроятно, слыхалъ о Сашѣ Д., прелестной и преисполненной талантовъ дѣвушкѣ, которую всѣ такъ любили. Она скончалась въ прошломъ году, вскорѣ послѣ бала въ Благородномъ Собраніи. Неутѣшные отецъ съ матерью поставили въ Даниловомъ монастырѣ надъ прахомъ милой дочери прекрасный памятникъ, на которомъ послѣ имени, фамиліи и лѣтъ ея приказали, вмѣсто эпитафіи, вырѣзать *незабудку*. Буринскій, по желанію брата покойницы, написалъ на сей случай экспромтомъ стихи, а Нейкомъ положилъ ихъ на музыку, исполненную чувства и нѣмецкой мечтательности. Посылаю тебѣ этотъ романсъ: мелодія очаровательна, и всѣ знакомыя твои пѣвицы скажутъ за него спасибо.

На ея могилѣ есть цвѣтокъ незримый:
Всюду разливаетъ онъ благоуханье.

Онъ цвѣтокъ завѣтный, онъ цвѣтокъ любимый.
Онъ—воспоминанье!
И вѣчно душистый, цвѣтокъ неизмѣнный
Не боится бури, не вянетъ отъ зноя,
Сторожитъ сохранно имя преселенной
Къ вѣчному покою.

Когда Снѣгирь-*Nemo*, переставшій мечтать объ актерствѣ, сдѣлалъ подстрочный переводъ этихъ стиховъ для Нейкома, то онъ, обрадовавшись, сказалъ: *такъ и вьетъ Маттисономъ.*

25 Апрѣля. Вторникъ. Изъ университета съ лекціи завернулъ я въ Хамовники къ счастливцу Ш.: онъ не перестаетъ ковать деньги и третьяго дня выигралъ еще 5 т. р. у генерала И., который заплатилъ ему деньги не только безъ неудовольствія, но еще въ придачу подарилъ ему славнаго горскаго полевика. Каюсь, любезный, что мнѣ какъ будто стало завидно. Подумалъ: сколько на эти деньги накупилъ бы книгъ и эстамповъ, какихъ бы завелъ лошадей и проч.; а Ш. вовсе не дрожитъ своимъ выигрышемъ, и говритъ, что, можетъ быть, сегодня же опять спуститъ все до послѣдней копейки. Онъ предлагалъ взять меня въ маленькую долю безъ проигрыша; очень заманчиво, да страшно: будешь только и думать о пріобрѣтеніи, а сверхъ того тяжело войти въ обязательство, которое можетъ сдѣлаться гробомъ независимости; я не рѣшился, но за то не въ состояніи былъ отказаться ѣхать съ нимъ на гусиный и пѣтушиный бой къ князю И. С. М. Мнѣ чрезвычайно показалось любопытнымъ взглянуть на это состязаніе птицъ.

Посреди большой залы устроена была арена, обнесенная кругомъ холстинными кулисами въ ¾ арш. вышины. Хозяинъ и всѣ приглашенные гости сидѣли вокругъ, а другіе любопытствующіе охотники всякаго званія, купцы, мѣщане и дворовые люди стояли, какъ и гдѣ кто могъ помѣститься. Прежде пустили въ арену бѣлую гусыню, которая тотчасъ же начала жалобно гоготать. Одинъ изъ сермяжниковъ обратился съ увѣреніями къ хозяину, что *эта де рѣдкая самка съ евтова дѣла-съ.*— «Ну гдѣ же Варлаамъ?» спросилъ князь Д. П. Г....., «подавай *Цицерона*». И вотъ огромный гайдукъ вынулъ изъ мѣшка прематераго, бѣлаго съ сизыми крыльями гуся и пустилъ его въ арену. «Такъ какъ же, Петръ Петровичъ, продолжалъ горделиво кн. Г., обращаясь къ одному толстому и рябому господину, сидѣвшему противъ него, угодно вамъ будетъ спустить охоту вашу или нѣтъ?—Почему же бы и не спустить, в. с—во? отвѣчалъ рябой господинъ, только какъ великъ будетъ закладъ?—

«Я держу 50 р.».—Больше 25 р. я не могу.—«Остальные придерживаю я», рѣшилъ хозяинъ, и партія состоялась. «Манушка, давай *Туляка!*» крикнулъ Петръ Петровичъ, и мальчикъ въ сѣромъ казакинчикѣ тотчасъ же притащилъ темносѣраго гуся и также пустилъ его въ арену. Сначала состязатели около 10 минутъ ходили вокругъ гусыни, которая не переставала гоготать; потомъ стали мало по малу вытягивать шеи съ какимъ то шипѣніемъ и, наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, бросились другъ на друга. *Тулякъ*, будучи поменьше и попроворнѣе, первый поймалъ Цицерона за правое крыло и началъ жестоко его жевать; потомъ и Цицеронъ ухитрился ухватывать Туляка за правое же крыло и также началъ его мять и жевать, кружась около гусыни. Въ этомъ обоюдномъ жеваньѣ и круженьѣ заключалось все единоборство бѣдныхъ птицъ, и только одно гоготанье царицы гусинаго турнира, да невольныя по временамъ восклицанія посторонихъ охотниковъ, державшихъ заклады: «Ну, *Цицеронъ*, чу, *Тулякъ*», или «ай да молодецъ, ай да варваръ!» перерывали однообразіе этого жеванья. Кончилось тѣмъ, что Цицеронъ прежде покинулъ крыло своего соперника, и Тулякъ провозглашенъ побѣдителемъ. Владѣлецъ *Цицерона* былъ неутѣшенъ: съ сложенными крестъ на крестъ на груди руками и съ плачевною миною онъ поминутно обращался къ охотникамъ съ увѣреніями, что онъ самъ всему виноватъ, что *Цицерона* обкормили, и проч. Ну ужъ охота, подумалъ я и собрался уѣхать; но Ш. просилъ подождать его и посмотрѣть на сраженіе пѣтуховъ, которое, по увѣренію его, должно быть *поживѣе* и *позадорнѣе*.

Если первое единоборство есть пошлая глупость, то пѣтушій бой можно назвать сущею жестокостію, не менѣе отвратительною, какъ и медвѣжья травля. Выпущены предварительно свѣшенные два пѣтуха, съ остриженными и обдерганными шеями и хвостами, такъ что каждое перышко представляло какую-то иглу, ноги были вооружены косыми шпорами. Они тотчасъ же бросились другъ на друга съ необыкновенною яростію и, не смотря на наносимыя другъ другу раны, продолжали биться до тѣхъ поръ, пока у одного не были совсѣмъ выбиты глаза, и онъ не ослабѣлъ совершенно отъ истекающей крови. Бѣдняга упалъ и подняться не могъ, но соперникъ не переставалъ бить и терзать его до тѣхъ поръ, пока онъ не остался безъ всякаго движенія. Ихъ не разнимали, потому что условіемъ заклада былъ *бой на смерть*. Сказывали, что за побѣдителя гуся предлагали рябому господину 100 р., а тріумфаторъ-пѣтухъ, прина-

длежавшій купцу изъ Охотнаго ряда, не смотря на свои раны, былъ проданъ за 200 р. *De gustibus non est disputandum* [1]. Прекрасное употребленіе денегъ и времени.

I [2].

Изъ моей жизни въ Москвѣ я вынесъ впечатлѣніе, что ея жители вообще скучны и чѣмъ-то недовольны. Улицы узки и грязны, мостовая избита и въ рытвинахъ, тротуаровъ почти нигдѣ нѣтъ. Однимъ словомъ, Москва мнѣ показалась большимъ селомъ съ барскими усадьбами. Высшій слой общества замѣтно теряетъ русскую національность; гостепріимство и русское хлѣбосольство постепенно исчезаютъ. Но скажите, пожалуйста, отчего Москва угрюма и скучна. Отчего даже въ театрахъ и другихъ увеселеніяхъ видимъ горькую улыбку и принужденную веселость? И народные хороводы, и русская пляска, и кулачные бои уменьшились и измѣняются противъ прежняго. Бывало на святкахъ гадали дѣвицы и вдовицы о женихахъ, подслушивая на улицѣ говоръ проходящихъ, спрашивая имена проходящихъ, садясь передъ зеркаломъ и т. п. Бывало, молодежь пѣла подблюдныя пѣсни, хоронила золото, играла въ веревочку съ калечкомъ, въ «сижу-посижу», мостила мостъ и т. п. А теперь всѣ чинны, всѣ важны, всѣ стараются скрывать себя, простодушіе и чистосердечіе улетѣли за «тридевять земель; въ тридесятое царство». Всѣ стараются обмануть другъ друга. Просвѣщеніе дало понятіе о комфортѣ жизни, и вотъ семейные люди начали жить сверхъ своего состоянія, а для этого надобно было изыскивать средства и способы, полупозволительные или даже беззаконные. Воспитаніе сыновей началось уже не для семейнаго счастія, а по новой методѣ пристроить сына. Дочерей стали образовывать подобно тому, какъ въ магазинахъ или мастерскихъ полируютъ стальныя или посеребряныя вещи. Амуръ снялъ повязку съ глазъ и сталъ уже смотрѣть, какъ говориться, въ оба, но смотрѣть и разсматривать не сердце и достоинства, а приданое и другіе матеріальные предметы. Начался торгъ сердцами и глазами. Грустно право, становится, грустно видѣть современное просвѣщеніе и ложное образованіе.

— Какъ проводите вы въ Москвѣ лѣто?—спросилъ я при встрѣчѣ съ однокашникомъ моимъ, вышедшимъ въ отставку и живущимъ въ Москвѣ.

---

[1] О вкусахъ не спорятъ.

[2] Изъ воспоминаній Погожева. «И. Б.» 1893.

— По утрамъ бродимъ или толкаемся по городу[1]),—отвѣчалъ онъ,—потомъ гуляемъ по Александровскому саду, ѣздимъ въ театръ или въ Марьину рощу, или въ Сокольники, или на Воробьевы горы. Впрочемъ, лучшія семейства выѣзжаютъ въ подмосковныя деревни. А зимою все, что современное просвѣщеніе, роскошь и праздность могли придумать, все у нихъ въ Москвѣ въ употребленіи и составило искусство или науку, подъ названіемъ savoir vikre и egorger le temps. Утренніе визиты, званые и запросто обѣды, вечера, балы, собранія, театры и маскарады—вотъ времяпровожденіе лучшаго типа московскихъ людей и пріѣзжающихъ изъ деревень, съ супругами и дочками, съ тугонабитыми бумажниками и кошельками.

Прибавлю къ этому и мои наблюденія. Французскій языкъ въ большомъ употребленіи и, кажется, послѣ 1812 года распространился еще болѣе. Въ настоящее время, кто не говоритъ по-французски, долженъ отказаться отъ знакомства съ такъ называемымъ высшимъ обществомъ или тонными дамами. Молодой человѣкъ, желающій быть принятымъ въ большомъ свѣтѣ, необходимо долженъ имѣть слѣдующія качества: говорить по-французски, танцовать, знать хотя по названіямъ сочиненія новѣйшихъ авторовъ, судить о ихъ достоинствѣ, порицать старыхъ и все старое, разбирать играемыя на театрахъ пьесы, умѣть завести споръ о музыкѣ, сѣсть за фортепіано и взять небрежно нѣсколько аккордовъ, или сыграть что-нибудь затверженное или промурлыкать романсъ или арію; знать наизусть нѣсколько стишковъ любимаго дамами или моднаго современнаго поэта. Но главнѣе всего—это играть въ карты по большой и быть одѣтымъ по модѣ. Кто имѣетъ всѣ эти достоинства, тотъ можетъ съ честью явиться на сцену моднаго свѣта. Нынѣ не спрашиваютъ, есть ли у такого франта душа, а сколько именно душъ? Никто не хочетъ знать, откуда г. N.N. беретъ деньги на карточную игру и на прочія модныя жизненныя потребности. Все равно; старинное правило—не все то золото, что блеститъ—обратилось въ слѣдующую аксіому, или, лучше сказать, гипотезу: что блеститъ, то и золото. Посредствомъ картъ можно удобнѣе всего втереться въ богатый или знатный домъ, составить связи, знакомство даже съ вельможами и, составляя партіи въ карты, самому составить выгодную партію.

Пѣвчіе въ Шереметьевской больницѣ привлекаютъ въ церковь много богомольцевъ. Сюда простого народа не пускаютъ.

---

[1]) Городъ въ Москвѣ—значитъ «Гостиный дворъ».

Церкви Голицинской больницы, Коммерческаго училища, прихода Василія Блаженнаго, Вознесенія Господня, Всѣхъ Скорбящихъ Божьей Матери и Никиты Мученика наиболѣе посѣщаются высшимъ обществомъ. Вознесенскій и Алексѣевскій монастыри посѣщаются также; но мнѣ удивительнымъ показалось видѣть въ Алексѣевскомъ монастырѣ монахинь зашнурованными. Въ Даниловскій монастырь съѣзжается также много, особенно молодыхъ барынь, миленькихъ вдовушекъ и барышень. А для чего особенно? Вотъ для чего. Здѣсь есть молодой, красивый собою монахъ, постриженный въ это званіе изъ купцовъ. Всѣ желаютъ посмотрѣть на него, полюбоваться имъ. Его называютъ русскимъ аббатомъ. О, просвѣщеніе! О, времена!

Старушка Офросимова играетъ весьма значительную роль на сценѣ московскаго большого свѣта. Судитъ, рядитъ, поправляетъ всѣхъ, даетъ законы общежитія и нарядовъ, и все послушно ей и покорно. Но бывали случаи, что иные дерзали возставать противъ ея деспотизма. Такъ, напримѣръ, въ одномъ многолюдномъ и блестящемъ обществѣ г-жа Офросимова вздумала за что-то одному изъ модныхъ московскихъ франтовъ, извѣстному петиметру Асташевскому, дѣлать замѣчанія, но онъ осмѣлился рѣзко ей возразить. Тогда она сказала ему:

— Ахъ, батюшка, вишь какъ разсвирѣпѣлъ! Пожалуйста, не съѣшь меня.

— Будьте спокойны,—хладнокровно отвѣчалъ Асташевскій,—милостивая государыня, я—магометанинъ.

Большая часть гуляній происходитъ близъ монастырей. Въ старину всѣ гулянья сопровождались богомольемъ; и нынѣ любимѣйшее гулянье москвичей—это путешествія пѣшкомъ или въ экипажѣ въ Троицко-Сергіевскую лавру. Наканунѣ Вербнаго воскресенья бываетъ гулянье въ Кремлѣ. Въ этотъ день появляется новая мода на экипажи, лошадей, сбрую и ливрею лакеевъ, или, лучше сказать, возобновляется старое. Старинныя дамы ѣздятъ въ большихъ старомодныхъ, четвероместныхъ каретахъ, набитыхъ воспитанницами и моськами. Безчисленные ряды разныхъ новомодныхъ и старинныхъ каретъ, линеекъ, дрожекъ, колясокъ, телѣжекъ, съ утра до вечера двигаются около рядовъ «города». Подъ видомъ, чтобъ доставить дѣтямъ удовольствіе видѣть вербы и разныя игрушки, московскія и пріѣзжія изъ деревень барыни возятъ показывать свой живой товаръ, дочекъ-дѣвицъ. Въ праздникъ Пасхи цѣлую недѣлю народъ толпится подъ Невскимъ, и тоже разные

экипажи двигаются въ линіяхъ, соблюдаемыхъ полиціею. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла строятся лубочные театры и наполняются львами, тиграми, прыгунами на веревкѣ, ѣздоками, фокусниками и другими искусниками. На качеляхъ любители то возносятся горѣ, то спускаются долу. Эмблема жизни нашей! Спѣшимъ подняться вверхъ,—спускаемся и возвышаемся, и вновь падаемъ. Устроены деревянныя лошадки и колясочки. Каруселя тоже изображеніе жизни человѣческой: вертимся по свѣту и опять возвращаемся на то же мѣсто, откуда отправились въ путь... Изъ земли взяты, въ землю и обратимся. Не одни маленькія дѣти катаются на каруселяхъ: я видѣлъ много взрослыхъ мужей, даже и стариковъ, съ сѣдыми бородами, съ веселымъ видомъ садящихся на деревянныхъ коней. Гулянья въ селѣ Всехсвятскомъ, въ Петровскомъ паркѣ, въ Марьиной рощѣ, въ Сокольникахъ, на Воробьевыхъ горахъ, отличаются тѣмъ, что гуляющіе, возвращаясь въ Москву, особенно купечество, украшаютъ экипажи свои, лошадей и кучеровъ зеленью и цвѣтами. Страсть къ загороднымъ гуляньямъ у московскихъ жителей чрезмѣрная. Не только дворяне и богатые купцы нанимаютъ для себя лѣтнія квартиры (дачи), но и ремесленники съ женами и семействами отправляются за заставу обѣдать и дышать чистымъ воздухомъ. Это обыкновеніе весьма полезное, потому что воздухъ лѣтомъ бываетъ тяжелъ въ такомъ многолюдномъ городѣ, и надобно полагать, что какое-то особенное физическое чувство невольно влечетъ каждаго за городъ.

До нашествія французовъ, то-есть до 1812 года, гулянье на Прѣсненскихъ прудахъ было весьма многолюдно; съ тѣхъ же поръ, какъ устроенъ Александровскій садъ, здѣсь болѣе гуляющихъ. Садъ Нескучный обыкновенно посѣщается московскою публикою по воскресеньямъ, но Корсаковъ садъ приманиваетъ къ себѣ болѣе гуляющихъ. Въ обоихъ этихъ садахъ по воскресеньямъ играютъ въ разныхъ мѣстахъ оркестры музыки, пускаютъ фейерверкъ или воздушный шаръ. Въ Корсаковомъ саду фейерверкъ изображаетъ какое-либо огненное представленіе, какъ, напримѣръ, морское или воздушное сраженіе и т. п. Садъ Лафертовскій запущенъ, и мало въ немъ бываетъ гуляющихъ, кромѣ купечества и страстныхъ любовниковъ, скрывающихся отъ глазъ любопытной публики на островкахъ, подъ тѣнью густыхъ деревьевъ. Перова роща привлекаетъ къ себѣ много народа; она недавно сдѣлалась мѣстомъ публичнаго гулянья. Здѣсь по воскресеньямъ бы-

ваетъ звѣриная травля. На нѣмецкое кладбище по воскресеньямъ иностранцы пріѣзжаютъ обѣдать, пить кофе и чай. Это гулянье должно быть самое пріятное, потому что можно, восхищаясь природой, удаляясь отъ мірского шума, бесѣдовать на гробахъ родителей, супругъ и дѣтей. Здѣсь мысль о смерти и вѣчности дѣлаетъ человѣка возвышеннѣе духомъ и утишаетъ порывы страстей. Бульвары Тверской, Никитскій и Мясницкій посѣщаются болѣе по воскресеньямъ, и то весьма неохотно и мало. Тяжело мнѣ было разставаться съ Москвою и приниматься за службу, то-есть принимать отъ инженернаго путей сообщенія поручика Кашперова уроки работы шоссе для нашего полка и наблюдать за производствомъ работъ.

III.

Я познакомился съ помѣщицей генеральшей К. Дама лѣтъ 40, ловкая и свѣтская, живетъ открыто и, какъ замѣтно, старается выдать замужъ свою, 20-тилѣтнюю англичанку. Въ первой молодости генеральши, домъ ея былъ мѣстомъ собранія иностранцевъ, и одинъ изъ нихъ оставилъ на материнское попеченіе дочь свою—прелестную Фанни. Здѣсь полковникъ нашъ съ молодою женою и тещею и нѣсколько молодыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, бывали каждое воскресенье. Обѣдали, прогуливались по саду, по рощицамъ въ родѣ англійскихъ парковъ, бѣгали, рѣзвились, вечеромъ шли въ бесѣдку или на балконъ пить чай; потомъ танцовали и далеко за полночь возвращались домой. Въ будніе дни каждый вечеръ у полковника передъ окномъ играла полковая музыка. Мы съ семействомъ его прохаживались, слушали съ удовольствіемъ занимательные разсказы генеральши Адамовичевой и иногда восхищались пѣніемъ и игрою на фортепіано 17-ти-лѣтней хорошенькой полковницы нашей. Два мѣсяца такимъ порядкомъ прешли незамѣтно. Время, назначенное для работъ, кончилось; полкъ отправлялся въ Звенигородскій уѣздъ на отдыхъ, а я отпросился въ Москву. Нашего полка маіоръ Лялинъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ его коляскѣ. Въ Москвѣ провелъ я время въ полномъ упоеніи, но въ день моего отъѣзда изъ Москвы случилось со мною не совсѣмъ пріятное происшествіе. Я собирался выѣхать по утру, но меня удержали обѣдать. Какъ не остаться, когда миленькія тетушки и кузины просятъ, даже приказываютъ. Послѣ обѣда лошади

были поданы, и я распростился, но какая-то непостижимая сила удержала меня и вынудила согласиться на приглашеніе остаться пить чай. Итакъ я приказалъ солдату, бывшему со мной (деньщикъ мой, незадолго до поѣздки моей въ Москву, убѣжалъ, обокравъ меня), закупивъ кое-что, дожидаться меня съ лошадьми у заставы. Наконецъ, часовая стрѣлка напомнила мнѣ, что уже время ѣхать. Прощаюсь, беру извозчика и ѣду къ заставѣ, но лошадей тамъ не нахожу. Я бросался отъ одной заставы къ другой, но нигдѣ не нахожу солдата съ лошадьми. Жестоко раздосадованный, заѣзжаю къ родственникамъ моимъ Соколовымъ, гдѣ нахожу всю ту компанію, которую часа за два передъ симъ оставилъ. Солдатъ возвратился поздно вечеромъ въ тотъ домъ, гдѣ я обыкновенно останавливался. Оказалось, что онъ, не зная Москвы, заблудился, какъ онъ говорилъ, и, долго плутавъ, рѣшился опять возвратиться туда, откуда выѣхалъ. На другой день рано по утру я отправился изъ Москвы и по дорогѣ заѣхалъ къ маіору Лялину.

— А, кстати, пріѣхалъ,—сказалъ онъ мнѣ,—завтра у насъ въ сосѣдствѣ балъ. Я уже въ томъ домѣ знакомъ, мы поѣдемъ вмѣстѣ, и я тебя представлю.

Мнѣ очень не хотѣлось туда ѣхать, потому что надобно было поспѣшить явиться къ полковнику, тѣмъ болѣе, что я уже просрочилъ нѣсколько дней. Но всѣ эти затрудненія почтенный мой маіоръ уничтожилъ тѣмъ, что самъ на другой день обѣщался со мною ѣхать въ штабъ полка, а оттуда на обѣдъ и балъ вмѣстѣ со мною къ сенатору Постникову. Усадьба сенатора Постникова отъ города Звенигорода въ шести верстахъ. Въ часъ по полудни мы съ маіоромъ туда и отправились. Здѣсь нашли мы уже много гостей какъ изъ окрестностей, такъ и изъ Москвы. Хозяйка, женщина лѣтъ тридцати-пяти, разливала удовольствіе на все окружающее своею московскою болтливостью и французскою любезностью. Каламбуры сыпались со всѣхъ сторонъ. Въ этотъ день любезная сенаторша была именинница. Крестьяне съ семействами пришли поздравить госпожу свою, но у барыни была мигрень, почему она и опасалась въ ясный день 22-го іюля выйдти на балконъ отблагодарить добрыхъ крестьянъ за ихъ усердіе, а вмѣсто себя выслала французскаго учителя отпустить ихъ. Этотъ «французикъ изъ Бордо» съ важностью вышелъ на балконъ, объявилъ имъ, что барыня нездорова, сама не можетъ къ нимъ выйдти, но приказала ихъ благодарить. Добродушные поселяне не хотѣли отойти отъ балкона, не увидавъ госпожи своей. Тогда французъ, ami de la maison, съ

ироническою улыбкою, къ утѣшенію ихъ, сказалъ имъ по-французски:

— Retirez vous, coquins!

Близъ его стоявшіе полурусскіе громко захохотали и вынудили поселянъ отойти отъ балкона. Мнѣ показалось весьма оскорбительно, чтобъ какой-либо, можетъ быть, бѣглецъ или преступникъ, избѣжавшій законовъ правосудія, такъ называлъ честныхъ, добрыхъ и трудолюбивыхъ русскихъ крестьянъ, снискивающихъ въ потѣ лица своего пропитаніе тщеславной барынѣ своей. Это меня такъ разстроило, что въ продолженіе всего обѣда я сидѣлъ, какъ говорится, повѣсивши носъ. По окончаніи обѣда пошелъ я въ садъ, но едва прошелъ одну аллею, какъ услышалъ звонкій голосъ г-жи сенаторши, приглашающей въ театръ.

Итакъ, подавивъ въ себѣ чувство негодованія, произведенное во мнѣ наглымъ французомъ, побрелъ и я вслѣдъ за другими. Насъ привели въ сарай, откуда всѣ экипажи были вывезены; на одномъ концѣ сарая сдѣлана была сцена съ карикатурной занавѣсью, а противъ этой сцены поставлены были кресла и стулья для зрителей.

Играли трагедію «Эсѳиръ» на французскомъ языкѣ. Роль Эсѳири исполнена была превосходно дѣвицею Кокошкиною, дочерью директора Московскаго театра. Ея костюмъ, голосъ, мимика, однимъ словомъ все соотвѣтствовало плѣнительной ея наружности. Самая даже природа положила на лицѣ ея отпечатокъ меланхоліи. Прочія дѣйствующія лица представляли изъ себя болѣе комическаго, нежели трагическаго. Царь (французскій учитель) не зналъ низусть своей роли; тѣлохранители и придворные шептали, а не декламировали свои роли, и при всей важности пьесы, разсмѣшенные суфлеромъ-барышнею, не могли удерживаться отъ смѣха. Царскій министръ Артабай (нѣмецкій учитель) болѣе походилъ на пьянаго жида.

За трагедіею послѣдовала комедія «Новый Стернъ, или сентиментальный путешественникъ». Стернъ (учитель рисованія) на сценѣ былъ весьма смѣшонъ не по роли его, не по фигурѣ и неловкости. Онъ говорилъ отрывисто, съ замѣшательствомъ, и всѣ движенія его были не кстати. Роль слуги игралъ племянникъ Постниковыхъ, г. Копьевъ, и очень удачно. Роль маіора Сумина опять игралъ французскій учитель, и очень странно было слышать, чтобъ Суминъ, старый русскій маіоръ и патріотъ худо говорилъ по-русски.

Послѣ спектакля гости возвратились въ домъ пить чай. Молодежь начала танцовать, и я въ вихрѣ вальса съ сентиментальною Оленькою, племянницею хозяевъ, забылъ непріятное впечатлѣніе, произведенное во мнѣ и французомъ по утру, и спектаклемъ вечеромъ въ зловонномъ сараѣ.

Въ городѣ Звенигородѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться во многихъ домахъ, между прочимъ, и въ домѣ князя Голицына. Мѣстоположеніе вообще во всемъ уѣздѣ восхитительное, но усадьба князя Голицына превосходитъ всякое описаніе. Не доѣзжая до дому почти версту, начинается роща, въ которой сама природа такъ искусно разсѣяла всѣ украшенія, что легко можно эту рощу счесть за искусственный англійскій паркъ. Съ этою рощею соединяется изящно отдѣланный садъ. Человѣкъ лѣтъ 70, небольшого роста, съ добродушіемъ на лицѣ и съ какимъ-то непринужденнымъ, благороднымъ величіемъ, принялъ меня. Это былъ самъ князь, одѣтый въ такое платье, какое носили во время блаженной памяти Екатерины Великой. Все въ этомъ старикѣ показывало придворнаго человѣка и вельможу. Въ этотъ день семейства его не было дома, кромѣ одного сына, отставного гусарскаго полковника. Самъ князь словоохотливъ и разсказываетъ весьма занимательно. Онъ былъ лично знакомъ съ Вольтеромъ и даже нѣкоторое время гостилъ въ Фернейскомъ замкѣ его.

Въ одно воскресенье поѣхали мы съ маіоромъ Лялинымъ къ Постниковымъ. Это былъ второй мой визитъ; хозяйка приняла насъ привѣтливо и представила супругу своему, что считалось за большое съ ея стороны благоволеніе, потому что въ ихъ домъ много ѣздитъ и такихъ гостей, которыхъ хозяинъ не знаетъ. Такъ водится въ московскомъ большомъ свѣтѣ: одни ѣздятъ къ хозяину, другіе къ хозяйкѣ, а часто ни тотъ, ни та не знаютъ гостя, что, впрочемъ, случается болѣе тогда, когда даютъ большой балъ. Тогда многіе привозятъ съ собою знакомыхъ своихъ особенно танцующихъ кавалеровъ. Иногда подводятъ ихъ и рекомендуютъ хозяину или хозяйкѣ, а часто дѣло обходится и безъ рекомендацій. Мнѣ разсказывали, что однажды г-жа Постникова пригласила къ себѣ на обѣдъ какихъ-то извѣстныхъ французскихъ путешественниковъ, не предваривъ даже объ этомъ мужа своего, который, впрочемъ, и не зналъ французскаго языка. И вотъ сенаторъ выходитъ къ столу изъ своего кабинета; жена рекомендуетъ ему иностранныхъ гостей, но мужъ, будучи чѣмъ-то раздосадованъ, говоритъ женѣ:

—Что это ты, матушка, наводишь ко мнѣ всякой дряни, бродягъ?

Находчивая и умная сенаторша, нисколько не сконфузясь, обращается къ французамъ и говоритъ, что мужу ея весьма лестно ихъ посѣщеніе, но онъ сожалѣетъ, что не можетъ объясняться съ ними, не зная ихъ языка.

Я обязанъ забавному случаю за вниманіе ко мнѣ сенаторши. Въ день бала, за ужиномъ, мнѣ пришлось сидѣть за кавалерскимъ столомъ. Мы съ маіоромъ Лялинымъ говорили о театрѣ; въ нашъ разговоръ вмѣшался нашего полка поручикъ Клайгельсъ, любезный и хорошо образованный молодой человѣкъ. Разговоръ мало-по-малу оживился и наконецъ нечувствительно сдѣлался общимъ. Я осмѣлился кое-что сказать о домашнихъ спектакляхъ: это дошло до г-жи сенаторши, и вотъ причина ея благосклоннаго ко мнѣ вниманія. Пріятельская связь моя съ маіоромъ Лялинымъ, который сочинялъ и печаталъ стихи, и меня сдѣлала авторомъ и театральнымъ критикомъ.

Въ этотъ день мы работали въ оранжерѣе, что было весьма пріятно въ жаркій день. Послѣ обѣда г-жа Постникова, отозвавъ меня и маіора въ сторону, сказала вполголоса.

— Вамъ, господа, можетъ быть, покажется странно, что я, бывъ мало еще съ вами знакома, дѣлаю васъ участниками моей тайны.

Примѣтя же удивленіе наше, она прибавила, громко засмѣявшись:

— Не бойтесь, здѣсь нѣтъ никакой интриги.—и, сказавъ это, пригласила насъ съ собой въ садъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ,—продолжала она:—15-го августа будетъ рожденіе племянницы моей Маріи Ѳеодоровны Кокошкиной, и мнѣ хочется сдѣлать ей сюрпризъ. Театра не будетъ, но я бы желала устроить живыя картины. Подайте мнѣ вашъ совѣтъ, помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

Мы охотно согласились и послѣ многихъ толковъ и предположеній рѣшили, чтобы живыя картины представляли шарады: moquer (maux-choeur) и ballade (bal-l'ade). Любезный маіоръ своими поэтическими вымыслами привелъ въ восторгъ. Онъ обѣщалъ самъ написать соотвѣтственную празднику балладу. Но вышло иначе. Маіоръ долженъ былъ уѣхать въ деревню къ графу Хвостову, почему обѣщанной имъ баллады и не было написано. Я предлагалъ выбрать одну изъ балладъ сочиненія Жуковскаго; предложеніе мое было принято холодно, и я оставилъ на произволъ ихъ. Намѣревались было устроить маска-

радъ, но въ Москвѣ не достали, какъ говорили, характерныхъ костюмовъ. Мы съ Коньевымъ хотѣли сыграть отрывокъ изъ какой-либо комедіи и выбрали сцену изъ Чудаковъ—«дуэль Высоноса и Прилаза», но и это, не знаю, почему-то разстроилось. Погода наканунѣ праздника была дождливая и ненастная, но мы не теряли надежды на лучшую погоду въ день праздника. Изобрѣтательный геній Марьи Ивановны (нашей хозяйки) не унывалъ при малыхъ этихъ препятствіяхъ. Она бѣгала съ лѣстницы на лѣстницу, суетилась, гоняла въ рабочее время крестьянъ своихъ то въ Москву, то въ Звенигородъ, то къ сосѣдямъ. Напослѣдокъ, утомившись, бросилась на диванъ и удостоила меня своего довѣрія, сказавъ, что у нея въ домѣ и 50 рублей нѣтъ, а праздникъ все-таки будетъ.

—Не правда ли,—сказала она мнѣ:—что я теперь похожа на дитя? Занимаюсь такими мелочами; не смѣйтесь, пожалуйста, надъ моимъ малодушіемъ: всякая малѣйшая неудача трогаетъ меня и доходитъ до сердца.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ день было обширное поле для дѣятельности. Всѣ двѣнадцать барышень, жившія у нея въ домѣ, шили себѣ костюмы, а мы, молодые гости и родственники г-жи Постниковой, занимались украшеніемъ оранжереи. Наконецъ, столь желанный день наступилъ. Казалось, самъ Фебъ, въ честь царицы праздника, украсилъ горизонтъ златоблестящими лучами солнца. Мелодическое пѣніе птицъ, нѣжное колебаніе зефиромъ листьевъ, тихое журчанье ручья, небесное благоуханіе цвѣтовъ: все, казалось, поздравляло 17 лѣтнюю Флору съ днемъ ея рожденія. Мы всѣ были у обѣдни; новорожденная была просто, но со вкусомъ одѣта въ бѣломъ платьѣ, съ завитыми локонами. Это означало, что ей минуло 17 лѣтъ, и что она появится зимою въ собраніяхъ невѣстою, по обыкновенію лучшаго тона московскихъ жителей. Наконецъ, около полудня начали съѣзжаться гости, званые и незваные. Полковая музыка гремѣла, и послѣ обѣда, примѣтя на многихъ миленькихъ личикахъ желаніе попрыгать, я поднялъ на вальсъ меланхолическую новорожденную Марію, за мною послѣдовали другіе, и танцы незамѣтно продолжались.

Въ 7 часовъ вечера зала въ оранжереѣ была освѣщена люстрами и разноцвѣтными шкаликами, поставленными кругомъ итальянскихъ оконъ; боковыя галлереи были также освѣщены кенкетами; главныя аллеи въ саду иллюминованы плошками, и горѣлъ щитъ М. К. (Марія Кокошкина). Но вотъ всѣ гости собрались въ оранжереѣ, на всѣхъ лицахъ замѣтно нетерпѣли-

вое ожиданіе. Наконецъ, двери въ боковую галлерею отворились, всѣ бросились туда, и мы увидали живыя картины. Въ позолоченной рамѣ, подъ бѣлымъ флеромъ, три барышни въ неподвижномъ положеніи изображали трехъ Парокъ. Одна изъ нихъ сидѣла за прялкою и пряла нить жизни человѣческой, другая наматывала эту нить, а третья сидѣла съ ножницами въ готовности пресѣчь, перерѣзать ту нить, но купидонъ сзади рукою своею удерживаетъ руку злой Парки. Картина восхитительная, вымыселъ изящный и самый поэтическій. Всеобщій восторгъ былъ неизъяснимый, и долго звуки музыки заглушаемы были аплодисментами и криками браво. Потомъ начались шарады. Въ концѣ другой боковой галлереи, въ уединенномъ гротѣ сидѣлъ оракулъ (тоже барышня), который по приближеніи зрителей провозгласилъ таинственнымъ, то-есть тихимъ голосомъ, поздравленіе и предсказаніе счастливой жизни царицѣ праздника. Въ правой рукѣ оракула была ваза; изъ которой желающіе узнать судьбу свою вынимали билетики, и все это означало первую часть шарады «Маих». Послѣ сего всѣ возвратились въ прежнюю залу, гдѣ появился хоръ весталокъ, пѣвшихъ по-итальянски. Хоръ состоялъ изъ барышень и нѣмецкаго учителя. Представьте себѣ высокую, худую фигуру, лѣтъ 45, обросшую черными волосами, въ женскомъ платьѣ, съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ на головѣ и поющую картавымъ басомъ. Этотъ хоръ означалъ вторую часть шарады— choeur, а вся шарада moquer.

Вотъ и другая шарада. Начался балъ польскимъ, послѣ котораго всѣ увидѣли прелестное зрѣлище. Хороводъ барышенъ, одѣтыхъ въ богатые сарафаны, съ блестящими повязками, выступилъ изъ боковой галлереи, неся на носилкахъ, украшенныхъ древесными листьями и гирляндами изъ цвѣтовъ, пятилѣтнюю дочь хозяйки, также одѣтую по-русски. Она означала богиню Ладу. Хоръ пѣлъ извѣстную каждому любителю отечественную пѣсню:

Потомъ нѣмецкій учитель прочелъ вполголоса подъ названіемъ баллады сплетеніе нѣсколькихъ нѣсколько риѳмованныхъ фразъ на французскомъ языкѣ, какъ онъ говорилъ, имъ самимъ сочиненныхъ.

Все это заключилось танцами и ужиномъ, и тѣмъ кончился праздникъ, надѣлавшій столько шума своими громкими приготовленіями.

Страничка крѣпостныхъ временъ.

I [1]).

...«Я родился 18 августа 1810 года. Родина моя—городъ Ардатовъ, Нижегородской губерніи. Отецъ мой, губернскій секретарь Михаилъ Гавриловичъ *Невѣровъ*, былъ сынъ мѣстнаго протоіерея и изъ семинаріи [2]) поступилъ въ гражданскую службу и былъ секретаремъ Ардатовскаго земскаго суда, но вслѣдствіе какой-то исторіи былъ удаленъ отъ должности, сталъ заниматься хожденіемъ по частнымъ дѣламъ (адвокатурою) и составилъ себѣ репутацію отличнаго дѣльца. Онъ завѣдывалъ дѣлами богатаго помѣщика *Кошкарова*, часто бывалъ въ имѣніи его, въ селѣ Верякушахъ, бралъ меня туда съ собою, а моя мать даже жила тамъ долгое время со мною, что и дало мнѣ возможность близко приглядѣться къ быту этого своеобычнаго, даже для своего суроваго времени, 1820-хъ г.г., душевладѣльца.

Петръ Алексѣевичъ *Кошкаровъ*—бодрый старикъ, которому въ эпоху гощенья моего въ с. Верякуши было лѣтъ подъ семьдесятъ. Онъ никогда не былъ женатъ; одна изъ его побочныхъ дочерей и ея семь братьевъ прижиты имъ были съ солдаткою Натальею Ивановной, которая хотя жила въ одномъ съ нимъ домѣ и была окружена нѣкоторымъ почетомъ какъ со стороны домочадцевъ, такъ и сосѣднихъ помѣщиковъ, посѣщавшихъ весьма часто Верякуши, но не только не имѣла никакого вліянія на Кошкарова и вообще на дѣла его, но даже и на дѣтей своихъ. У ней была особая комната, особая женская прислуга, и она являлась въ пріемныя комнаты какъ почетное лицо, впрочемъ—совершенно чуждое всему, что вокругъ нея происходило. Дѣти ея носили фамилію Щ—хъ и, получивъ домашнее образованіе, поступили въ военную службу, за исключеніемъ старшаго сына Всеволода, который служилъ въ статской и былъ въ Рыбинскѣ виннымъ приставомъ. Они часто пріѣзжали въ отпускъ и гостили по-долгу въ Верякушахъ. Кромѣ этихъ семи лицъ, къ составу семьи принадлежалъ еще отчасти полковникъ *Корсаковъ*, сынъ бѣдной дворянки изъ сосѣдней деревни, кото-

---

[1]) Записки Януарія Михайловича Невѣрова. 1810—1826 г.г. «Рус Стар.» 1883. XL.

[2]) Впрочемъ, не знаю, гдѣ онъ учился: всѣ его братья, а мои дяди—ихъ было двое—были также чиновниками, такъ что изъ всѣхъ дѣтей протоіерея Невѣрова ни одинъ не поступилъ на духовную службу. Я. П.

рый въ дѣтствѣ взятъ былъ Кошкаровымъ на воспитаніе, опредѣленъ имъ вмѣстѣ со своими сыновьями въ военную службу, а потому былъ какъ бы членомъ семьи. Впослѣдствіи онъ женился на племянницѣ Петра Алексѣевича, также побочной дочери Гаврила Алексѣевича Кошкарова, имѣвшаго помѣстье въ 10 верстахъ отъ Верякушъ. Гаврила Алексѣевичъ также никогда не былъ женатъ, и мать его дочери—простая крестьянка—была поставлена въ такое же положеніе, какъ и Наталья Ивановна, т. е. она пользовалась нѣкоторымъ почетомъ и была какъ бы хозяйкой—конечно, только номинальною въ домѣ, но впослѣдствіи Гаврила Алексѣевичъ взялъ къ себѣ вторую, молодую сожительницу, изъ-за чего у нихъ вышла крупная ссора съ Кор....., вступившимся за мать своей жены. Былъ еще третій братъ у нашего героя—Алексѣй Алексѣевичъ Кошкаровъ, имѣвшій помѣстье также недалеко отъ Верякушъ, но это былъ человѣкъ женатый, а потому прервавшій съ братьями всѣ сношенія—ни онъ къ нимъ, ни они къ нему никогда не ѣздили.

Село Верякуши лежитъ въ полутора верстѣ отъ почтовой дороги изъ Арзамаса въ Тамбовъ, въ 6 верстахъ отъ станціи Орѣховецъ. Въ немъ было болѣе двухсотъ дворовъ, и оно расположено вокругъ довольно большого пруда, на берегу коего небольшая деревянная церковь, а близъ нея помѣщичій домъ—обширное, старое деревянное зданіе на дворѣ, окруженномъ многочисленными хозяйственными постройками: кухнею, людскими, амбарами и проч.; впрочемъ на другой сторонѣ пруда, такъ называемой *Волынской*, былъ другой, новый барскій домъ, принадлежавшій Натальѣ Ивановнѣ, но онъ оставался пустымъ и только изрѣдка занимался подъ помѣщеніе гостей и вообще служилъ цѣлью нашихъ прогулокъ, такъ какъ новый домъ былъ изящно меблированъ, содержался весьма чисто и украшенъ былъ семейными портретами. Вообще, хозяйственная политика Кошкарова была такова: родовое имѣніе было для него неприкосновенною собственностью, и онъ завѣдывалъ имъ самъ, все же благопріобрѣтенное, какъ собственность дѣтей, состояло въ вѣдѣніи Натальи Ивановны, и у нея была своя касса, свое хозяйство, а потому и новый домъ былъ въ ея исключительномъ завѣдываніи; кромѣ денегъ, дома и проч., кажется, были и крестьяне, купленные на имя ея сыновей Щ—хъ, такъ какъ сама Наталья Ивановна до самой смерти подписывалась—я это очень хорошо помню—«солдатка Наталья Ивановна»; но какимъ образомъ ея сыновьямъ усвоена была фамилія Щ—хъ и

дворянскія права—объяснить не могу. Въ то время нерѣдко бывали такіе случаи, что помѣщикъ, имѣвшій побочныхъ дѣтей, подкупалъ какого-нибудь бѣднява-дворянина, на имя коего священникъ записывалъ новорождающихся незаконныхъ дѣтей барина, и, такимъ образомъ, они пользовались правами потомственныхъ дворянъ. До самой смерти Кошкаровъ былъ вѣренъ принципу сохраненія родового имѣнія для передачи его законнымъ наслѣдникамъ—братьямъ, и только въ 1826-мъ году рѣшился было заложить его въ Московскій Опекунскій совѣтъ съ тѣмъ, чтобы на пріобрѣтенный, такимъ образомъ, капиталъ купить имѣніе на имя сыновей своихъ Щ** и тѣмъ увеличить скромныя средства, скопленныя для нихъ Натальею Ивановною; съ этою цѣлію отправился онъ въ Москву, но, пріѣхавъ въ Арзамасъ, занемогъ и послѣ кратковременной болѣзни умеръ въ нашемъ Арзамасскомъ домѣ. Такимъ образомъ, проэктъ этотъ не осуществился, и все родовое имѣніе его по смерти перешло въ родъ Кошкаровыхъ, а Щ—вы остались при тѣхъ небольшихъ средствахъ, которыя для нихъ скопила Наталья Ивановна.

II.

Верякушскіе крестьяне были на пашнѣ, и Кошкаровъ самъ завѣдывалъ хозяйственными дѣлами съ помощію своего quasi-секретаря Ѳеоктисты Семеновны, дѣвушки среднихъ лѣтъ, весьма красивой, бойкой и развитой, мать которой была начальницею гарема Кошкарова. Ѳеоктиста, конечно, получила домашнее образованіе въ Верякушкахъ, но, кромѣ того, что она завѣдывала всею перепискою Кошкарова, счетами,—она была весьма начитанная особа и очень хорошая музыкантша. Это было третье по важности лицо въ домѣ, и она пользовалась правами члена семьи, т.-е. сидѣла въ гостиной, принимала гостей, выѣзжала въ гости, словомъ, была какъ бы второю барынею. Одни подозрѣвали въ ней также дочь Кошкарова, другіе, напротивъ того, почитали ее намѣстницею Натальи Ивановны, которая, конечно, уже давно утратила свои матримоніальныя права и отношенія и была чисто пассивнымъ лицомъ въ домѣ, только какъ мать дѣтей барскихъ. Ѳеоктиста же, какъ дѣятельный домоправитель, постоянно находилась при Кошкаровѣ и, кромѣ чисто секретарскихъ обязанностей, т.-е. веденія счетовъ, переписки, читала ему—время отъ времени—книги и играла на фортепіано, и своей игрой увлекла даже и меня: я помню, что

слушалъ ее съ особымъ удовольствіемъ и у нея же началъ учиться игрѣ на фортепіано.

Не смотря на обширность хозяйства, оно велось такъ удачно, что крестьяне были очень довольны Кошкаровымъ и отличались замѣтною—въ отношеніи къ сосѣдямъ—зажиточностью. Даже такого рода повинность, что если въ какой-либо семьѣ дочь отличалась красивою наружностью, то ее брали въ барскій гаремъ, т.-е. дворню,—не только не возмущала ихъ, но даже радовала семью, потому что за это ей прибавлялся надѣлъ и давались разныя льготы.

Я упомянулъ, что у Петра Алексѣевича былъ гаремъ.

Дѣйствительно, бытъ женской прислуги въ его домѣ имѣлъ чисто гаремное устройство. Изъ многочисленной мужской прислуги—болѣе сорока человѣкъ, считая поваровъ, кучеровъ, садовниковъ и проч.—однихъ лакеевъ, которые всѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, были музыканты, пѣвчіе и псовые охотники, было до 20 человѣкъ; многіе были, конечно, женаты, но жены ихъ жили на общихъ основаніяхъ, или въ отдѣльныхъ съ мужьями комнаткахъ, или въ общихъ помѣщеніяхъ при прачешныхъ, конюшняхъ, оранжереяхъ и псовомъ дворѣ; точно такъ же были особыя горничныя при Натальѣ Ивановнѣ и для прислуги гостямъ, но 12—15 молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ занимали цѣлую половину дома и предназначались только для прислуги Кошкарова; вотъ онѣ-то и составляли то, что я назвалъ гаремомъ. Весь барскій домъ раздѣлялся на двѣ половины—мужскую и женскую. Первая состояла изъ прихожей, обвѣшанной охотничьими трубами, оружіемъ,—огромнаго зала, буфета, бильліардной, диванной и такъ называемой *братской* комнаты, въ которой помѣщались сыновья помѣщика, когда пріѣзжали въ отпускъ. Всѣ эти комнаты были очень обширны, и въ нихъ же помѣщались и гости, остававшіеся ночевать, а пріѣзжавшіе на болѣе продолжительный срокъ располагались въ новомъ барскомъ домѣ за прудомъ. Вторая, собственно женская половина барскаго дома, начиналась гостиной, которая, собственно, была нейтральною комнатою, потому что въ ней обыкновенно на одномъ диванѣ сидѣлъ Кошкаровъ, а на другомъ, напротивъ, Наталья Ивановна, и особое мѣсто имѣла Ѳеоктиста Семеновна. Здѣсь же обыкновенно проводили время всѣ прочіе члены семьи и гости, и здѣсь стояло фортепіано. У дверей гостиной, ведущихъ въ залъ, стоялъ, обыкновенно, дежурный лакей, а у противоположныхъ дверей, ведущихъ въ спальню Кошкарова—дежурная дѣвушка, и какъ лакей не могъ пересту-

нить порога спальни, такъ и дѣвушка не могла перешагнуть черезъ порогъ зала; но если случалось, что вслѣдъ за выходомъ дежурнаго лакея нужно было тотчасъ отдать приказаніе, касавшееся мужской прислуги, то дѣвушка должна была отворить дверь, оставшуюся всегда закрытою, и громко позвать помощника дежурнаго и отдать ему приказаніе; дверь же въ спальню никогда не закрывалась, и если выходила дежурная, то тотчасъ же являлась другая, да, по большей части, дежурная и ея помощница обѣ стояли вмѣстѣ, такъ что не было надобности вызвать кого-нибудь. Не только дежурный лакей или кто-нибудь изъ мужской прислуги, но даже мужскіе члены семьи или гости не могли пройти далѣе дверей, охраняемыхъ дежурною дѣвушкою. За гостиной слѣдовала такъ называемая спальня, но въ ней не было ни кровати, ни какихъ-либо другихъ спальныхъ и туалетныхъ принадлежностей, а это была въ сущности вторая гостиная, въ которой также иногда располагался Кошкаровъ со всею семьею. Отличіемъ ея служила ниша, за которой помѣщались постельныя принадлежности Кошкарова; въ этой же комнатѣ стояли шкапы съ книгами. Затѣмъ слѣдовалъ кабинетъ, но также безъ всякихъ кабинетныхъ принадлежностей, а просто большая комната съ разными хозяйственными вещами и отхожимъ мѣстомъ собственно для Кошкарова, и тутъ же былъ входъ въ комнату Натальи Ивановны и другой въ дѣвичью, огромную комнату съ нѣсколькими отдѣльными каморками. Кошкаровъ никогда не спалъ въ спальной, въ которой—какъ сказано выше—не было и кровати, а только за перегородкой хранились спальныя принадлежности. Обыкновенно, вечеромъ, послѣ ужина дежурная дѣвушка, по его приказанію, объявляла громко дежурному лакею: «барину угодно почивать», что было знакомъ для всей семьи расходиться по своимъ комнатамъ; удалялась, раскланявшись, Наталья Ивановна, а за нею и всѣ мы, а лакеи вносили тотчасъ въ гостиную изъ мужской половины простую деревянную кровать и, поставивъ ее по срединѣ комнаты, тотчасъ удалялись, а дверь изъ гостиной въ залъ запиралась, и дѣвушки изъ спальной выносили пуховикъ, одѣяло и прочія принадлежности для постели Кошкарова, который въ это время совершалъ вечернюю молитву по молитвеннику, при чемъ дежурная держала свѣчу, а въ это время всѣ прочія дѣвушки вносили свои койки и располагали ихъ вокругъ кровати Кошкарова, такъ какъ всѣ непремѣнно должны были, кромѣ Матрены Ивановны,—начальницы гарема,—спать въ одной съ Кошкаровымъ комнатѣ, причемъ дежурная раздѣвала его,

уложивъ въ постель, садилась возлѣ на стулъ и начинала непремѣнно сказывать сказки, имѣя въ рукахъ кусокъ краснаго сукна, которымъ по требованію лежащаго, иногда растирала ему спину или ноги и цѣлую ночь оставалась на стулѣ, не смѣя лечь спать. Поутру она отпирала дверь въ залъ и, возвѣстивъ громко мужской прислугѣ, что «баринъ приказалъ ставни открывать»,—удалялась въ каморку при дѣвичьей и тамъ ложилась спать; новая же дежурная поднимала съ постели барина, а прочія дѣвушки убирали свои койки изъ гостиной.

Утро было самое тяжелое и непріятное время для всѣхъ, въ особенности для горничныхъ. Пока Кошкаровъ одѣвался и умывался, онъ до самой утренней молитвы и непосредственно слѣдующаго за нею чаю и трубки табаку—былъ необыкновенно раздражителенъ, и всѣ наказанія производились въ это время. Особенно доставалось бѣднымъ дѣвушкамъ: если не было экзекуцій розгами, то многія получали лично отъ него пощечины, и все утро раздавалась крупная брань, иногда безъ всякаго повода, подъ предлогомъ, напримѣръ, что дежурная, стоя у дверей, очень часто и умильно посматривала на дежурнаго лакея, стоявшаго съ противоположной стороны, или передавая ему какое-нибудь приказаніе барское, возвращалась на свое мѣсто раскраснѣвшись,—это также преступленіе: значитъ «ей захотѣлось», какъ объяснялъ Кошкаровъ, и на слѣдующее утро за то ей давалась пощечина. Все это—говорю—продолжалось отъ четверти часа до получаса во время вставанья съ постели; затѣмъ, помолившись Богу и сѣвши на диванъ съ чашкою чаю и трубкою табаку, Петръ Алексѣевичъ дѣлался кроткимъ и любезнымъ хозяиномъ,—двери отворялись въ залу, являлась Наталья Ивановна и вся семья, и если онъ не ѣхалъ на охоту или не отправлялся по хозяйству, то послѣ хозяйственныхъ распоряженій и рапортовъ старосты, конюшаго, садовника, ловчаго (ловчій—начальникъ псовой охоты и смотритель псарнаго двора) занимался дѣлами съ Ѳеоктистой Семеновной или, по временамъ, слушалъ ея игру на фортепіано; она также читала ему книги; затѣмъ, когда наступало время обѣда и раздавался призывающій къ столу звонокъ, ему вносили въ гостиную маленькій обѣденный столикъ, а мы всѣ садились въ залѣ за общій столъ, и намъ услуживали лакеи, Кошкарову же дѣвушки. Послѣ стола мы всѣ расходились по своимъ комнатамъ, а Кошкарову приносили на диванъ подушки, и онъ ложился отдыхать, при чемъ дежурная садилась возлѣ и читала ему какую-нибудь книгу. Послѣ послѣобѣденнаго отдыха семья опять со-

биралась въ гостиную, занималась музыкой, а Кошкаровъ игралъ въ карты, обыкновенно въ вистъ въ четверомъ, и если не было гостей, то партнерами бывали и горничныя, но не садились за карточный столъ, а должны были играть стоя; Наталья Ивановна же на своемъ мѣстѣ раскладывала пасьянсъ или играла съ кѣмъ-нибудь въ пикетъ, при чемъ и мнѣ доводилось не рѣдко быть партнеромъ у Кошкарова или у Натальи Ивановны. Я, впрочемъ, охотнѣе игралъ съ послѣднею, потому что играли на изюмъ, тогда какъ съ Кошкаровымъ не было никакихъ призовъ игры,—а потому я тихонько подъ столомъ передавалъ тузовъ и всѣ лучшія карты его партнеру, чтобы скорѣе окончить обычные шесть роберовъ и отправиться въ залъ къ музыкантамъ или въ женскую половину къ дѣвушкамъ.

По вечерамъ часто собирался въ сосѣдней комнатѣ домашній оркестръ, и если были гости, то устраивались танцы; когда же призывали пѣвчихъ, то такъ какъ въ хорѣ участвовали и дѣвушки, то хоръ устраивался въ гостиной, но въ такомъ случаѣ хоръ исполнялъ не церковную музыку, а русскія и другія пѣсни, между которыми было много не только двусмысленныхъ, но даже прямо непристойнаго содержанія. Изъ нихъ у меня осталась въ памяти очень пріятная въ мелодическомъ отношеніи пѣсня: «сзади іорникъ шелъ пѣшкомъ»; собственно, содержаніе ея состоитъ изъ набора фразъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего шокирующаго, но мелодія составлена такъ, что въ концѣ каждаго куплета первый стихъ разсѣкается долгою нотою, отъ чего выходитъ самое площадное сквернословіе. . . . . И это пѣлось хоромъ мужчинъ и дѣвушекъ, не только при всей семьѣ нашей но и при гостяхъ, если только между ними не было дамъ. Вообще существовала цѣлая рукописная литература подобнаго рода стихотвореній и пьесъ, неизвѣстно кѣмъ составленная. Цѣлый портфейль былъ ею наполненъ—и портфейль этотъ находился въ распоряженіи Ѳеоктисты Семеновны.

Помню очень хорошо одинъ случай: мать полковника Кор*..., воспитывавшагося въ домѣ Кошкарова вмѣстѣ съ его сыновьями, Щ—ми, и составлявшаго какъ бы члена семьи Петра Алексѣевича,—Авдотья Ивановна жила въ сосѣдней деревнѣ въ трехъ верстахъ отъ Верякушъ и по праздникамъ приходила пѣшкомъ въ Верякушскую церковь, а по окончаніи обѣдни, конечно, заходила на барскій дворъ, чтобы отдохнуть и выпить чашку чаю. Вотъ, однажды, Кошкаровъ обращается къ ней съ вопросомъ: «Слышала ли ты, Авдотья Ивановна, что

у насъ теперь война? вотъ, можетъ быть и наши (т.-е. Щ—вы и Кор—въ) теперь сражаются?»—«Нѣтъ, батюшка, не слыхала».—«Какъ же! вотъ и въ газетахъ есть о томъ. Эй, Ѳеоктиста, прочти описаніе взятія Ширшавинской крѣпости!» Это юмористическое иносказательное описаніе процесса лишенія дѣвушки невинности, которое Ѳеоктиста Семеновна тотчасъ доставала изъ завѣтнаго портфеля и начала торжественнымъ голосомъ читать вслухъ. Въ заключеніи описанія говорится о пролившихся потокахъ крови. При этомъ бѣдная старушка начинала усердно креститься, повторяя: «Господи, какое кровопролитіе», а публика разражалась громкимъ хохотомъ, который Кошкаровъ объяснялъ старухѣ тѣмъ, что это описаніе войны съ французами, а теперь войны нѣтъ, а только боятся, что будетъ,—и тѣмъ успокаивалъ бѣдную мать, боявшуюся за своего сына. Всѣ эти пѣсни, двусмысленныя описанія и такого же рода фразы пѣлись, читались и говорились дѣвушками безъ всякой застѣнчивости, — да и что удивительнаго: разъ въ недѣлю Кошкаровъ отправлялся въ баню, и его туда должны были сопровождать всѣ обитательницы его гарема, и нерѣдко тѣ изъ нихъ, которыя еще не успѣли, по недавнему нахожденію въ этой средѣ, усвоить всѣ ея взгляды, и въ банѣ старались спрятаться изъ стыдливости,—возвращались оттуда битыми. Вообще съ дѣвушками Кошкаровъ обращался сурово, но съ крестьянами и мужскою прислугою былъ очень добръ и ласковъ, и наказаніе лакеевъ было такъ рѣдко, что въ теченіе 8 или почти 9 лѣтъ моего частаго посѣщенія и житья въ Верякушкахъ я помню только одинъ случай наказанія, но случай такой возмутительный, что онъ произвелъ на меня глубоко-потрясающее впечатлѣніе и имѣлъ на меня огромное нравственное вліяніе.

III.

Я не пользовался ласками хозяйской семьи, а Кошкаровъ, вслѣдствіе неудовольствія на моего отца, относился ко мнѣ даже съ пренебреженіемъ и нерѣдко называлъ меня *подьячимъ*. Ребенкомъ—я цѣлый день проводилъ между дѣвушками въ женской половинѣ, и онѣ меня очень ласкали, потому что я былъ единственное дитя въ домѣ. Ночь, конечно, я проводилъ въ мужской половинѣ, и изъ мужской прислуги меня въ особенности ласкалъ конный Ѳедоръ, котораго, вслѣдствіе того, я очень любилъ.

Изъ числа гаремныхъ дѣвушекъ молодая, недавно вступившая въ гаремъ, Аѳимья сильно понравилась Оедору, и онъ рѣшился—во что бы то ни стало похитить ее и бѣжать съ нею, такъ какъ не было другой возможности имъ сблизиться, и сношенія между ними производились, конечно, только по тайной перепискѣ, потому что лично имъ не было никакой возможности объясниться. Такъ какъ Оедоръ завѣдывалъ конскимъ заводомъ, то въ условленное съ Аѳимьей время, вечеромъ, онъ запрегъ въ повозку тройку лихихъ лошадей и, подъѣхавъ сзади дѣвичьяго отхожаго мѣста, выломалъ тамъ доску и поджидалъ Аѳимью. Отхожее мѣсто было устроено въ видѣ шатра противъ дѣвичьяго крыльца, и задняя сторона его выходила на площадь, гдѣ Оедоръ стоялъ съ лошадьми. Обыкновенно, дѣвушки ходили за естественною нуждою не иначе какъ съ дозволенія и подъ надзоромъ начальницы своей—Матрены Ивановны, которая, обыкновенно, приказывала имъ поджидать, пока соберутся двѣ—три и тогда выходила съ ними на крыльцо и поджидала, пока онѣ окончатъ свою нужду. Такъ было и въ описываемомъ случаѣ, съ тою только разницею, что Аѳимья, заявивъ о своей крайней нуждѣ, вошла въ шатеръ первая и, заперевъ дверь, чрезъ выломанную Оедоромъ доску тотчасъ вышла изъ шатра, сѣла съ нимъ въ телѣгу и ускакала. Матрена Ивановна и подруги ждутъ пять, десять минутъ,—наконецъ, начинаютъ кричать: «Аѳимья, что съ тобой? выходи!» Аѳимья не выходитъ. Поднялась тревога сбѣжались люди, выломали дверь, и тогда, замѣтивъ проломъ, догадались о побѣгѣ. Тотчасъ доложили Кошкарову. Велѣно было всѣмъ людямъ забрать въ конюшнѣ лошадей и отправиться немедленно по всѣмъ дорогамъ въ погоню за бѣглецами,—и къ утру ихъ догнали и привели назадъ. Аѳимья послѣ сильной порки была посажена на стулъ на цѣлый мѣсяцъ. Это одно изъ самыхъ жестокихъ наказаній, теперь едва ли кому извѣстныхъ, а потому я постараюсь описать его.

На шею обвиненной надѣвался широкій желѣзный ошейникъ, запиравшійся на замокъ, ключъ отъ котораго былъ у начальницы гарема; къ ошейнику прикрѣплена небольшая желѣзная цѣпь, оканчивающаяся огромнымъ деревяннымъ обрубкомъ, такъ что, хотя и можно было, приподнявъ съ особымъ усиліемъ послѣдній, перейти съ одного мѣста на другое,—но по большей части это дѣлалось не иначе, какъ съ стороннею помощью; вверху у ошейника торчали желѣзныя спицы, которыя препятствовали наклону головы, такъ что несчастная должна была си-

дѣть неподвижно, и только на ночь подкладывали ей подъ задніе спицы ошейника подушку, чтобъ она сидя могла заснуть. Инструментъ этотъ хранился въ дѣвичьей, и я въ теченіе восьми лѣтъ одинъ разъ только видѣлъ примѣненіе его на несчастной Аѳимьѣ,—и не помню, чтобъ онъ въ это время примѣнялся къ кому-нибудь изъ мужской прислуги, которая вообще пользовалась несравненно болѣе гуманнымъ обращеніемъ,—но исторія съ несчастнымъ Ѳедоромъ составляетъ исключеніе[1]).

Въ тотъ же день, когда была произведена экзекуція надъ Аѳимьей,—которую я, впрочемъ, не видѣлъ, потому что ее производили въ обыкновенное время всѣхъ расправъ съ дѣвушками—утромъ до чая, когда женская половина закрыта для всѣхъ,—и расправы эти, конечно, производились женщинами,—послѣ чаю приведенъ былъ на дворъ предъ окна кабинета бѣдный Ѳедоръ. Кошкаровъ сталъ подъ окномъ и, осыпая его страшною бранью, закричалъ: «люди, плетей!» Явилось нѣсколько человѣкъ съ плетьми, и тутъ же на дворѣ началась страшная экзекуція. Кошкаровъ, стоя у окна, поощрялъ экзекуторовъ криками: «валяй его, валяй сильнѣй!» что продолжалось очень долго, и несчастный сначала страшно кричалъ и стоналъ, а потомъ началъ притихать и совершенно притихъ, а наказывавшіе остановились. Кошкаровъ закричалъ: «что жъ стали? валяй его!»—«Нельзя», отвѣчали тѣ:—«умираетъ». Но и это не могло остановить ярость Кошкарова гнѣва. Онъ закричалъ: «эй, малый, принеси лопату». Одинъ изъ сѣкшихъ тотчасъ побѣжалъ на конюшню и принесъ лопату. «Возьми г... на лопату», закричалъ Кошкаровъ. Надобно замѣтить, что передъ его окнами постоянно стояла колода, въ которой кормились назначаемыя въ разгонъ лошади, а въ этотъ день тутъ кормились всѣ бывшія въ погонѣ за бѣглецами, а потому естественно, около нихъ образовались кучки лошадинаго кала. При словѣ: «возьми г.... на лопату» державшій ее зацѣпилъ тотчасъ кучу лошадинаго кала. «Брось его въ рожу мерзавцу и отведи его прочь!»

---

[1]) Такого рода истязанія практиковались не только между помѣщиками 1820-хъ годовъ, но и у служилыхъ людей. Это видно, между прочимъ, изъ высочайшаго указа, даннаго сенату 9-го февраля 1827-го года, въ которомъ объяснено, что нѣкто «служилый сотникъ Григорій Левицкій — сажалъ малороссіянина Климова въ станичной избѣ въ какую-то неподвижную колоду»—каковой способъ держанія людей указъ призналъ за «родъ пытки, отъ послѣдствій каковой пытки Климовъ и умеръ».

Государь повелѣлъ всѣ «подобныя орудія истребить» повсемѣстно.

При этихъ словахъ я, стоявшій во все время въ той же комнатѣ и горько плакавшій, потому что мнѣ очень жаль было бѣднаго Оедора, который постоянно ласкалъ меня,—до такой степени былъ возмущенъ этимъ варварствомъ, что вырвался изъ рукъ дѣвушки Настасьи, которая старалась успокоить меня и закрывала мое лицо отъ Кошкарова, чтобы онъ не видалъ моихъ слезъ,—и бросился на него съ намѣреніемъ его самого ударить въ лицо—но Настасья меня оттащила и увела въ другую комнату. Кошкаровъ однако замѣтилъ мое порывистое къ нему движеніе и спросилъ: «что съ нимъ? чего онъ барахтается?» Настасья объяснила, что будто хотѣлъ просить прощенія Оедору,—и тѣмъ дѣло и кончилось. Но сцена эта произвела на меня такое потрясающее впечатлѣніе, что съ тѣхъ поръ рука моя осталась чиста на всю жизнь: она не иначе прикасалась къ человѣку, да даже и животному, какъ съ лаской, и все это—какъ теперь понимаю—именно потому, что я былъ свидѣтелемъ возмутительнаго истязанія и надругательства надъ человѣкомъ, мнѣ близкимъ, меня ласкавшимъ,—и это было въ моемъ дѣтствѣ—мнѣ было шесть лѣтъ,—а въ это время всѣ впечатлѣнія неизгладимо остаются въ памяти на всю жизнь. Весьма вѣроятно, что если бы страждущимъ лицомъ въ этой сценѣ былъ кто-нибудь другой, а не мой добрый Федоръ, то я бы отнесся къ ней если не равнодушно, то, по крайней мѣрѣ, безъ такого сильнаго потрясенія, а при частомъ повтореніи предо мною наказаній разнаго рода надъ другими привыкъ бы къ нимъ и смотрѣлъ бы на нихъ какъ на обыкновенный порядокъ вещей, но, повторяю, такого звѣрства надъ мужскою прислугою я не видалъ, да кажется, его и не было, а всѣ пощечины и порки дѣвушкамъ производились утромъ, до чая, слѣдовательно, я не могъ быть при нихъ; сажанье же на стулъ было, вѣроятно, нерѣдко, но на короткое время, а потому у меня осталась въ памяти только исторія съ бѣдной Аѳимьей. Что сдѣлалось послѣ съ бѣднымъ Оедоромъ—не знаю, потому что его затѣмъ я не видалъ болѣе. Онъ долго былъ боленъ, а по выздоровленіи, вѣроятно, былъ сосланъ въ другую деревню, или даже умеръ. Аѳимью же, дѣйствительно, я видѣлъ съ мѣсяцъ или болѣе пригвожденною къ своему такъ называемому стулу, потому что она сидѣла въ дѣвичьей, куда я имѣлъ всегда свободный входъ. Затѣмъ она была исключена изъ горничныхъ и употреблялась для черной работы: помню, что она въ простомъ крестьянскомъ платьѣ съ метлой въ рукахъ мела барскій дворъ и жила у дяди своего—садовника. Дальнѣйшая же ея участь мнѣ также неизвѣстна.

IV.

Я сказалъ, что связь Аѳимьи съ Ѳедоромъ началась и производилась посредствомъ тайной переписки, такъ какъ дѣвушки лишены были всякой возможности сближаться съ мужскою слугою и даже въ случаѣ передачи какихъ-либо приказаній барина дежурная не смѣла переступить порогъ изъ гостиной въ залу, но должна была, отворивъ дверь, громко передать приказаніе и тотчасъ возвратиться. Къ семьѣ, къ роднымъ онѣ никогда не отпускались ни подъ какимъ предлогомъ, а принимали ихъ въ общей дѣвичьей, и то, если приходили братья или другіе мужскіе родственники, то бесѣда производилась подъ наблюденіемъ Матрены Ивановны. Дѣвушки ходили, конечно, въ церковь и дѣлали прогулки въ садъ, но не иначе, какъ полнымъ хоромъ и подъ наблюденіемъ той же Матрены Ивановны, а въ церкви у нихъ было особое назначенное для нихъ мѣсто. Переписка же, какъ я узналъ послѣ, производилась такимъ образомъ, что дѣвушка и лакей, стоя во время дежурства въ гостиной,—одинъ у однихъ дверей, другая у другихъ, имѣли наготовѣ записки, и, въ случаѣ если надобно было отдать стаканъ или чашку или вообще передать что-нибудь другъ другу, то вмѣстѣ съ тѣмъ давалась и заранѣе приготовленная записка съ названіемъ шопотомъ лица, которому она назначалась,—и эта тайная почта исполняла свои обязанности самымъ добросовѣстнымъ образомъ, потому что къ тому побуждалъ общій интересъ. Хотя не только въ селеніи, но и въ барскомъ дворѣ не было школы, но большинство мужской прислуги и всѣ безъ исключенія дѣвушки были не только грамотныя, но и очень развитыя и начитанныя, и въ распоряженіи ихъ состояла довольно большая библіотека, состоявшая, конечно, почти исключительно изъ беллетристическихъ произведеній. Для дѣвушки грамотность была обязательна, иначе она не могла исполнять своихъ обязанностей чтицы при Кошкаровѣ, партнерки въ вистъ и проч., а потому каждая вновь поступившая тотчасъ же начинала учиться чтенію и письму у подругъ,—но не было не только правильно организованной школы, но даже опредѣленной учительницы: обязанности послѣдней исполняла каждая свободная подруга, и обученіе шло очень быстро. Благодаря этому, и я въ раннемъ дѣтствѣ научился читать и писать самъ не знаю отъ кого, потому что, какъ сказано прежде, я почти цѣлый день проводилъ въ средѣ дѣвушекъ. Для мужской прислуги грамотность хотя и не была

обязательна, но большинство ея также было грамотнымъ, обучаясь такимъ же способомъ, какъ и дѣвушки, и тамъ побужденіемъ къ грамотности было то, что не будучи грамотнымъ нельзя было получить высшихъ должностей: дворецкаго, буфетчика, конюшаго, ловчаго—или попасть въ хоръ музыкантовъ и пѣвчихъ[1]). Главною моею учительницею, вѣроятно, была добрая Настасья, потому что я въ особенности помню, что она постоянно привлекала меня къ себѣ разсказами о прочитанныхъ ею книгахъ, и что отъ нея я впервые услыхалъ стихи Пушкина и со словъ ея наизусть выучилъ «Бахчисарайскій фонтанъ» и впослѣдствіи завелъ у себя цѣлую тетрадь стихотвореній Пушкина же и Жуковскаго. Вообще дѣвушки всѣ были очень развиты: онѣ были прекрасно одѣты и получали—какъ и мужская прислуга—ежемѣсячное жалованье и денежные подарки къ праздничнымъ днямъ. Одѣвались же всѣ, конечно, не въ національное, но въ общеевропейское платье. Послѣ извѣстнаго времени гаремной службы онѣ выдавались замужъ за заслуженныхъ лакеевъ и получали хорошее приданое, и только за тяжкіе проступки исключались—подобно Аѳимьи—изъ дѣвичьей и возвращались въ семьи съ воспрещеніемъ носить такъ называемое барское (европейское) платье, которое у нихъ отбиралось, или отсылались на кухню на черную работу.

Мужская прислуга—разумѣю комнатную—также была весьма многочисленна и находилась подъ главнымъ начальствомъ дворецкаго. Большинство лакеевъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и псовыми охотниками, т.-е. когда баринъ выѣзжалъ въ отъѣзжее поле, надѣвали охотничьи костюмы, садились на коней и провожали его на охоту, а вмѣстѣ съ тѣмъ участвовали въ музыкальномъ или пѣвческомъ хорѣ. Музыкальный хоръ былъ, впрочемъ, небольшой и игралъ только для танцевъ, но пѣвчихъ было человѣкъ 15 мужчинъ и четыре или пять дѣвушекъ изъ горничныхъ. Хоръ обучался и репетировалъ, конечно, на мужской половинѣ, а дѣвушки являлись туда подъ надзоромъ Матрены Ивановны или ея помощницы; регентъ хора былъ вольнонаемный. Кромѣ пѣнія въ церкви, хоръ—какъ я сказалъ выше—при гостяхъ и даже безъ гостей призывался иногда по вечерамъ въ гостиную и развлекалъ Кошкарова пѣніемъ народныхъ и другихъ пѣсенъ. Вообще Кошкаровъ очень лю-

[1]) А съ этимъ сопряжены были нѣкоторыя весьма существенныя преимущества, въ такъ называемомъ мѣсячномъ, т.-е. ежемѣсячно выдаваемомъ денежномъ жалованьи, и въ одеждѣ. Я. П.

билъ музыку, и всѣ его сыновья, Щ**..., были музыкантами,— а одинъ изъ нихъ—Петръ Петровичъ—даже компонистомъ, но сочиненія его, преимущественно пѣсни и варіаціи къ нимъ для фортепіано, не распространялись далѣе Верякушъ и, конечно, никогда не появлялись въ печати. Оттуда и у меня съ ранняго дѣтства проявилась любовь къ музыкѣ, и я такимъ же способомъ, какъ и грамотѣ, т. е. почти самоучкою, выучился брянчать на фортепіано.

V.

Такъ какъ я проводилъ время почти исключительно на женской половинѣ дома,—за исключеніемъ ночи,—то на меня дѣвушки имѣли почти исключительное вліяніе: у нихъ я выучился грамотѣ, игрѣ на фортепіано, получилъ страсть къ чтенію, а потому остался чуждъ псовой охотѣ, которая составляла главный интересъ мужской половины. Мнѣ нравилась только внѣшняя обстановка этой забавы, которая была очень эффектна. Когда Кошкаровъ задумаетъ бывало ѣхать на охоту, то призывается ловчій, съ которымъ ведется совѣщаніе, куда именно ѣхать. Избравъ мѣсто охоты, Кошкаровъ даетъ приказаніе собираться,—и тогда ловчій надѣваетъ охотничій костюмъ, беретъ трубу и, выйдя на крыльцо, долго трубитъ, давая тѣмъ знакъ къ сборамъ. По первому же звуку трубы конюшій собираетъ лошадей, псари ведутъ собакъ, а охотники въ своихъ живописныхъ костюмахъ садятся на лошадей, и подается для Кошкарова коляска, за которой ѣдетъ верхомъ конюшій, держа подъ узды барскую верховую лошадь. Когда баринъ готовъ, то ловчій снова трубитъ, и охотники выстраиваются въ рядъ, и, какъ только выйдетъ Кошкаровъ и сядетъ въ коляску, то вся кавалькада съ пѣснями отправляется въ путь; возвращеніе совершается при такой же торжественной обстановкѣ, что, конечно, очень меня интересовало. Но такъ какъ съ отъѣздомъ на охоту весь домъ пустѣлъ, и въ дѣвичьей закипала болѣе широкая жизнь, то я былъ вполнѣ доволенъ, что могъ оставаться дома съ дѣвушками, а потому сообственно охота меня вовсе не интересовала. Я только съ удовольствіемъ участвовалъ въ прогулкахъ на псарный дворъ. Прогулки эти устраивались, конечно, только лѣтомъ, въ хорошую погоду, передъ закатомъ солнца—именно въ пору вечерняго кормленія собакъ. Давалось заранѣе знать ловчему, и въ назначенный часъ отправлялся Кошкаровъ со всей семьей и даже въ сопро-

вожденіи всего гарема. Псарный дворъ былъ на площади, шагахъ въ двухъ-стахъ отъ барскаго двора. Предъ воротами его была длинная колода, въ которой готовилась пища для собакъ —овсяная мука съ водой и куски мяса. Предъ колодой ставилось кресло для Кошкарова и стулья для гостей, прочая же публика размѣщалась на скамьяхъ. Когда мѣсиво было готово, ловчій давалъ знакъ въ трубу, и тотчасъ же отворялись ворота и выбѣгали сначала борзыя, но не касаясь корыта, строились во фронтъ передъ нимъ, сидя на заднихъ лапахъ. По второму знаку трубы выбѣгали гончія прямо къ корыту, и, опорожнивъ его, стройно убѣгали во дворъ, и тогда псари начинали готовить пищу для борзыхъ. По данному знаку борзыя бросались къ корыту и, по окончаніи, въ такомъ же порядкѣ возвращались въ свои сараи, и во все это время трубачи играли на своихъ трубахъ. Если случалось когда захватить живого зайца, то на той же площади, въ присутствіи публики, производилась травля; но и эти развлеченія меня привлекали потому, что на нихъ присутствовали дѣвушки, и, слѣдовательно, я находился—какъ говорится—въ своей любимой средѣ. Послѣ, когда мнѣ минуло 13 лѣтъ, и я уже не жилъ въ Верякушахъ, а пріѣзжалъ туда время отъ времени гостемъ,—въ день моего рожденія—Кошкаровъ подарилъ и мнѣ свору собакъ и назначилъ ко мнѣ стремяннаго, такъ какъ, по обычаю, каждый мужчина, долженъ быть непремѣнно охотникомъ и по возведеніи въ это званіе, обязанъ былъ принимать дѣятельное участіе въ охотѣ. При первомъ же выѣздѣ въ отъѣзжее поле взяли и меня, но я очень былъ не доволенъ, потому что въ это время читалъ книгу, которая очень меня интересовала: «Матильда, или записки изъ исторіи крестовыхъ походовъ», сочиненіе г. Коттень, конечно, въ русскомъ переводѣ.

Пріѣхавъ на островъ —такъ на охотничьемъ языкѣ у насъ называлась роща, окруженная гладкимъ полемъ—Кошкаровъ вышелъ изъ экипажа и сѣлъ на коня, указавъ каждому изъ охотниковъ, гдѣ онъ долженъ стоять со своею сворою,—а гончія были спущены въ рощу и тотчасъ нашли зайца и начали его преслѣдовать. Всѣ охотники жадно прислушивались къ ихъ лаю, стараясь по нему угадать мѣсто, гдѣ выбѣжитъ звѣрь,—но меня это вовсе не интересовало,—я разлегся на отведенномъ мнѣ мѣстѣ и преспокойно читалъ взятый мною съ собой романъ, и такъ увлекся имъ, что и не замѣтилъ, какъ бѣдный заяцъ выбѣжалъ прямо противъ меня и направился въ поле. Стремянной мой—по правиламъ охоты—не могъ

безъ моего приказанія спустить свору (пара борзыхъ собакъ) и хотя кричалъ мнѣ: «баринъ, баринъ, вотъ звѣрь», но я не обратилъ на то вниманія, и, такимъ образомъ, благодаря прекрасной Матильдѣ и ея обожателю, Малекъ-Аделю, всецѣло приковавшихъ къ себѣ мое вниманіе,—заяцъ преспокойно пробѣжалъ мимо и замѣченъ былъ другими охотниками тогда, когда спущенныя ими собаки уже не могли его догнать. Кошкаровъ былъ взбѣшенъ до крайности этой неудачей и если бы меня не спряталъ занимавшій ближайшій ко мнѣ постъ дядя Петръ,—то онъ избилъ бы меня бывшимъ у него въ рукахъ арапникомъ. Возвратившись домой, долго толковали о моей неловкости, и Кошкаровъ рѣшилъ такъ: «что тутъ удивительнаго! Нурка,—такъ звали меня обыкновенно,—какъ сынъ подъячаго—не способенъ къ благороднымъ удовольствіямъ: отобрать отъ него стремяннаго и свору и исключить изъ охоты». Я очень былъ доволенъ этимъ рѣшеніемъ, потому что дѣйствительно не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія къ охотѣ...

VI [1]).

Чтобы не праздновать у себя въ имѣніи нашего сельскаго праздника, именно въ этотъ день выѣхалъ я изъ Мценска къ себѣ. Дорога какъ есть in naturalibus, безъ всякихъ улучшеній, еще стала непроходимѣе, погода гораздо холоднѣе, а у меня не было шубы. По недостатку всякой другой теплой одежды я получилъ довольно острую ревматическую боль въ плечахъ и рукахъ до локтей. Простудный ревматизмъ и послѣ часто ко мнѣ возвращался, насилу я отъ него отдѣлался.

Мнѣ бы хотѣлось представить здѣсь въ первый разъ по вступленіи моемъ въ дѣйствительное, уже не отроческое управленіе всѣми моими дѣлами довольно подробное описаніе Михайловскаго и того положенія, въ которомъ оно находилось въ концѣ 1822 и въ началѣ 1823 г. Одна изъ главныхъ задачъ моихъ «Записокъ» состоитъ въ томъ, чтобы представить какъ собственно для себя, такъ и для немногихъ моихъ читателей сравнительно вѣрный, безпристрастный очеркъ отношеній крѣпостныхъ крестьянъ, а равно и дворовыхъ къ ихъ помѣщикамъ этого времени, т.-е. почти за 40 послѣднихъ лѣтъ существованія у насъ крѣпостного права до 1861 г. Задача трудная, требующая полнаго систематическаго обозрѣнія, врядъ ли удастся мнѣ съ ней справиться, какъ бы хотѣлось. Вообще о Михайловскомъ

[1]) Записки Д. Н. Свербеева. М. 1892 г. Т. II. Стр. 27—77.

можно и должно сказать: земля великая и обильная, но въ ней, какъ и во всей Россіи, порядка не было. Вмѣсто князей изъ варяговъ призывались туда по временамъ и свои и иноплеменные управляющіе, а порядка все не было. Какіе были улучшенія и успѣхи справедливѣе будетъ приписать ихъ не мнѣ и не поставляемымъ мною дѣятелямъ, но одному времени.

Прежній управляющій, Шиловъ, умершій скоропостижно отъ водки, былъ бы хорошимъ хозяиномъ, если бы не былъ крѣпостнымъ дворовымъ человѣкомъ. Слишкомъ высоко держалъ онъ себя надъ всею массою мужиковъ и потому, что онъ самъ былъ другой касты—изъ старинныхъ дворовыхъ, и потому, что былъ, такъ сказать, ученый въ сравненіи съ невѣждами. Онъ зналъ, конечно отчасти, и математику и землемѣріе, и на бѣду его и мою, изучая кое-какіе указы, прельстился ябедничествомъ, заводилъ пустыя дѣла по судамъ и охотнѣе ими занимался, чѣмъ сельскимъ хозяйствомъ. Николаю Сергѣевичу Тарасову досталось имѣніе для управленія въ самомъ распущенномъ видѣ. Послѣдній былъ менѣе уменъ и менѣе грамотенъ, чѣмъ Шиловъ, но зато трезвѣе и честнѣе. Онъ былъ изъ мелкихъ серпуховскихъ дворянъ, нигдѣ и ничему не учился, прослужилъ года четыре въ гусарахъ и, вышедъ въ отставку лѣтъ 30, управлялъ очень небольшимъ своимъ имѣніемъ, селомъ Яцеровымъ, подъ городомъ Серпуховымъ, служа передъ женитьбой, во время предводительства моего отца, въ этомъ уѣздѣ, по выборамъ, земскимъ засѣдателемъ. Съ своими крестьянами обращался онъ круто, иногда жестоко,—однимъ словомъ такъ, какъ и всѣ, особливо мелкопомѣстные помѣщики, по произволу, по капризу. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что самое вѣрное средство увеличивать доходы—засѣвать какъ можно больше полей. Урожай де зависитъ отъ Бога. На дѣлѣ выходило напротивъ. Дурно обработанныя и большею частью совсѣмъ не удобренныя поля давали весьма плохіе урожаи и усиленный, съ грѣхомъ пополамъ, барщинскій трудъ, не стоившій ничего, будучи даровымъ для помѣщика, изнурялъ крестьянъ. Такъ бы повелъ онъ хозяйство и у меня, если бы я, слѣдуя болѣе разумной системѣ, введенной моимъ отцомъ, ея не поддерживалъ. Я потребовалъ отъ Тарасова, чтобы опредѣленное количество полей не измѣнялось; чтобы рабочія тягла произвольно не увеличивать; чтобы крестьяне не отправляли барщиной никакихъ другихъ посторонникъ сельскому хозяйству работъ, какъ-то построекъ и т. д.; чтобы отнюдь не мѣшались въ ихъ браки; чтобы рекрутъ отдавали по очереди, предоставляя управляющему право отдавать въ солдаты прежде

очередныхъ крестьянъ неисправныхъ или дурного поведенія; чтобы всѣ крестьяне разбирались между собою, или если дойдутъ съ жалобами своими до помѣщичьей конторы, то не иначе, какъ сельскими старшинами въ присутствіи управляющаго; чтобы всѣ наказанія и штрафы взыскивались въ конторѣ и записывались въ книгу и т. д. Все, что я могъ придумать и придумывалъ впослѣдствіи для огражденія крестьянъ отъ каприза управляющаго и его помощинковъ, едва ли приводилось въ исполненіе, но неизбѣжно довело крестьянъ до своеволія и распущенности, а управляющаго и все его правленіе до сонной лѣни. Мужики, однако, послѣ Шиловскаго управленія, видимо, поправлялись, зато доходы, какъ бы слѣдовало по возвышенію цѣнъ, не увеличивались, но и не уменьшились; я былъ и тѣмъ доволенъ. По излишней моей бережливости на себя, богатый бѣдностью моихъ прихотей, я, слава Богу, никогда не страдалъ жадностью къ деньгамъ.

Теперь нѣсколько словъ о самихъ крестьянахъ: всѣхъ ихъ вообще можно было раздѣлить на три части: на зажиточныхъ, семейныхъ, изворотливыхъ и отъ природы болѣе умныхъ; на среднихъ, которые существовали еще сносно, и, наконецъ, на голь и бѣдняковъ по собственной винѣ или по обстоятельствамъ, съ которыми они не умѣли справиться. Послѣдніе, а ихъ было порядочная масса, были еще болѣе крѣпостными у односельцевъ своихъ богатыхъ, чѣмъ у помѣщиковъ. Всѣ вообще находились подъ моимъ главнымъ патріархальнымъ завѣдываніемъ, которое я продолжалъ по мысли моего отца и по моимъ собственнымъ выводамъ изъ идей христіанскихъ и философскихъ о правахъ человѣка, который не долженъ быть ничьей вещью, т.-е. рабомъ.

Никакъ не могу въ моихъ «Запискахъ» отбояриться отъ отступленій и не сказать здѣсь нѣсколько словъ о бывшемъ крѣпостномъ состояніи въ Россіи.

По обычаю крѣпостной часто былъ продаваемъ явнымъ образомъ даже не помѣщику, но какому-нибудь чужому, зажиточному, также крѣпостному крестьянину, который пріобрѣталъ его покупкой на имя своего помѣщика, съ тѣмъ, чтобы купленнаго отдать за свою семью въ рекруты. Такое вопіющее злоупотребленіе вынудило издать законъ еще до уничтоженія права продавать людей безъ земли, запрещающій отдавать въ рекруты людей прежде истеченія года до пріобрѣтенія ихъ покупкой. Различныя сдѣлки торга людьми въ рекруты введены въ обычай столько же помѣщиками, какъ и крестьянами. Про-

слѣдимъ всю исторію этого торга. Прежде торговала людьми въ рекруты сама казна и безстыдно пользовалась такимъ средствомъ умноженія государственнаго дохода. Въ доказательство приведу одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ примѣровъ, который, однако, въ свое время едва ли осужденъ былъ общественнымъ мнѣніемъ.

Одна княгиня сама по себѣ принадлежала семейству, отличавшемуся христіанскою образованностью и умственнымъ развитіемъ. Она соединяла въ себѣ и то и другое. Вышедъ замужъ уже не молодою за извѣстнаго въ Москвѣ разорившагося богача, она, расчетливая и способная на всякое дѣло не по-женски, съ первыхъ дней своего замужества взялась за устройство имѣній мужа, близкаго къ окончательному разоренію. Обозрѣвъ имѣніе и поселившись въ одной изъ деревень, тотчасъ же продала она казнѣ 700 рекрутскихъ зачетныхъ квитанцій и получила такимъ образомъ 700.000 рублей ассигнаціями за отданныхъ ею изъ всѣхъ деревень рекрутъ въ зачетъ будущихъ наборовъ. Въ настоящее время необходимо для позднѣйшихъ поколѣній объяснить принятую ею мѣру для уплаты долговъ, лежавшихъ на мужѣ. Продавая людей въ рекруты за деньги, она не освобождала нисколько своихъ имѣній отъ рекрутской повинности. Примѣръ княгини, по счастію, не имѣлъ подражателей между порядочными зажиточными помѣщиками, зато у мелкопомѣстныхъ такіе случаи встрѣчались и могли находить извиненіе въ ихъ вѣчной нуждѣ, въ ихъ постоянномъ убожествѣ. Съ своей стороны зажиточные крестьяне и особливо нашихъ сѣверныхъ промышленныхъ губерній, покупали у различныхъ помѣщиковъ зачетныя квитанціи или самыхъ людей, годныхъ въ рекруты, а когда вышелъ законъ не ставить въ солдаты купленныхъ прежде года, покупщики держали ихъ въ работникахъ при себѣ подъ строжайшимъ присмотромъ, чтобы они не сдѣлали умышленно надъ собою какого-нибудь вреда и оставались бы годными въ отдачу, какими были по осмотру при самой покупкѣ. Вспомнимъ, что попечитель университета Голохвастовъ тщательно осматривалъ покупаемыхъ имъ людей, хотя, впрочемъ, онъ и не покупалъ ихъ для отдачи въ рекрута, а на всякій случай.

Если иные неразборчивые помѣщики и по бѣдности и по общей грубости помѣщичьихъ нравовъ имѣли обычай продавать въ рекруты своихъ крѣпостныхъ, преимущественно дворовыхъ, которыхъ можно было всегда продавать безъ земли, то, съ другой стороны и къ постоянному моему изумленію, знатные, чи-

новные, богатые и даже передовые, по своему образованію, помѣщики дозволяли своимъ богатымъ крестьянамъ, поощряли ихъ покупать людей въ рекруты за свои семьи. Мнѣ пришлось не одинъ разъ убѣждать и нашихъ богатыхъ и нашихъ образованныхъ рабовладѣльцевъ въ томъ, что покупка людей есть тоже вопіющее злоупотребленіе. Занимаясь дѣлами двухъ крупныхъ помѣщиковъ, я рѣшительно отказалъ имъ въ моемъ на этотъ случай содѣйствіи. Богатые крестьяне, которымъ я отказывалъ подписывать по довѣренности купчія на продаваемыхъ въ рекруты людей, обратились тогда къ своимъ господамъ, и обреченные на солдатчину люди помимо меня, чрезъ другихъ повѣренныхъ, были просителями куплены. Господами пріобрѣтателями были: одинъ извѣстный не богатствомъ, за то высшею своею образованностью и авторствомъ князь, и другой—тоже князь, очень богатый и очень добрый. И не они одни дозволяли своимъ рабамъ-крестьянамъ покупать чужихъ рабовъ-крестьянъ. Два мои указанія на помѣщиковъ, коротко мнѣ извѣстныхъ, изъ тѣхъ многихъ, которые всѣ, безъ исключенія, по обычаю злоупотребляли своими правами, отнюдь не есть, въ моихъ глазахъ, личное имъ обвиненіе. Вина была не въ нихъ, а въ сущности самаго права, и потому, не дѣлая никому укора, приведу еще примѣръ подобныхъ злоупотребленій, которыя, вѣроятно, были допускаемы многими крупными помѣщиками въ размѣрахъ, несравненно болѣе увеличенныхъ. Богатые помѣщики дозволяли своимъ богатымъ крестьянамъ пріобрѣтать на свое имя людей въ рекруты цѣлыми семьями и даже цѣлыми деревнями. Мнѣ, можетъ быть, не повѣрятъ, а потому я приведу одинъ случай, также мнѣ коротко извѣстный. На время своего отсутствія за границу родственница моя, сосѣдка по имѣнію, просила меня завѣдывать ея имѣніями въ разныхъ губерніяхъ. Всѣ ея крестьяне были на оброкѣ, и на всѣхъ нихъ накопились большія недоимки, допущенныя слишкомъ добрымъ, а потому слишкомъ слабымъ ея управленіемъ. Познакомившись нѣсколько съ дѣлами, я сказалъ ей, что собирать старыхъ, запущенныхъ недоимокъ не буду, за то ручаюсь, что годовой настоящій оброкъ доставлю ей вполнѣ. Для приведенія въ исполненіе моего обѣщанія я долженъ былъ принять тѣ же самыя мѣры, крутыя, насильственныя, какія ввелъ я въ моихъ собственныхъ оброчныхъ имѣніяхъ. Я предписалъ всѣмъ вотчиннымъ начальникамъ: 1) что отнынѣ за несвоевременный платежъ настоящаго оброка воспрещаются, до совершенной его уплаты, браки въ домахъ и семьяхъ тѣхъ хозяевъ, на которыхъ окажется не-

доимка, и 2) годныя въ этихъ семьяхъ въ рекруты люди будутъ мною отдаваться прежде очередныхъ. Послѣ моихъ распоряженій объявленъ былъ рекрутскій наборъ. Заслуженный бурмистръ братаго ярославскаго имѣнія моей родственницы, села Михайловскаго (имя его я забылъ), вмѣсто списка недоимщиковъ выслалъ мнѣ одинъ только списокъ очередныхъ и просилъ моего разрѣшенія на отдачу въ рекруты по заведенному у нихъ порядку. Я вызвалъ бурмистра къ себѣ въ Москву для объясненія и рѣшительно повторилъ ему приказаніе ставить въ рекруты напередъ людей изъ семей недоимщиковъ, ибо, несмотря на явную зажиточность подгороднаго ихъ села, у нихъ и новый оброкъ за этотъ годъ, не говоря уже о старыхъ недоимкахъ, уплачивался неисправно. Бурмистръ отвѣчалъ мнѣ и довольно грубо: «У насъ этого не водится, мы никогда изъ всего нашего села рекрутъ не ставимъ».—Какъ же такъ? А этотъ очередной списокъ, подписалъ его ты?—«Я. Да это очередные деревни Казанки». Какой деревни Казанки? У меня въ описи имѣній вашей помѣщицы нѣтъ ни одной подъ этимъ названіемъ.—«Да деревнѣ Казанкѣ не слѣдуетъ быть въ вашей описи, она не княжны, а наша».—Что за чертовщина! Какъ же она ваша, а не княжны?—«Извольте видѣть-съ. Мы самую эту деревню (душъ 50 или 60) по сосѣдству съ нами купили за себя еще при покойномъ князѣ, отцѣ нашей барышни, и на его имя съ тѣмъ, чтобы за село свое ставить изъ нея людей въ солдаты. Такъ это съ тѣхъ поръ и ведется законно. Вы тоже, сударь, эфтимъ насъ не обидьте, потому что это самой княжнѣ все извѣстно». Какъ ни твердо, казалось мнѣ, зналъ я всю азбуку нашего крѣпостного права, но такой отвѣтъ изумилъ и меня совершенно неизвѣстнымъ мнѣ до того времени новымъ проявленіемъ крѣпостничества. Подумавъ и помолчавъ нѣсколько минутъ, я продолжалъ мое дослѣдованіе, обратившись къ бурмистру, стоявшему передо мной, какъ бы ни въ чемъ не бывало, въ полномъ сознаніи своей правоты, съ новыми вопросами: Ну, что же? эти казанскіе крестьяне на барщинѣ или на оброкѣ?—«На оброкѣ-съ». Кому же они платятъ?—«Вѣстимо намъ. Вѣдь купили ихъ мы».—По-скольку?—«По-скольку мы платимъ княжнѣ».—А недоимки у васъ на нихъ есть?—«Нѣту. Недоимщиковъ сдаемъ мы первыхъ въ рекруты».—Ну, любезный, спасибо за урокъ. Вотъ вѣдь ты и самъ меня учишь дѣлать такъ, какъ вы дѣлаете. Выпишемъ же мы съ тобой по подворной описи села Михайловскаго вашихъ-то недоимщиковъ, и ты по ихъ списку, за моей рукой, въ этотъ наборъ отдашь ихъ непремѣнно, если они всего оброка не заплатятъ.—«Это

нельзя-съ; будемъ просить княжну вести по-старому».—Можно, дружокъ, можно! Княжна далеко, а наборъ на носу, и ярославскій губернаторъ отъ меня ближе, чѣмъ отъ васъ помѣщица. Стоитъ ему узнать о вашихъ беззаконныхъ порядкахъ, тогда ваша Казанка улетитъ къ чорту,—отойдетъ въ казну.—По сказанному и по писанному мною все было сдѣлано, т.-е. не совсѣмъ все, недоимщиковъ въ селѣ Михайловскомъ, которымъ грозило рекрутство, никакихъ уже не оказалось, и рабы рабовъ опять пошли въ рекруты, но уже въ послѣдній разъ. Возвратившуюся владѣлицу я убѣдилъ взять деревню Казанку за себя взамѣнъ накопившихся недоимокъ старыхъ годовъ по этому имѣнію.

Когда въ послѣднее десятилѣтіе передъ эмансипаціей дѣятельностью правительства возбуждены были различныя препятствія промышленности людьми при рекрутскихъ наборахъ; когда между высшими административными лицами губерніи правительство, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, начинало находить себѣ ревностныхъ исполнителей новаго либеральнаго направленія; когда богатые крестьяне уже не покупали людей въ рекруты, а нанимали за себя охотниковъ, которые большею частью продавались сами,—и тогда, и въ этихъ случаяхъ помѣщики опытные и ловкіе брали по крайней мѣрѣ двѣ трети денегъ за охотника себѣ въ карманъ, отдавая ему самому самую ничтожную сумму. Такая сдѣлка происходила слѣдующимъ образомъ.

Охотникъ, если онъ былъ крѣпостнымъ дворовымъ или крестьяниномъ другого помѣщика, безъ вѣдома ему самому, то-есть охотнику, также продавался, но уже не по купчей на него крѣпости, ибо всякая продажа была напослѣдокъ воспрещена. Вмѣсто же продажнаго акта давалось ему, т.-е. не ему въ руки, а въ руки его покупателя, отпускной листъ. Покупатель, пріискавъ гдѣ-нибудь на сторонѣ отчаяннаго пьяницу, отбивающагося отъ семьи забулдыгу, подговаривалъ его за небольшія деньги и за кутежъ въ полномъ развалѣ въ продолженіе 2-хъ, 3-хъ до набора мѣсяцевъ согласиться идти за него охотникомъ. Такихъ забулдыгъ между фабричными помѣщичьими крестьянами находить было возможно, цѣна на нихъ была отъ 200 до 300 рублей, и, смотря по времени, продовольствіе и удовольствіе такого охотника могло становиться покупателю еще рублей сто, а много двѣсти. Но настоящая сдѣлка охотнику была не 500 рублей на него издержанныхъ, а болѣе чѣмъ вдвое. Эту послѣднюю сумму получалъ отъ покупателя продавецъ охотника, помѣщикъ, давая отпускную въ руки пріобрѣтателя

и на его собственный страхъ. Врачи, воинскіе пріемщики и кто-нибудь изъ членовъ рекрутскаго присутствія всегда бывали уже подмазаны. Первые еще до ставки его у себя на дому уже видѣли и осматривали, и какъ скоро вводился этотъ несчастный въ рекрутское присутствіе, предлагали ему, пьянствовавшему въ продолженіе цѣлаго мѣсяца и ошеломленному рѣшительною торжественностью послѣдняго совершающагося надъ нимъ акта, одну половину формальнаго вопроса: точно ли онъ идетъ охотой въ рекруты? умалчивая о томъ, что ему уже дана была отпускная, онъ уже не крѣпостной, а свободный, и что поэтому отъ него совершенно зависитъ итти въ рекруты или не итти и пользоваться данной свободой. Всѣ подробности такихъ продѣлокъ узналъ я отъ одного изъ торгующихъ людьми господъ, можайскаго помѣщика князя Крапоткина, который при мнѣ на дому у предсѣдателя можайскаго рекрутскаго присутствія просилъ его и тутъ же меня, какъ перваго члена этого присутствія, принять охотникомъ проданнаго имъ человѣка одному волостному головѣ государственныхъ крестьянъ. Предсѣдатель изъявилъ безусловное свое на то согласіе, я тоже согласился, но имѣлъ глупость предупредить тутъ же князя, что я потребую отпускную, отдамъ ее охотнику въ руки и прибавлю, что онъ можетъ теперь итти или не итти въ рекруты.

— Помилуйте, вы такъ все мое дѣло испортите,—отвѣчалъ съ раздраженіемъ князь, и рекрутъ-охотникъ представленъ къ намъ не былъ, его свезли въ Москву въ губернское присутствіе, гдѣ безъ дальнѣйшихъ объясненій его и приняли.

Уже и прежде, въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, обращено было вниманіе правительства на общее злоупотребленіе всѣхъ помѣщиковъ безъ исключенія, введенное обычаемъ прежнихъ временъ въ отправленіи ихъ крѣпостными крестьянами рекрутской повинности. Въ самомъ началѣ, какъ мы видѣли выше, казна находила въ ней источникъ государственныхъ доходовъ продажею рекрутскихъ квитанцій. Мелкопомѣстные продавали своихъ крестьянъ и дворовыхъ болѣе по нуждѣ, нежели изъ прихоти богатымъ крестьянамъ другихъ помѣщиковъ для отдачи за свои семьи въ рекруты. Мы видѣли также, что другіе богатые, чиновные, знатные по роду и даже самые передовые по образованію и развитію въ нихъ либеральныхъ идей поощряли такой торгъ людьми въ рекруты до временъ эмансипаціи, дозволяя своимъ крестьянамъ покупать на свое имя людей для освобожденія пріобрѣтателей отъ тяжкой повинности. Видѣли мы, наконецъ, въ имѣніи, вре-

менно мною управляемомъ, самый рѣзкій и, по моему мнѣнію, самый возмутительный примѣръ подобнаго барскаго снисхожденія. Вѣроятно, примѣръ этотъ былъ не единственный. Съ тѣхъ поръ, какъ и продажа квитанцій и явная торговля людьми начали встрѣчать со стороны правительства справедливое затрудненіе, стали торговать продажею охотниковъ въ видѣ найма. Тутъ былъ рискъ, но онъ, какъ мы видѣли, иногда удавался. Кромѣ всѣхъ сихъ проявленій помѣщичьяго произвола, мало-по-малу въ этомъ отношеніи стѣсняемаго, многіе самые лучшіе изъ помѣщиковъ, желая сохранить или предохранить отъ разстройства лучшія зажиточныя крестьянскія семьи, спасти ихъ отъ рекрутства, ставили въ рекруты за такіе дома штрафныхъ одинокихъ крестьянъ или дворовыхъ дурного поведенія. Но и въ такихъ случаяхъ вмѣшалось безнравственное корыстолюбіе, соблазнъ, которымъ и я сначала увлекался, ибо и я самъ бралъ съ богатыхъ крестьянъ деньги отъ 1000 до 1500 ассигнаціями, ставя за ихъ семью то дворовыхъ, то штрафныхъ крестьянъ даже изъ другихъ моихъ имѣній за михайловскія семьи зажиточныхъ и исправныхъ во всемъ домохозяевъ. Только впослѣдствіи, времени лѣтъ за 15 до эмансипаціи, додумался я, что поступать такимъ образомъ недобросовѣстно и, опредѣливъ цѣну за освобожденіе отъ рекрутства 500 рублей, бралъ эти деньги не въ мой собственной карманъ, а въ мірскую крестьянскую кассу.

Продажа помѣщиками крѣпостныхъ всего болѣе распространялась на женщинъ. Ихъ продавали не одни мелкопомѣстные, но и достаточные средней руки господа, не по одной нуждѣ въ деньгахъ, а по недостатку въ невѣстахъ для своихъ собственныхъ крестьянъ. Извѣстно, до какой степени церковные законы стѣсняли браки родственными связями. Духовное родство по крещенію и кумовству мѣшало многимъ жениться въ своихъ вотчинахъ настолько, насколько и родство по крови. Подъ конецъ сдѣланы были нѣкоторыя облегченія, но разрѣшеніе вопроса о степеняхъ родства, не допускающихъ брака, зависѣло отъ епархіальнаго начальства, слѣдовательно, отъ консисторіи, присутственныхъ мѣстъ, изъ всѣхъ подобныхъ самыхъ притязательныхъ и ябедническихъ. Запрещеніе, истекавшее изъ крѣпостного права, вступать въ браки безъ позволенія помѣщиковъ часто бывало причиной, что женихи не могли находить себѣ невѣстъ въ односельныхъ деревняхъ, гдѣ всѣ между собою родня. Случалось, что въ большихъ имѣніяхъ, гдѣ уже помѣщики, какъ,напримѣръ,со времени моего отца и при мнѣ, не вмѣ-

пивая своего произвола въ браки, не женили крестьянъ по приказу, не отдавали вдовъ и дѣвокъ по принужденію,—случалось, говорю, въ такихъ имѣніяхъ, что ни одна крестьянская вдова или дѣвица не изъявляла согласія, какъ ея ни уговаривали, выйти за какого-нибудь крестьянина, не потому, чтобы онъ былъ человѣкъ порочный, но потому, что онъ былъ или бѣденъ или худосиленъ, не родной въ семьѣ, а пріемышъ, или потому, что былъ вдовъ, съ малолѣтними дѣтьми, одинокій, не имѣвшій въ своемъ дворѣ ни одной бабы работницы, которая бы могла помогать въ женскомъ дѣлѣ будущей мачехѣ его полдюжины малолѣтокъ. Между тѣмъ такому именно крестьянину женитьба была необходима, иначе пропадалъ онъ самъ, пропадали его дѣти. Не одинъ, а много разъ приставали ко мнѣ вдовые крестьяне, обремененные дѣтьми, съ просьбами женить ихъ непремѣнно и какъ можно скорѣе. Иной проситель приходилъ за этимъ ко мнѣ въ день похоронъ первой своей жены. За тихъ, зная коротко по себѣ всю нужду крестьянскаго хозяйства въ бабѣ, заступались деревенскіе старшины, и ходатайствовали сельскіе священники, совѣтуя измѣнить по нуждѣ мой законъ и употребить принужденіе, неволю. Дѣлать было нечего, долженъ былъ уступить, но все-таки не рѣшился женить людей по страсти. Прошу моихъ читателей прочесть въ одной изъ миленькихъ комедій гр. Соллогуба отвѣтъ одного старосты сантиментальной помѣщицѣ. Молодая элегантная дама, воспитанная въ Смольномъ или Екатерининскомъ институтѣ и только что вышедшая замужъ по страсти, жила то въ Петербургѣ, то за границей и пріѣхала въ первый разъ въ свое собственное оброчное имѣніе; угостила обѣдомъ крестьянъ и крестьянокъ, одарила послѣднихъ и разспрашивала съ любопытствомъ молодыхъ, любятъ ли онѣ нѣжно своихъ мужей; тѣ, разумѣется, захихикали и стыдливо закрывали лица руками; отвѣта отъ нихъ она не добилась. «Не правда ли,—обратилась она тогда къ старостѣ,—онѣ выходятъ всѣ по любви».—То-есть какъ это по любви?—«Ну, коли ты не понимаешь, разумѣется, по страсти».—Вѣстимо дѣло, сударыня, по страсти; иную коли не пристрастишь, ни за что не пойдетъ, хоть колъ на головѣ теши; охота ли ей будетъ выходить за вдоваго на чужихъ дѣтей.—Итакъ, у насъ въ имѣніи по страсти не выходили, а чтобы не разорять какого-нибудь вдовца, который приставалъ приневолить за него невѣсту, что совѣтовали и мнѣ мои вотчинные начальники съ деревенскими выбранными отъ крестьянъ старшинами, самъ придумалъ я, и то не вдругъ, послѣднее средство спасти отъ гибели вдоваго

крестьянина и его сиротъ. «Попробуй, — сказалъ я одному неугомонному просителю-жениху,—искать невѣстъ себѣ на сторонѣ».—Да изъ чужихъ-то подавно никто за меня не пойдетъ.—«Толкнись, любезный, къ мелкопомѣстнымъ дворянамъ въ Судьбище; у нихъ, говорятъ, бываютъ продажныя вдовы и дѣвки; авось найдешь подходящую за себя, а чтобы и такой не слишкомъ было неволи, обѣщай ей отъ меня, что она, если пойдетъ охотою, на весь свой вѣкъ будетъ освобождена отъ баршины». Дня черезъ два явился снова страстный женихъ ковсѣмъ невѣстамъ вообще и съ величайшею радостью объявилъ, что нашелъ славную работницу и дѣвку, которая идетъ по охотѣ въ наше село, и отецъ ея съ матерью отпускаетъ къ намъ со всякимъ удовольствіемъ. Помѣщица продала мнѣ ее за 25 р. сер., гораздо дешевле, чѣмъ продавалась въ то время добрая крестьянская лошадь.

Все это длинное сказаніе о невольномъ передвиженіи изъ рукъ въ руки заключаю здѣсь хвастливымъ отзывомъ о развитіи своего хозяйства и своихъ отъ него доходахъ, сдѣланнымъ мнѣ одной ярославской помѣщицей, г-жей Смолиной. Познакомился я съ ней потому, что ея дочка, очень хорошенькая собой и очень эмансипированная, выходила замужъ за моего внучатнаго брата, гвардейскаго офицера Теплякова. Давала она въ приданое за ней не менѣе 500 ярославскихъ душъ и увѣряла, что получала съ нихъ 5.000, а иногда 7.000 дохода. Когда я сталъ ей объяснять, что, какъ ни разочитывай, повѣрить такому доходу трудно, она подъ конецъ вынуждена была мной назвать опредѣленно источники такихъ чрезмѣрныхъ доходовъ, и вышло, что она всѣхъ безъ исключенія своихъ вдовъ и дѣвокъ продавала въ замужество на сторону и за большія деньги, а крестьянъ въ рекруты. Ея же собственные крестьяне должны были сами покупать невѣстъ, а равно и ставить за себя продаваемыхъ другими въ рекруты. Все это дѣлалось сплошь да рядомъ на моей памяти и развѣ только весьма не многихъ приводило въ негодованіе; все это были одни цвѣточки, а не ягодки крѣпостничества. Указывая на темныя его стороны, я привожу только тѣ примѣры, которые были въ обычаѣ у всѣхъ помѣщиковъ вообще другихъ и хорошихъ, такіе случаи которые исходили изъ рабства по законамъ исторической давности, иногда и по законамъ писаннымъ, но по теченію времени мало-помалу постоянно смягчаемымъ. Впрочемъ, относительно браковъ у крѣпостныхъ крестьянъ еще уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича воспрещаемо

было помѣщикамъ употреблять свою власть,—обычай шелъ тутъ врозь съ закономъ.

Въ концѣ 30-хъ годовъ принялъ я въ управленіе небольшое имѣніе моей жены въ Смоленской губерніи, доставшіяся ей 200 душъ послѣ раздѣла съ родной сестрой. Выбранный крестьянами словоохотливый бурмистръ явился ко мнѣ съ вязомскими пряниками и медомъ-липицомъ на поклонъ отъ міра. Долго разсуждали мы съ нимъ о разныхъ разностяхъ по этому имѣнію, усердно изыскивая средства, какъ бы ввести въ него побольше порядка, чѣмъ было прежде. Старикъ не прекращалъ бесѣды, представляя на мое разрѣшеніе цѣлый рядъ вопросовъ. Около полуночи я утомился и отпустилъ его отъ себя. Спустя полчаса онъ вошелъ опять ко мнѣ въ спальню съ извиненіями, что забылъ спросить еще объ одномъ неважномъ дѣльцѣ. «Какъ прикажете мнѣ быть со свадьбами?»—«Что мнѣ до нихъ за дѣло,—отвѣчалъ я,—какъ было, такъ пусть и будетъ».—«Благодаримъ покорно,—и бухъ въ ноги,—стало, у насъ опять пойдетъ попрежнему, на сходкѣ по жеребью».—«Какъ по жеребью?»—«Да мы, батюшка, приводимъ на міръ загодя до храмового праздника всѣхъ нашихъ молодыхъ рябятъ и ставимъ ихъ въ рядъ, а въ другомъ ряду взрослыхъ дѣвокъ, тутъ и дается имъ жеребій, и кому какъ выдетъ на какой дѣвкѣ жениться, у нихъ на другой день бываетъ помолвка, а въ праздникъ и свадьба». Насилу уговорилъ я этого бурмистра такой обычай отмѣнить, предоставивъ полную свободу женихамъ выбирать невѣстъ. «Да развѣ они,—возразилъ Семенъ Осиповъ,—что-нибудь въ этомъ дѣлѣ смыслятъ?»—«Ну такъ пусть выбираютъ за нихъ родители». Отъ такого приказанія на цѣлые два года крестьянскіе браки замѣшкались; потомъ къ данной мною свободѣ привыкли.

Къ сожалѣнію, долженъ допустить, что многіе и очень многіе изъ помѣщиковъ безнаказанно позволяли себѣ подобныя злоупотребленія. Администрація за то владѣльцевъ не преслѣдовала. Большая часть дворянскихъ предводителей, первая обязанность коихъ состояла въ наблюденіи за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами, или совсѣмъ не принимала отъ послѣднихъ жалобъ на нарушеніе свободы брака, или, не желая выдавать своего брата—дворянина, за него всячески заступалась. Иногда невольный бракъ служилъ наказаніемъ провинившейся изъ дворовыхъ. Ее выдавали неволей за самаго ледащаго крестьянина, а этого насильно на ней женили, не принимая отъ него никакихъ отговорокъ, что какая-нибудь кружевница или

швея ни на что ему не пригодна. Совершавшій таинство брака священникъ и причетъ безпрекословно ихъ вѣнчали въ угоду помѣщиковъ или скорѣе помѣщицъ, которыя болѣе, чѣмъ ихъ мужья, въ подобныхъ случаяхъ проявляли свою власть.

Крѣпостной могъ быть не только проданъ, но и подаренъ другому, и въ прежнемъ нашемъ быту такихъ случаевъ не оберешься. Крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ дарилось особенно барынями порядочное количество. Набожныя барыни любили награждать своихъ духовныхъ отцовъ или поступались знакомымъ купцамъ или купчихамъ, хотя ни тѣ ни другія не имѣли права имѣть у себя крѣпостныхъ и держали ихъ у себя въ рабствѣ, часто весьма тяжеломъ, на имя дарителей. По недостатку въ деньгахъ или по скупости дарили людей судейскимъ и приказнымъ за ихъ одолженіе по тяжебнымъ и слѣдственнымъ дѣламъ. Тетушка моя, Алена Яковлевна, имѣла по Богородицкому своему имѣнію процессъ о сотнѣ десятинъ земли. Нашъ управляющій Шиловъ былъ ея стряпчимъ и, казалось мнѣ, вмѣстѣ съ секретаремъ суда нарочно продолжалъ дѣло, чтобы выпрашивать у моей тетушки побольше денегъ на дачу взятокъ членамъ суда, гдѣ оно производилось, и чаще всего пріятелю своему секретарю. Какъ-то разъ, пріѣхавъ въ Москву, началъ я говорить съ нею про это дѣло, совѣтуя кончить поскорѣе. «Спасибо, что ты мнѣ напомнилъ! Знаешь мою Матрешку (дѣвочку лѣтъ 12, которая ей прислуживала)? Твой Шиловъ уговариваетъ меня подарить ее богородицкому секретарю Крестовоздвиженскому; ну, да я ему отвѣчала, что ты ужъ разъ отговорилъ дѣлать подарки людьми, вотъ я и сказала ему, что подожду тебя, а подарить по дѣлу о землѣ, говоритъ, неотмѣнно надо; оно конечно, выгоднѣе было бы отдать ему дѣвчонку, она безродная, она лишняя, такъ только балуется, а денегъ и такъ много пошло на этотъ проклятый судъ». Я обратился къ христіанскому чувству доброй моей тетушки, представляя ей, что Матрешка точно такой же человѣкъ, какъ и мы, что житье ея въ крѣпости у секретаря будетъ прескверное и что можно дарить только кошками и собаками, а не людьми. Она меня поняла, какъ понимала и прежде, но о томъ забыла, послушалась, и Матрешка осталась при ней.

Не желая затруднять себя при составленіи моихъ «Записокъ» различными справками, я не стану ни утверждать, ни отрицать бывали ли наши крѣпостные, подобно римскимъ рабамъ, закладываемы, промѣниваемы или отбираемы за долги. Думаю, однако, что всѣ эти случаи по стариннымъ законамъ и обычаямъ

подъ разными видами повторялись и у насъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что помѣщики отдавали въ услуженіе своихъ людей другимъ господамъ часто безъ всякаго условія и даромъ, по родству или по пріязни; такъ напр., мои дворовые служили и моей теткѣ, а ея у меня. Хотя впослѣдствіи подобная передача слугъ однимъ господиномъ другому и была затрудняема закономъ, но полиція нигдѣ въ это не вступалась и не требовала на нихъ ни видовъ, ни паспортовъ. Бывали примѣры злоупотребленія такого рода явные и въ большихъ размѣрахъ. По жалобамъ западныхъ и, кажется, смоленскихъ помѣщиковъ на недоимки оброчныхъ крестьянъ правительство утвердило за такими помѣщиками право отдавать въ работу мужиковъ различнымъ подрядчикамъ, но такое распоряженіе распространено было на однѣ бѣлорусскія и, если не ошибаюсь на Смоленскую губерніи, и контракты съ нанимателями владѣльцевъ должны были сообразоваться съ узаконенными на то правилами, коими правительство старалось по возможности обезпечить отчасти и безбѣдное существованіе работниковъ. Именно въ это время, а можетъ быть и прежде, помѣщики прочихъ губерній отдавали за договорную въ свою пользу плату крестьянъ на фабрики, а плотниковъ и каменщиковъ—на производство разныхъ построекъ. Но подобныя отдачи людей внаймы не могли совершаться по формальнымъ условіямъ, потому что законъ допускалъ послѣднее только въ Западномъ краѣ. Крестьяне, отдаваемые въ работу, часто на это жаловались. Мнѣ были въ свое время извѣстны ихъ возмущенія, или такъ называемые крестьянскіе бунты огромной толпы. Не одинъ разъ приходили жаловаться губернатору на то, что помѣщикъ всѣхъ способныхъ къ работѣ изъ селенія отдалъ беззаконно на фабрику Лепешкина. Къ сожалѣнію, то же самое дѣлали люди весьма порядочные.

Кромѣ того, существовалъ еще одинъ видъ крѣпостничества, замѣчательный своею особенностью: по законамъ наше духовенство, равно какъ и купечество, не имѣло права владѣть людьми подобно дворянамъ. Привилегія имѣть при себѣ крѣпостныхъ исключительно принадлежала первому высшему сословію Имперіи; но и купцы и наши пастыри не могли устоять отъ соблазна пользоваться даровою, дешевою прислугой. Чтобы имѣть ее, тѣ и другіе прибѣгали къ обману, скоро вошедшему уже повсемѣстно въ обычай. Они покупали дворовыхъ, иногда и крестьянъ, на имя своихъ благодѣтелей или пріятелей изъ дворянъ и, такимъ образомъ, держали у себя цѣлыя семьи въ

крѣпости. Обычай этотъ, во многихъ мѣстахъ укоренившійся, побудилъ правительство издать законъ, въ силу котораго, когда подобное злоупотребленіе обнаруживалось, подвергались штрафу по 200 руб. за мужскую и по 100 руб. за женскую ревизскую душу тѣ лица, на имя которыхъ были куплены эти люди, равно какъ и незаконные ихъ пріобрѣтатели; крѣпостные же ихъ люди или же работники получали свободу

У меня самого была предлинная и пренепріятная исторія по этому случаю съ давно умершимъ моимъ духовнымъ отцомъ, священникомъ церкви св. Николая въ Плотникахъ, что Арбатѣ, Ф. А. Лебедевымъ. Батюшка мой позволилъ ему, и очень напрасно, купить какую-то вдову съ дѣвочкой на его имя. Вдова, привыкшая къ ребенку, долго и усердно прослуживъ мнимому своему господину, умерла. Дочь выросши начала отъ хозяина своего отлынивать. Только по принесеннымъ мнѣ на нее жалобамъ отъ моего духовника узналъ я, что и у меня есть подобная крѣпостная, незаконно принадлежащая другому. Священникъ просилъ, наконецъ, чтобы я его отъ нея избавилъ, т.-е. взялъ къ себѣ за деньги или кому-нибудь продалъ. Наконецъ, она совсѣмъ отъ него убѣжала, отыскать онъ ея не могъ и неотступно требовалъ, чтобы я заплатилъ за дѣвку 100 руб. Напрасно сперва говорилъ я ему, что далъ себѣ слово людей никогда не продавать, а потомъ, что за бѣглую, которою владѣть онъ не имѣетъ никакого права, давать ему сто рублей рѣшительно не намѣренъ; мы едва съ нимъ за это не поссорились, и каждый разъ послѣ исповѣди онъ попрекалъ мнѣ, что я его обидѣлъ. Я отвѣчалъ ему, что не считаю себя передъ нимъ виноватымъ.

Одинъ изъ нашихъ Михайловскихъ приходскихъ священниковъ долженъ былъ заплатить значительный штрафъ за неправильно владѣемую имъ семью на чужое имя и долго кряхтѣлъ отъ такого убытка; людей, ему давно служившихъ, у него отобрали, да еще чуть ли не 600 или 700 руб. взыскали пени. Самому мнѣ въ бытность мою предводителемъ въ Серпуховѣ удалось способствовать къ освобожденію цѣлой семьи дворовыхъ, которыхъ тамошній квартальный изъ дворянъ отдалъ за деньги въ услуженіе какому-то купцу; ихъ обоихъ оштрафовали на порядочную сумму, а людей отобрали и дали имъ свободу. Но къ великому моему сожалѣнію не удалось мнѣ освободить цѣлую деревню изъ 100 ревизскихъ душъ, которыхъ серпуховской купецъ Потаповъ купилъ на имя своей дочери, вышедшей замужъ за дворянина: распоряжался же и владѣлъ ею самъ ку-

поцъ. Я уже успѣлъ представить губернскому начальству этотъ случай и требовалъ законнаго слѣдствія; мнѣ долго не отвѣчали и протянули до конца моей службы по выборамъ, и купецъ, кажется, долго послѣ меня хозяйничалъ этой деревней по правѣ помѣщика.

Не знаю, до какихъ поръ держался еще одинъ законъ, выражавшій собою всю возмутительную силу крѣпостного права человѣка надъ человѣкомъ; въ немъ было сказано, что за убитаго помѣщичьяго крестьянина крестьяниномъ другого помѣщика господинъ убійцы обязанъ былъ вознаградить помѣщика потерпѣвшаго убытокъ, т.-е. дать ему за убитаго другого крестьянина изъ своего имѣнія. Не говоря уже о возмутительномъ способѣ вознагражденія за насильственную смерть, и въ матеріальномъ отношеніи законъ оказывается несправедливымъ къ помѣщику, которому принадлежалъ убійца. Этотъ помѣщикъ безъ всякой вины терялъ, такимъ образомъ, двухъ работниковъ—одного, т.-е. убійцу, котораго правительство ссылало на каторгу, и еще другого, котораго онъ отдавалъ взамѣнъ убитаго. Въ самомъ законѣ ясно и возмутительно выражалась неприкосновенность помѣщичьихъ правъ

Наши крѣпостные не имѣли права ни въ какихъ случаяхъ приносить жалобы на своихъ господъ. Если это у насъ и допускалось, то не иначе, какъ съ нарушеніемъ коренныхъ законовъ, какъ бы тайкомъ, въ одиночку отъ каждаго. Въ тѣхъ случаяхъ, когда жалобы на притѣсненія помѣщика приносились какой-нибудь власти отъ многихъ лицъ, то администрація, не входя еще въ разсмотрѣніе причинъ на жалобы, признавала просителей за бунтовщиковъ и наряжала по этому поводу дознаніе или слѣдствіе, съ перваго же шага подозрѣвая преступное возстаніе противъ власти, что такъ часто во время оно называлось бунтомъ крестьянъ. Слѣдователи, служащіе по выбору отъ дворянъ, а всѣхъ болѣе уѣздные предводители почти всегда тянули на сторону помѣщиковъ, и въ случаяхъ весьма рѣдкихъ приносившіе жалобу крестьяне получали небольшое облегченіе въ своемъ жалкомъ быту. Въ свое время разскажу я два произведенныя мною слѣдствія. Само собой разумѣется, что при такомъ порядкѣ вещей наше законодательство не допускало никакихъ доносовъ отъ крестьянъ на помѣщиковъ и что крестьяне ни по какимъ дѣламъ, ни гражданскимъ, ни уголовнымъ, не могли быть призываемы въ свидѣтели противъ своихъ владѣльцевъ. Навѣрное не помню но, кажется мнѣ, что въ старые годы крѣпостныхъ ставили на правежъ вмѣсто своего господина по его требованію, т.-е. подвергали пыткѣ.

Возвращаюсь къ разсказу о моемъ завѣдываніи Михайловскимъ, завѣдываніи, патріархальность котораго склоняла вѣсы управленія на сторону крестьянъ. Въ этомъ Михайловскомъ, вѣроятно чаще, нежели у другихъ помѣщиковъ, крестьяне повторяли мнѣ и управляющему простыя, радушныя, но не безхитростныя рѣчи: «ты наши отцы, мы ваши дѣти», и тутъ же кстати и не кстати прибавляли: «мы ваши, а земля наша». Мало-по-малу эти наши дѣти при неурядицѣ управленія начали смотрѣть и на господскую землю, лѣса, покосы, пастбища, какъ на принадлежащую имъ землю. Вездѣ были порубки, потравы, заѣзды по полямъ. Воровства было несравненно меньше, нежели теперь, но безпорядокъ, допущенный въ господскомъ хозяйствѣ, увеличивалъ и безпорядокъ у самихъ крестьянъ: и у помѣщика, и у его крѣпостныхъ много добра пропадало даромъ, какъ говорится въ просторѣчіи—кинью.

Составъ моего управленія былъ слѣдующій. Постараюсь припомнить себѣ самыя имена. Главнымъ помощникомъ управляющаго Тарасова былъ избранный имъ бурмистръ Тимоѳей Ѳедоровичъ Бакуткинъ, изъ деревни Козловки, голова всему имѣнію, добрый, рохлый, но усердный, хотя и лѣнивый. Старостой 1-го отдѣленія, въ которомъ была и главная господская усадьба, Прохоръ Тимоѳеевичъ, умнѣе и надежнѣе бурмистра Старостой 2-ой половины былъ чрезвычайно умный и не старый богатый мужикъ Яковъ Евстаѳьевичъ. Онъ особливо пришелся мнѣ по нраву тѣмъ, что не слишкомъ норовилъ крестьянамъ, не потакалъ имъ и никогда не оправдывалъ виноватыхъ, но зналъ ихъ нужды и въ важныхъ случаяхъ открыто за нихъ же по-своему заступался. Бывало, не разъ говаривалъ онъ мнѣ, когда дѣло доходило до упрековъ ему за частыя порубки въ лѣсахъ: «Батюшка Д. Н., не было бы у насъ лѣсныхъ воровъ, не было бы у насъ и дворовъ». Старостой 3-го отдѣленія (1-ое и 2-ое назывались тогда еще половинами, третье же прямо сельцомъ Никольскимъ), былъ крестьянинъ изъ семьи Ефимочкиныхъ. Эта семья была самая зажиточная во всей вотчинѣ, въ ней было около 10 тягловыхъ работниковъ, а всѣхъ съ женщинами и малолѣтними, въ трехъ избахъ на одномъ дворѣ, подъ рукой одного хозяина, старшаго брата, человѣкъ до 40. У нихъ на гумнѣ было больше скирдовъ хлѣба и сѣна, чѣмъ у иного сосѣдняго мелкопомѣстнаго. У нихъ былъ цѣлый табунъ лошадей и свои заводскіе кони. Главой этого дома былъ большой мой пріятель, крестьянинъ Архипъ Ефимовичъ, потому-то ихъ и

называли сперва Ефимочкиными, а потомъ Архиповыми. Вся эта семья жила въ мирѣ и изобиліи и долго, пока правилъ ею Архипъ, не соблазнялась на раздѣлъ. Держава въ ней была строгая, сору она изъ своей избы не выносила и никогда до конторы съ жалобами на внутреніе раздоры не доходила. Бабы въ ней не дурили. Привожу здѣсь разсказъ Архипа, въ которомъ выразился и его собственный характеръ и его время. (О моихъ разсказахъ о Михайловскомъ надобно замѣтить, что они принадлежатъ не одному, а цѣлому ряду годовъ, въ продолженіе коихъ правилъ я Михайловскимъ сначала посредствомъ Тарасова, а потомъ и самостоятельно, иначе память бы мнѣ измѣнила, неспособная приводить разные случаи по годамъ, особливо же въ разсказахъ курьезныхъ анекдотовъ. Отвѣчаю за вѣрность цѣлаго, а потому и не вхожу въ отдѣльныя повременныя подробности.)

Итакъ, разсказывалъ мнѣ однажды Архипъ Ефимовичъ о своемъ хожденіи въ Кіевъ, къ Печерскимъ угодникамъ на богомолье. «Отпросившись у Никол. Серг. (т.-е. Тарасова) послѣ Петровокъ, пришелъ я третьяго дня домой, слышу, ты здѣсь, и вотъ тебѣ, батюшка, изъ Кіева образокъ и просфорка, да еще колечко отъ мученицы Варвары».—«Сколько же ты времени проходилъ?»—«Да съ мѣсяцъ, а не то и поболѣ».—«Небось стало дорого? Скажи правду, сколько потратилъ?»—«Не больно, батюшка, дорого, я вѣдь пѣшкомъ туда сбѣгалъ и назадъ тоже, и хоша ноженьки уставали, благодаря Творцу Небесному нигдѣ на телѣгу не присаживался».—«Но говори, однако, сколько? Да говори правду». Мнѣ хотѣлось попрекнуть его въ лишнихъ и, по моимъ понятіямъ, вовсе ненужныхъ расходахъ. «Ну что, батюшка, и всего-то цѣлковенькій».—«Ужели всего на все?» (На ассигнаціи—4 рубля, цѣнность цѣлковаго того времени.)—«Такъ, батюшка, ей-ей такъ. Я вѣдь ходилъ Христовымъ именемъ, мірскою милостыней».—«Какъ? просто по міру?»—«Вѣстимо дѣло. На что же намъ грѣшнымъ и дано Христово имя. Кормили меня даромъ, добрые люди давали милостыню, кой на что, примѣрно сказать: на лаптишки или на калачикъ, грѣшнымъ дѣломъ захочется и побаловаться, да и рубликъ-то свой поистратилъ я по церквамъ то на свѣчи, то на поминки по родителямъ».

Теперь совсѣмъ другое. Въ 1871 г. на Святой явились ко мнѣ въ Москву повидаться трое изъ Михайловскихъ крестьянъ прямо отъ Троицы. Похристосовавшись, на спросы мои отвѣчали, что весь ихъ путь по желѣзной дорогѣ отъ самой деревни черезъ

Орелъ, Москву до лавры и назадъ стоитъ имъ будетъ каждому рублей около 17, и что они о деньгахъ не жалѣютъ. Вотъ вамъ и мѣрка избытка нынѣшнихъ крестьянъ, разительная перемѣна понятія ихъ о хожденіи къ святымъ мѣстамъ, начавъ съ того, что отъ нихъ никакого подноса уже мнѣ не послѣдовало. Легкое ли дѣло по 60 рублей ассигнаціями на брата! Вся-то семья богача изъ всѣхъ, Архипа, едва ли прожпвала на деньгу втрое больше того во время Архипова богомолья въ Кіевъ.

Хочется мнѣ наименовать тутъ же и другихъ извѣстныхъ мнѣ крестьянъ, которыхъ называлъ я про себя своего рода аристократами, т.-е. болѣе или менѣе богатыми и вліятельными на весь вотчинный міръ. Я не только зналъ ихъ всѣхъ и зналъ коротко, но по возможности спасалъ ихъ отъ рекрутчины, всегда берегъ, помогалъ имъ и поддерживалъ ихъ значеніе между крестьянами. Такими были: во-первыхъ, помяну не святѣйшій правительствующій синодъ, а крестьянина деревни Барановки, Василія Ивановича Лысанова, и хозяевъ двухъ дворовъ въ другихъ деревняхъ того же имени, на деревнѣ Бѣляевкѣ три семьи Бѣляевыхъ, по фамиліи коихъ прозвана была и вся деревня. Въ первомъ по уряду и избытку изъ этихъ дворовъ управляла домовитая вдова Дарья Ивановна, моя кормилица, отчего и слыветъ до сихъ поръ домъ дворомъ Кормилицыныхъ. Добрая, кроткая, не корыстолюбивая, не притязательная была она женщина, дай Богъ ей царство небесное! У нея было до 6 сыновей, и при ея жизни трое изъ нихъ были уже въ тяглѣ. Въ справедливую награду за великую помѣщику своему службу—она не только его выкормила, но и ходила за нимъ, т.-е. за мной, еще года два послѣ, по кончинѣ моей матери, покуда я, болѣзненный, не прежде трехъ лѣтъ сталъ на ноги—получила она цѣлый участокъ крестьянскаго надѣла, сверхъ того сынъ ея съ своей бабой, мой молочный братъ, освобождался отъ барщины.

Во 2-ой половинѣ зажиточные крестьяне были Бакуткины Сальниковы и Гришечкины, прибавлю тутъ же одинъ дворъ изъ самыхъ бѣдныхъ и только потому, что въ немъ жили два брата Хованскихъ. Сколько ни старался, не могъ я понять, откуда забралось въ нашу глухую степь и перешло къ мужикамъ это родовое имя потомковъ древнихъ литовскихъ князей; да еще не далеко отъ моихъ крестьянъ деревни Козловки у Хилкова были крестьяне Куракины. Въ томъ и другомъ имѣніи собственно русскихъ производныхъ звуковъ не слышится, а старинныхъ помѣщиковъ этихъ родовъ ни въ Тульской, ни въ Ярославской

губерніяхъ по моимъ справкамъ не было. Прошу надъ этимъ позаняться изслѣдователей, нашихъ Погодиныхъ.

Село Михайловское, Архангельское—по приходской церкви во имя архангела Михаила, Мансурово и Хилково—по фамиліи своихъ владѣльцевъ, а потомъ пожалуй и Свербеево тожъ, образовалось изъ замежеванной въ окружной межѣ за прежними владѣльцами Хитровымъ и Мансуровымъ дачи, въ количествѣ 12.000 съ сотнями десятинъ, изъ поземельнаго ихъ права по писцовымъ книгамъ на 100% четверти съ межами, лугами и примѣрными землями. Какимъ образомъ случилось въ немъ то, чему быть не слѣдовало, почему именно поселенные на этихъ земляхъ крѣпостные обоихъ помѣщиковъ крестьяне разселились деревнями, въ разбивку, отъ чего невольно образовалась между землевладѣльцами черезполосица,—почему это такъ случилось? какъ я ни старался допытаться до причины такого безпорядочнаго распоряженія селеній, узнать ничего не могъ.

Купивъ Мансуровскую половину села Михайловскаго, мой отецъ тотчасъ же увидѣлъ ужасную неурядицу отъ черезполоснаго поземельнаго владѣнія. Въ то время и самыя дачи обоихъ владѣльцевъ и ихъ крестьяне съ крестьянскими полями были перепутаны болѣе, чѣмъ это было необходимо, особливо въ лугахъ. Тогдашній сосѣдъ отца по имѣнію, князь Александръ Яковлевичъ Хилковъ, отецъ моего сосѣда, князя Дмитрія, жилъ больше въ чужихъ краяхъ и никогда въ свое Михайловское не заглядывалъ, поэтому батюшка мой долженъ былъ приступить къ домашнему полюбовному разверстанію общей дачи вмѣстѣ съ его управляющимъ, повѣреннымъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Дубровскимъ. Они составили полюбовный домашній актъ раздѣла земель по удобству и по возможности къ однимъ мѣстамъ, и съ этого-то времени установились, а потомъ и законно утвердились наши поземельныя собственности. Какъ мой отецъ, такъ равно и повѣренный Хилкова, Дубровскій, размѣнялись землями добросовѣстно, но несмотря на то батюшка мой во всю свою жизнь не находилъ возможности убѣдить путешествовавшаго по Европѣ и впослѣдствіи проживавшаго въ Петербургѣ своего сосѣда, стараго князя Хилкова, утвердить этотъ раздѣлъ земель формальнымъ, законнымъ образомъ. Поздно, только въ 40-хъ годахъ, формально и полюбовно размежевался я съ сыномъ стараго князя, княземъ Дмитріемъ, допустивъ незначительныя измѣненія противъ прежняго плана.

Коснувшись, впрочемъ, еще слегка до первоначальнаго поверхностнаго моего управленія крестьянами, я долженъ

прибавить здѣсь нѣсколько словъ о вотчинной конторѣ того времени. Въ ней сосредоточивались все управленіе, вся отчетность, всѣ распоряженія. Въ ней тамъ ежедневно записывались наряды на работы, штрафы, взысканія и самыя наказанія, разбирательство жалобъ и просьбъ крестьянъ, ихъ между собою ссоры, которые еженедѣльно, именно по субботамъ, судились въ присутствіи управляющаго бурмистра, всѣхъ вотчинныхъ начальниковъ, т.-е. трехъ старостъ и трехъ десятскихъ всѣхъ трехъ отдѣленій и всѣхъ сельскихъ старшинъ, избираемыхъ крестьянами. Всѣ эти лица составляли общее каждую субботу вечернее присутствіе; по крайней мѣрѣ, такъ было заведено, а иногда такъ и исполнялось. Главнымъ конторщикомъ былъ тотъ самый крѣпостной дворовый Филиппъ Ивановъ, который служилъ мнѣ въ Петербургѣ въ видѣ какого то дворецкаго или буфетчика. Онъ былъ достаточно грамотенъ, понятливъ и писалъ довольно правильно. Вовлекаемый въ потокъ тогдашняго либерализма уважаемымъ мною Семеновымъ, о которомъ уже мною было говорено, я пожелалъ за два года до перваго моего отъѣзда въ чужіе края сдѣлать изъ этого Филиппа Иванова сельскаго учителя. Семеновъ выпросилъ у Ѳедора Николаевича Глинки, здравствующаго и до сихъ поръ старца въ увери, сему Филиппу позволеніе изучать бывшій тогда въ великой модѣ въ петербургской Ланкастерской школѣ методъ взаимнаго обученія. Вмѣстѣ съ назначеніемъ въ конторщики опредѣленъ былъ Филиппъ Ивановъ и сельскимъ учителемъ и дѣйствительно обучилъ грамотѣ дворовыхъ мальчиковъ по таблицамъ, пріобрѣтеннымъ черезъ Глинку въ Петербургѣ. Письму по тѣмъ же таблицамъ обучались по способу Ланкастера и Беля не на бумагѣ или грифельной доскѣ, а на пескѣ, опрятно и искусно разсыпанномъ на ихъ школьныхъ столикахъ. Ни тому, ни другому наши школьники порядочно не выучивались. Все это производилось ихъ учителемъ для эффекта, для вида и собственно на показъ мнѣ, когда я пріѣзжалъ въ Михайловское, а потому все и уничтожилось. Помощникомъ конторщика былъ прежній бывшій еще при моемъ отцѣ и при Шиловѣ первымъ конторщикомъ дворовый спившійся Дмитрій Васильевъ Бардовицинъ, великій охотникъ и мастеръ удить рыбу и сочинять всякаго рода сплетни и кляузы; впрочемъ, онъ былъ опытнѣе и дѣльнѣе своего начальника, но главой конторы терпѣть его было нельзя. Еще въ 1812 году по заступничеству за него управляющаго Шилова мой отецъ старался отрезвить какими-либо средствами этого полезнаго пьяницу. Тетка Елена Яковлевна

предложила тогда самое вѣрное средство исправленія людей—женитьбу. Бардовицына женили на молодой вдовѣ, и слѣдствіемъ этой неправительной мѣры было одно то, что онъ пилъ уже запоемъ не въ одиночку, какъ прежде, а вмѣстѣ съ своей супругой. Пословица, приводимая тетушкой: «женится—перемѣнится», надъ нимъ не сбылась, и при мнѣ, какъ врачевство отъ пьянства, женитьба уже не повторялась.

Затѣмъ слѣдовало бы мнѣ въ этихъ «Запискахъ» помянуть поименно первыхъ должностныхъ лицъ многочисленной нашей дворни и тѣхъ важныхъ матронъ, которыя были во главѣ дворовыхъ прекраснаго пола и почему-то присвоили себѣ право на какое-то особенное отъ всѣхъ, начиная съ господъ, уваженіе. Я перейду къ подробному перечню всѣхъ этихъ именъ съ ихъ отчествами, но позже. А тутъ кстати трудно мнѣ удержаться, чтобы не указать на нашъ исключительный русскій обычай называть людей по ихъ крещеному имени и, смотря на наши къ нимъ отношенія, добавлять къ этимъ именамъ имена ихъ давно отжившихъ родителей. Слѣдствіемъ такого обычая память русскаго человѣка изощряется постоянно, моя же собственная въ этомъ отношеніи меня самого удивляетъ. Сколько сотенъ, можетъ быть и до тысячи лицъ зналъ я и теперь знаю по имени и отчеству, а многихъ и съ прибавкой ихъ фамиліи или прозвища!

Мнѣ бы хотѣлось начать описаніе нашей многочисленной дворни съ такого человѣка, который съ давнихъ лѣтъ жилъ въ ней, ей не принадлежа, и въ то же время отличаясь отъ всего народонаселенія села Михайловскаго крупными и рѣзкими странностями всей своей личности. Тутъ непривычное къ портретной живописи мое тощее слово робѣетъ. Воображенію моему представляется одна таинственная во всѣхъ отношеніяхъ личность, которая пугала меня въ младенчествѣ, занимала своими странностями все мое отрочество и на всю мою жизнь такъ и осталась какой-то неразгаданной загадкой. Таинственная личность называлась у насъ Зиновеемъ Ефимовичемъ, жила въ нашей Михайловской дворнѣ, но къ ней не принадлежала, добровольно навязала на себя должность сторожа при оранжереѣ и въ этомъ тепломъ помѣщеніи сама собой долго учила грамотѣ дворовыхъ и даже немногихъ крестьянскихъ мальчиковъ. Задавъ себѣ задачу этого описанія, еще наканунѣ нынѣшняго утра припомнилъ я нравственное и физическое очертаніе Зиновея Ефимовича, ночью, какъ есть, видѣлъ его во снѣ, и при всемъ оживленіи во мнѣ моихъ о немъ воспоминаній я увѣренъ, что не буду въ состояніи его достойно представить. Попробуемъ.

Всегда казался онъ мнѣ пожилымъ, лучше сказать—старикомъ. Роста онъ былъ огромнаго, худобы въ тѣлѣ рѣдко встрѣчаемой, особенно худы были его длинныя исковерканныя руки и ноги. Посѣдѣлъ онъ рано, бороду носилъ жиденькую и короткую, козлиную, онъ былъ косъ, обликъ его былъ не русскаго типа. Всего болѣе поражало въ немъ и пугало въ потемкахъ людей самыхъ ему близкихъ, тѣмъ, съ которыми онъ жилъ постоянно, то, что этотъ длинный, худой, изнуренный жизнью человѣкъ былъ изломанъ во всѣхъ своихъ суставахъ и къ тому же заика до такой степени, что онъ долго, долго не могъ произнести ни одной фразы и при каждомъ словѣ все его лицо напряженно, конвульсивно дѣлало страшныя гримасы. Пораженному непривычному взгляду представлялся онъ не живымъ существомъ, а какой-то грозной тѣнью человѣка. Женщины и дѣти не скоро къ нему привыкали, да и всѣ вообще дворовые, съ которыми онъ зналъ, обращались съ нимъ съ какимъ-то чувствомъ страха, прикрытаго заискивающимъ почетомъ, или ласковаго уваженія. Какъ бы нарочно къ усугубленію той таинственности, какою окруженъ былъ этотъ человѣкъ, вѣрнѣе сказать—эта тѣнь человѣка, никто изъ всѣхъ дворовыхъ не могъ опредѣленно сказать, откуда былъ онъ родомъ, кто былъ его отецъ, какой семьѣ онъ принадлежалъ,—однимъ словомъ, что это былъ за человѣкъ. Знали одно, что отецъ мой взялъ его къ себѣ гдѣ-то въ Крыму, когда онъ былъ еще очень молодъ. Повѣствовать о себѣ Зиновей Ефимовичъ не любилъ и такихъ разговоровъ всегда избѣгалъ, какъ бы нарочно заикаясь на этотъ разъ продолжительнѣе, нежели всегда, и еще поразительнѣе гримасничая лицомъ и конвульсивно коверкаясь своими тѣлодвиженіями. Въ такія минуты онъ въ самомъ дѣлѣ становился страшенъ. Самъ ли онъ постарался прослыть на все село знахаремъ, колдуномъ, врачемъ отъ всѣхъ болѣзней и особливо женскихъ истерическихъ, но онъ лѣчилъ всѣхъ, и къ нему за лѣкарствами приходили многіе, хотя всякое лѣченье и было ему не однажды воспрещаемо отцомъ моимъ. Еще строже воспрещено ему было также батюшкой отчитывать по какимъ-то отреченнымъ старымъ книгамъ бабъ и дѣвокъ кликушъ, и всѣхъ тѣхъ, которыя считали себя испорченными отъ какого-нибудь лихого человѣка. Потому же самому не дозволялось ему прибѣгать къ знахарству или колдовству, ворожить, гадать и этими способами отвѣчать вопрошающему, гдѣ и какъ отыскать какую-нибудь пропажу или воровство, но все это, вѣроятно, производилось имъ втихомолку. Разсказывали, что больше всего стремились къ нему

женщины, иные прибавляли къ этому, что Зиновей Ефимовичъ былъ неравнодушенъ къ прекрасному полу, что нѣкоторыя особы этого пола съ своей стороны находили его почему-то привлекательнымъ. Все это объяснялось въ немъ какимъ-то дьявольскимъ наважденіемъ; ему приписывали всякую чертовщину, я же, напротивъ, зналъ его за человѣка набожнаго и прилежнаго къ церкви. Отецъ мой, сколько я помню, обращался съ нимъ въ непродолжительныхъ встрѣчахъ какъ-то иначе, чѣмъ съ другими нашими дворовыми, какъ-то ласково, но строго и внушительно. Тетушка, а потомъ и семья Тарасовыхъ встрѣчались съ нимъ не безъ страха, я боялся его долго. Напрасно потомъ, придя въ возрастъ и уже сдѣлавшись господиномъ и обладателемъ, старался я узнать загадочное его происхожденіе. Да въ этомъ собственно была моя обязанность: не будучи нашимъ крѣпостнымъ, онъ не имѣлъ при себѣ никакого паспорта или вида. Отъ земской полиціи отбоярывался онъ давностью своего у насъ пребыванія, и они, многія поколѣнія сельскихъ сотскихъ, засѣдателей, исправниковъ, а потомъ и становыхъ, отходили отъ него ни съ чѣмъ, въ свою очередь пораженные присущей этому Зиновею какой-то тайной. До послѣдняго моего съ нимъ свиданія, когда—не помню, одному ему по настоятельному его требованію давалъ я цѣловать мою руку, смягчая для себя этотъ знакъ дикаго барства лобызаніемъ его странной фигуры. Онъ же уважалъ во мнѣ по собственнымъ его словамъ, значительно и протяжно имъ высказаннымъ, какое-то господство, поставленное свыше и помимо собственной воли. Таковъ былъ нашъ загадочный Зиновей Ефимовичъ, къ которому робко обращался съ приказаніями даже самъ надменный своею властью Шиловъ, а дядька мой, начитанный и набожный Варооломеевичъ, встрѣчался съ нимъ съ какой-то всегда странной улыбкой, какъ будто говорилъ про себя: «Мы васъ знаемъ и понимаемъ». Въ самомъ дѣлѣ дядька мой зналъ его еще въ Крыму, но какимъ зналъ, того мнѣ не высказывалъ. Уже стараго, но еще не дряхлаго, узнала Зиновея и моя жена, кажется, помнятъ его смутно и старшія мои дочери, а старшій мой сынъ, покойный Николай, интересовался имъ особенно нѣжно и, казалось, любилъ его искренно. Учительство Зиновея шло по неизмѣннымъ преданіямъ старины; учениковъ бывало не много, отъ 6 до 10; у каждаго была въ рукахъ указка, разрисованная по произволенію и съ разными затѣйливыми вырѣзками, для всѣхъ на стѣнѣ, подъ образомъ, висѣла на гвоздикѣ трехвостная плетка. Училъ онъ по церковной азбукѣ, отъ буквъ, произносимыхъ, разумѣется,

азами, буками, фертами, ижицами. Потомъ мальчики переходили къ складамъ, къ разумѣнію титлъ, гдѣ было безконечно трудно имъ отгадывать выпущенныя въ печати гласныя, какъ наприм., Вздржитель, къ чтенію букваря, т.-е. ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій и т. д., потомъ часослова и къ вѣнцу полнаго курса—псалтирю. Немногіе достигали и такой книжной премудрости, на которую употреблялось отъ 6 до 8 мѣсяцевъ года. Рѣдкіе могли прочесть не складывая тѣ молитвы и псалмы, которыхъ не заучили наизусть. При всемъ томъ потребность грамоты понимаема была уже почти безъ исключенія всѣми дворовыми для ихъ дѣтей и двумя-тремя лучшими, т.-е. болѣе зажиточными крестьянами. Врачебная дѣятельность Зиновея ограничивалась, по счастью, домашними лѣкарствами, всего болѣе употреблялись звѣробой и ромашка. Какими-то горькими травами настаивалъ онъ на водкѣ ерофеичъ, давалъ его въ видѣ капель не взрослымъ, рюмками и стаканами желающимъ подкрѣпиться. Худо было то, что въ особенныхъ случаяхъ лѣчилъ онъ и отъ такихъ болѣзней, которыхъ я не называю и которыя уже и тогда распространялись въ народѣ, средствами очень сильными и въ особенности сулемой, т.-е. меркуріемъ. Крестьяне, не имѣя рѣшительно никакихъ другихъ средствъ врачеванія, ибо уѣздный докторъ, единственный по городу и по всей округѣ не столько для помощи больнымъ, какъ для участія въ полицейскихъ слѣдствіяхъ, былъ крестьянамъ недоступенъ и слишкомъ дорогъ; фельдшеровъ также никакихъ не было. Два, три коновала при конныхъ помѣщичьихъ заводахъ въ уѣздѣ производили безъ толку кровопусканіе, бабки отъ различныхъ болѣзней парили по избамъ въ печахъ, гдѣ бывали случаи, что и задыхались, и онѣ же вмѣсто горчичниковъ шпанскихъ мухъ и банокъ ставили иногда на спину и на животъ горшки. Не трудно было помѣщику или его конторѣ запрещать Зиновею лѣчить, а больнымъ у него лѣчиться, но при совершенномъ недостаткѣ врачебныхъ пособій они поневолѣ тайкомъ бѣгали къ непризванному врачу за помощью. При такомъ положеніи всего имѣнія, можетъ быть, Зиновей, какъ врачъ, былъ не безполезенъ, и уже несомнѣнно то, что въ этомъ отношеніи медицинская дѣятельность его проходила не безслѣдно, а педагогическая —успѣха никакого не имѣла, и, однако, учиться грамотѣ отдавали къ нему охотнѣе, чѣмъ въ нашу новую ланкастерскую школу.

Когда лѣтомъ 1817 года пріѣхалъ въ Михайловское на хозяйство въ первый разъ молодой князь Дмитрій Хилковъ

(ему было тогда 27 лѣтъ), онъ болѣе всѣхъ пораженъ былъ нашимъ загадочнымъ человѣкомъ соединявшимъ въ себѣ и врачевство, и учительство, и разныя таинственныя знанія. Въ это время въ Россіи масонство и мистицизмъ были въ самомъ разгарѣ. Хилковъ не принадлежалъ, кажется, никакой сектѣ, но по своей природѣ былъ способенъ ко всякой религіозной мечтательности, увлеченъ былъ въ нее опорва бывшей при его сестрахъ гувернанткой герригутерскаго толку, m-lle Шредеръ, а потомъ и знаменитою мечтательницею, баронессой Крюднеръ. Съ перваго взгляда на Зиновея Хилковъ далъ мнѣ и себѣ слово, насколько можно, его изучить. По понятіямъ своимъ о масонахъ, хотя онъ имъ и не былъ, Хилковъ, догадывался я, думалъ, что Зиновей могъ быть, конечно, не посвѣщеннымъ, простодушнымъ послѣдователемъ начатковъ ученія масонской премудрости, которой будто бы могъ онъ научиться у моего отца. О моемъ батюшкѣ, умершемъ за три года, Хилковъ могъ знать только то, что имъ основана была въ Орлѣ ложа. Старанія любознательнаго молодого мистика объяснить себѣ сколько-нибудь Зиновея, отыскать въ немъ причину его таинственности оставались безуспѣшными. Колдовство, знахарство, ворожба и непремѣнно рядомъ съ ними простонародное леченіе разными травами и симпатическими средствами тѣми медиками, которые не принадлежатъ школѣ рѣшительныхъ матеріалистовъ, отвергаются, равно какъ и существованіе въ народѣ тѣхъ лихихъ людей, которые по злобѣ портятъ, т.-е. наносятъ вредъ и болѣзни своему ближнему. Не даромъ же говорятъ и о вліяніи на человѣка глаза. Въ первой молитвѣ, даваемой родильницѣ и ея младенцу, Церковь установила молиться о спасеніи новаго христіанина «отъ призора очесъ». Итальянцы вѣрятъ глазу и боятся его не менѣе насъ, русскихъ. Какъ бы то ни было, Хилковъ по склонности своей ко всему чудесному долго ухаживалъ за Зиновеемъ и, живя иногда по своимъ дѣламъ до наступленія зимы въ Михайловкомъ, вызывалъ его къ себѣ на бесѣду въ длинные зимніе вечера и подпаивалъ чаемъ съ ромомъ,—и все было напрасно. Нашъ чудакъ отличался передъ всѣми дворовыми трезвостью и молчаливый, какъ камень, никогда не проговаривался, а можетъ быть и то, что и самъ ничего въ себѣ и за собой ясно не сознавалъ, но въ князѣ Хилковѣ подозрѣнія на счетъ его запали глубоко и никогда не уничтожались.

Главная Контора: МОСКВА, Тверская, Камергерскій пер., д. 4. противъ Художествен. театра. Тел. 245-30.

914.7 R956P 499893

Rusov

Pomeshchich'ia Rossiia po zapiskam sovremennikov

DATE | ISSUED TO

914.7 R956P 499893

141 Ch 2851

189
209 A

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Pomieshchichia Rossiia : po zap
914.7 R956P
D90378372$